

№9 (75)
СЕНТЯБРЬ

2019

СИМБИРСКЪ

12+

Литературный журнал

Объявлена
основная подписка
на 1 полугодие 2020 г.

Цена подписки:
1 мес. – 95,00 руб.
6 мес. – 570,00 руб.

Индекс ПА041

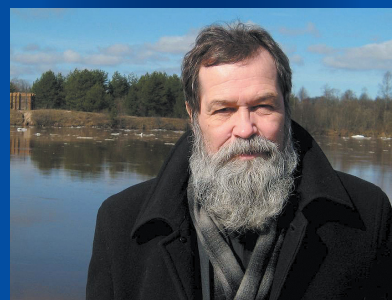
Гончаров и Островский
стр. 4-8

Илья Таранов.
Волжская пристань
стр. 16-20

Люба, Любушка, Любава.
К юбилею художника
Л. Какичевой
стр. 53-56

К 70-летию Николая Коняева
стр. 65-68

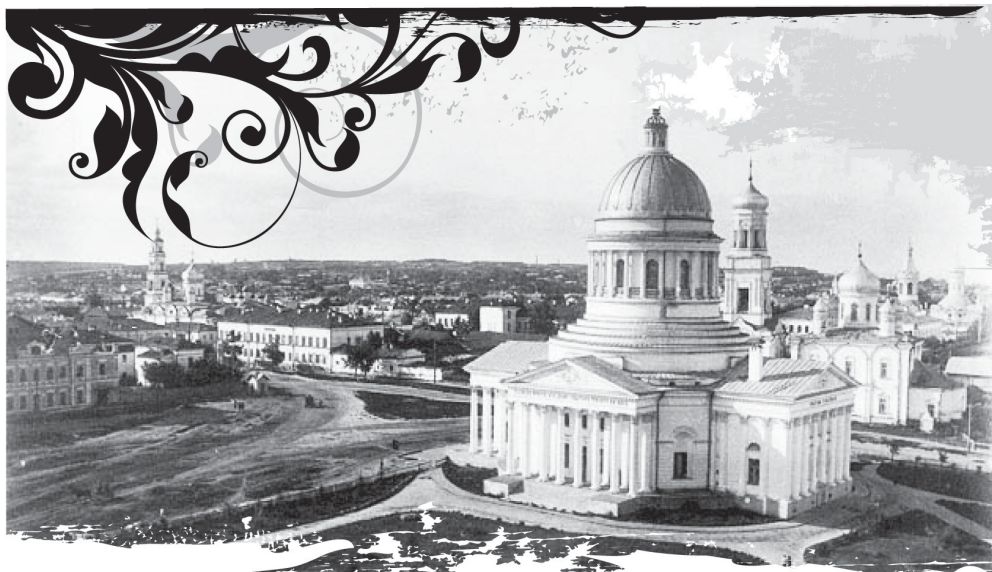
СИМБИРСКЪ

12+

№9 (75)
СЕНТЯБРЬ
2019

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ»

Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются. Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции. При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

Содержание

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89278036256

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Инга Гаак
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432017, г. Ульяновск,
ул. Пушкинская, 11, ком. 219.
Сайт: www.litsimbirsk.ru

Подписано в печать 13.09.2019 г.
Дата выхода 20.09.2019 г.
Тираж 700 экз. Заказ №800

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27.

© Литературный журнал «СИБИРСКИЙ» №9 (75), 2019

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректор – Ольга Абрамова.

На обложке: Любовь Какичева. Подсолнухи. Фрагмент. 2007 г.
На обороте обложки: Вячеслав Таранов. Поэт и муза.

«О родной земле». Слово редактора.....3

Год театра

Антонина Лобкарёва. Гончаров и Островский 4-5
Иван Гончаров. Материалы, заготовляемые для
критической статьи об Островском 5-8

С любовью ко всему родному

Ольга Даранова. Живой былой Синбирск..... 9-10
Николай Полотнянко. Синбирские сказания.
Страницы книги.....10-15
Илья Таранов. Волжская пристань.....16-20

Глубинка

Нина Васильева. Мир русской деревни в творчестве
Виктора Сергеева 21-26
Виктор Сергеев. Деньги, деньги.....27-33
Дмитрий Савельев.
Деревенская и почвенническая литература 34-37

Молодые голоса

Валерия Прохорова. Матвевна. Рассказ 38-39
Мария Юрталъ. Герой после полуночи. Рассказ.....40-43
Инна Яковлева. Профессия – композитор 44-45

Страна поэзия

Валерий Кузнецов. Ещё тепло, но скоро, скоро.....46-48
Николай Марянин. Симбирская рапсодия. Стихи.....49-52

Юбилеи

Нина Никифороки. Люба, Любушка, Любава.
К юбилею художника Любви Какичевой.....53-61
«Ты Россия моя...» Фотографии Ильи Таранова.....62-64
К 70-летию Николая Коняева
Николай Коняев. Асфальтовый мужик. Рассказ.....65-68

Черемшан

Юрий Шерстнёв. Орденские планки. Рассказ.....69-77

Память сердца

Эмиль Сокольский.
Неходящий свет Зинаиды Миркиной.....78-81
Зинаида Миркина. Стихи 81
Юбилейный календарь.....82-96

Редакционная подписка – дешевле,
в том числе для юридических лиц.

Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40),
в г. Димитровграде:
ул. Юнг Северного флота, 20, каб. 310а
(тел. 8 (84235) 3-26-49)

Для удобства читателей предлагаем альтернативную
подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье»,
тел. 8 (8422) 41-01-41

Оформить
досрочную подписку на 2020 год
(подписной индекс: ПА041)
можно и с помощью компьютера
на сайте podpiska.pochta.ru
или смартфона по QR-коду:

О РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

27 сентября – день памяти Ивана Александровича Гончарова. Мы обращаемся к творческому наследию нашего знаменитого земляка. В Год театра предлагаем вниманию читателей тему «Гончаров и Островский». Публикуем работу И.А. Гончарова «Материалы, заготовляемые для критической статьи об Островском» (вступительное слово Антонины Лобкаревой).

В сентябре по традиции в Ульяновске отмечается День города. И мы обращаемся к истории Симбирска. В рубрике «С любовью ко всему родному» представляем книгу Николая Полотнянко «Симбирские сказания», презентация которой состоялась в Ульяновском Дворце книги. Публикуем сказы, в которых оживают картины исторического прошлого.

Родному городу посвящена «Симбирская рапсодия» Николая Марьянина, читайте подборку стихов из новой книги поэта.

В июне 2019 года состоялся Всероссийский фестиваль литературных журналов «Волжская пристань». Редакторы, приехавшие в Ульяновск из разных уголков нашей страны, от Калининграда до Красноярска, обсуждали насущные вопросы, размышляли о будущем изданий. Общероссийское литературное пространство существует, и журналы отражают сегодняшний литературный процесс. Фестиваль был организован по инициативе Ульяновского регионального отделения Союза писателей России. Публикуем очерк Ильи Таранова об одном дне фестиваля.

Центральная тема этого номера – «деревенская проза». В рубрике «Глубинка» читайте статью краеведа Нины Васильевой о творчестве писателя Виктора Сергеева. В прозе В. Сергеева отражен мир русской деревни. «Болит сердце писателя о порушенных сёлах и деревнях...». Публикуем эссе Виктора Сергеева.

Предлагаем вниманию читателей статью прозаика Димитрия Савельева «Деревенская и почвенническая литература». Обращаясь к классике советской литературы, отвечая на вопрос, «какую же народную мысль вычитываем мы из этих книг», автор статьи приходит к заключению: «Несмотря на пестроту, своеобразие и внешнюю красочность жизни, деревня в общем и целом – область

страдательная...».

По-своему продолжают тему молодые авторы. Публикуем рассказы Валерии Прохоровой и Марии Юталь. В одном случае – сюжет связан с жизнью и «доживанием» деревенских стариков (рассказ «Матвевна»), в другом – история, рассказанная юной москвичкой, приехавшей погостить в деревню (рассказ «Герой после полуночи»).

В августе исполнилось бы 70 лет писателю Николаю Коняеву (Санкт-Петербург), в сентябре – годовщина со дня его ухода. В творческом наследии замечательного прозаика – романы и повести, художественные биографии известных людей и исторические хроники. Николай Коняев очень любил своих героев «из народа» (недаром же он был лауреатом Шукшинской премии!). Публикуем рассказ Н. Коняева о русской деревне, написанный с добрым юмором.

В рубрике «Страна поэзия» читайте стихи Валерия Кузнецова.

Предлагаем вниманию читателей очерк Нины Никифороки к юбилею ульяновской художницы Любови Какичевой. В сентябре открылась выставка ее картин в музее «Симбирское купечество».

О молодых композиторах Ульяновска – статья Инны Яковлевой.

В рубрике «Черемшан» читайте рассказ димитровградского писателя Юрия Шерстнёва «Орденские планки».

Прошел год со дня ухода поэта, философа, переводчика Зинаиды Миркиной. Но остался «неуходящий свет». Публикуем эссе Эмиля Сокольского о духовной лирике Зинаиды Миркиной.

Ведущий рубрики «Юбилейный календарь» Николай Марьянин составляет галерею литераторов так или иначе связанных с Симбирском. Так, поэт Николай Клюев (1884 – 1937) был членом Симбирского отделения Союза крестьянских писателей. Он писал: «Деревня – сон бревенчатый, дублёный, / Овинный город, празлень иконы...».

В стихах и прозе звучат радость и печаль, боль и надежда. И таких разных авторов объединяет одно: любовь к родной земле.

Елена КУВШИННИКОВА

27 сентября – день памяти
Ивана Александровича Гончарова

Антонина ЛОБКАРЁВА, старший научный сотрудник Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова

ГОНЧАРОВ И ОСТРОВСКИЙ

В 1923 году в сборнике «Памяти А.Н. Островского» была опубликована ранее не известная рукопись И.А. Гончарова «МАТЕРИАЛЫ, ЗАГОТОВЛЯЕМЫЕ ДЛЯ КРИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ ОБ ОСТРОВСКОМ», хранившаяся в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Статья Гончаровым не датирована. Исследователи работу над ней относят к началу или середине 1874 года по дате публикации комедии «Поздняя любовь» (пьеса эта напечатана в первой, январской книге «Отечественных записок» за 1874 год). В статье она названа как «самая последняя пьеса Островского».

Гончаров подчеркнул «громадность» изображенной Островским картины русской жизни, высказал ряд тонких суждений о стиле драматурга, подчеркнув национальный характер его творчества. В Островском Гончаров видел талантливого обличителя старых нравов и быта, или, как он выразился в статье, писателя «исторического», продолжателя гоголевской школы в литературе.

Черновая рукопись также интересна исследователям творчества Гончарова, так как не обработанная для печати передаёт логику рассуждений писателя в «послеобрывные» годы, когда шёл активный процесс реформирования практически всех сторон жизни в России.

Гончаров всегда высоко ценил творчество Островского. Впервые писатели встретились летом 1849 года, когда Гончаров останавливался в Москве по

пути в Симбирск. Тогда он присутствовал на чтении Островским его комедии «Банкрот» (в последствии – «Свои люди – сочтёмся»). В письмах друзьям в Петербург Гончаров восторженно отзывался об этой пьесе.

Гончарову довелось в 1858 году быть цензором сочинений Островского в двух томах, изданных графом Г.А. Кушелево-Безбородко. Он старался провести на сцену комедию «Свои люди – сочтёмся!» с первоначальным концом, хотя это ему не удалось. Стараниями Гончарова на сцену попала «Василиса Мелентьева». В 1860 году Гончаров дал хвалебный отзыв о «Грозе» для комитета по Уваровской премии, во многом благодаря ему премия и была присуждена Островскому. Грибоедовскую премию за 1883 год Островский получил тоже не без участия Гончарова. Мнение членов жюри в оценке пьес Островского разошлись. Правда, по болезни Гончаров не участвовал в судействе, свое мнение он высказал в письме к комитету. И его мнение сыграло решающую роль. В результате премия была присуждена Островскому за пьесу «Красавец-мужчина».

В 1882 году в связи с 35-летием драматической деятельности А.Н. Островского, как бы подводя итоги его творческой деятельности, автор «Обломов» дал ему оценку, ставшую классической и хре-

стоматийной. Он писал: «Литературе Вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой собственный мир. Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский, национальный театр». Он по справедливости должен называться: «Театр Островского»».

Пока ещё не выявлены непосредственные отзывы А.Н. Островского об И.А. Гончарове и его произведениях. Немногие опубликованные письма Островского к Гончарову и воспоминания современников свидетельствуют, что он относился к романисту с глубоким почтением.

Так, например, журналист, историк и общественный деятель М.И. Семевский писал, что однажды Островский с горечью сетовал: «Но довольно вам сказать, что в нынешний приезд я даже не был у Ивана Александровича Гончарова, а между тем к нему каждый приезд свой в Петербург считал делом являться, точно так же, как, приехавши в Москву, нельзя не посетить Иверской божией матери, так в Петербурге нельзя не побывать и не явиться к Ивану Александровичу».

Иван ГОНЧАРОВ

МАТЕРИАЛЫ, ЗАГОТОВЛЯЕМЫЕ ДЛЯ КРИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ ОБ ОСТРОВСКОМ

Последние пьесы Островского встречаются и в печати и на сцене довольно холодно. Между тем пьесы эти, как справедливо было замечено кем-то, не хуже прежних. А две последние, именно – «Не все коту масленица» и самая последняя – «Поздняя любовь», – можно отнести к группе лучших его произведений.

Следовательно, автор не изменил себе: мы видим прежнего Островского, того же тонкого наблюдателя, часто поэта, живописца, юмориста, каким знали его двадцать лет, только с большим самообладанием – в развитии идеи и в художественном воплощении ее в образе – словом, созревшего и опытного мастера.

Между тем в публике пробежала холодная струя – и появление новой пьесы не производит прежнего впечатления, не ведет за собою толков, споров.

Что за причина этому?

Причина не одна. Прежде всего Островский разделяет в этом отношении участь всех беллетристов новейшего времени. К ним ко всем более или менее стали холоднее прежнего. Беллетристика перестала быть центром и знаменем интеллигенции по мере того, как развивалось и созревало общественное сознание о необходимости образования в массе.

Круг образованных и серьезно подготовленных для общественной деятельности людей расширился – и беллетристы выделались из этого круга, как выделяются специалисты всякого дела, и составили особый, всегда почетный, но уже не во главе всей интеллигенции стоящий кружок. Иначе и быть

А.Н. Островский

не может. Осудить толпу смотреть на мир и образы сквозь призму искусства и отдаваться послушно в команду художникам, хотя бы и творцам, значит обрекать общество на вечное юношество. Наука взяла если не высшие, то равные права, новые условия дали общественной жизни и новые, неожиданные и ускоренные направления, среди которых и искусству пришлось вступить на путь обновления, путь новых веяний, взглядов, коренных реформ, отказываться от некоторых заветных своих традиций и приемов и идти рука об руку с веком, пока еще неведомо куда, к новым, незнакомым идеалам.

Чаще всего услышишь, что «Островский исписался»: «пишет-де все одно и то же; беспрестанно повторяется. Купцы да купцы, безобразиие самодурства, пьянства, нравы захоlustьев. Прескучно!» И это еще более основательный отзыв: в нем есть маленькая доля относительной правды.

Только первая посылка, то есть что «Островский исписался», несправедлива. Драматург еще в цвете лет и в полном развитии сил.

Его, сколько мы знаем, не постигло ни моральное, ни физическое зло, которое бы могло вредно повлиять на талант. Куда же девался внезапно последний – без всякой причины?

Говорят это чаще всего люди, ищущие в произведениях Островского только сценического спектакля и мало вникающие или не вникающие вовсе в силу их литературного значения. А требуют они от спектакля, безусловно, удовольствия, основанного большею частью на разнообразии. Они с одинаковой степенью восприимчивости и критического понимания переходят из Михайловского театра в Александрийский, отсюда в Мариинский, потом в оперу и даже балет. Для них вопрос – в употреблении их вечера: насколько тот или другой театр займет их, насколько та или другая пьеса жива, забавна, пожалуй, трогательна, и всего более – насколько тот или другой артист или артистка успели заинтересовать их внимание. <...>

Мы не последуем за ними всюду, а остановимся в этом очерке на одном представлении комедии «Поздняя любовь» в Александрийском театре, и если успеем, то упомянем о сценическом выполнении. Но более всего мы имеем в виду литературную сторону этой пьесы – и с этой стороны и займемся ею.

При этом, конечно, придется нам коснуться и прочих пьес, может быть, всех и всей деятельности Островского, разумеется, в немногих словах, как оно будет уместно.

Не беда, если не скажем ничего нового, лишь

И.А. Гончаров. 1862

бы то, что скажем, послужило вернее определить значение новой комедии, ибо трудно сказать новое после всего, что говорили об Островском. И вперед, что будут говорить о нем, а будут говорить много, тоже окажется не ново, а только будет дополнять сказанное и все вернее и вернее определять его значение в литературе. <...>

Итак «высший круг», в понимании русского искусства и в симпатии к нему, сходит уже на второй план, уступая первенство тем из русских людей, которые воспитались и прочно образовались не только в духе русских политических, общественных и других интересов, которых обязан держаться и «beau monde», но и в русских нравах, среди русского быта, преимущественно и больше всего владеют и

русским складом ума и коренным русским языком. В этом во всем и заключается истинная и великая разница между «beau monde» и средним русским классом, то есть в цельности, чистоте и прочности русского образования и воспитания.

Таков сам Островский, и таковы его истинные, естественные и тонкие почитатели и единственные компетентные критики, то есть все образованные и развитые люди среднего класса, смежного с простым людом и знающие этот люд, как знает его сам Островский. <...>

Того всеобщего обаяния, какое во всей интеллигентной массе производили имена Пушкина, Лермонтова, Гоголя, даже Грибоедова – имя Островского не производит и производить не будет по вышесказанной причине – недоступности всей массе образованных людей нравов круга, в котором он замкнулся – следовательно, по причине тесной объективности, которой он, по исключительности своих героев, ограничил себя, как в заколдованном кругу. Нужды нет, что в этой бездне «темного царства», как назвал его Добролюбов, отразились все человеческие стороны, начиная с ужасающих своим мраком преступности, безобразия, уродства до тонких и нежных мотивов души и сердца – образованное большинство не разглядит или не поймет этого в этих странных, каких-то изломанных чертах нравов и в неестественном складе ума, в искажении всего смысла жизни и в непостижимо изуродованной речи, всего того, что понятно только тем, которые нагляделись и наслушались этого, живя в самой среде или вблизи ее.

Но если популярность Островского негромка, то есть далеко звенящее эхо не разносит по всем концам России его имени, как оно разносило имена Пушкина и Гоголя, хотя в Москве оно так же популярно, как имя папы в Риме – то, с другой стороны,

в удел ему достается другое, более прочное благо – это долговечность.

Не «исписался» Островский, а исписал всю московскую жизнь, не города Москвы, а жизнь московского, то есть великороссийского государства – как оно было – с Ганзы и до Петра, пожалуй, до нашествия «двунадесяти язык» – и в этом причина охлаждения к нему. Он пишет все одну картину – одну и одну: зритель начинает утомляться. Картина громадна, писать больше нечего: приходится продолжать ее, одну ее. Другого Островский писать не может. Картина эта – «Тысячелетний памятник России». Одним концом она упирается в доисторическое время («Снегурочка»), другим – останавливается у первой станции железной дороги, с самодурами, поникшими головой перед гласным судом, перед нагрубившем ему стрекулистом – племянником.

Пали затворы замоскворецких замков купеческой олигархии, куда не проникал закон, а полиция «не препятствовала нравам» бородатых баронов. Но все прошло или проходит – и почва уходит из-под ног писателя.

Скажут, что задача всех писателей – черпать в океане русской народной жизни, в котором черпал и Пушкин, и Гоголь, и все нынешние писатели, и будут черпать вперед и никогда не исчерпают не иссякающего моря, которое все более раздвигает свои берега. Но Островский – писатель исторический, то есть писатель нравов и быта, а история исчерпывается огромным талантом: по части искусства слова – Островский исчерпал его, как Шекспир и Вальтер Скотт исчерпали историю Англии. После них осталось немного последующим художникам. Не говоря уже о Шекспире, можно указать на Диккенса, талант, может быть, сильнее Вальтера Скотта, но не ставший рядом с ним в своем историческом романе. Вообще в нашей истории драматургу немного простора.

Наша Илиада, то есть так называемый в других историях героический период – тянулся до Петра – и никакой Одиссеи. Одиссеев, пожалуй, было много, но Пенелопы почти ни одной. От этого все наши драматурги (и не одни наши, Шиллер например) кидаются в два места – или к Иоанну Грозному, или Самозванцу, Шуйскому и Борису Годунову, где есть что-то похожее не на медвежью травлю, не на дом сумасшедших, а на жизнь – с борьбой, с движением страстей, с некоторым смыслом.

А то все содержание сводилось к немногим данным: жил да был такой-то князь, пришел другой, прогнал: целовали крест ему, он казнил противников, пожаловал друзей. Первый воротился, прогнал второго: целовали крест ему; он казнил противников, жаловал верных. Там пришли тевтоны, там татары, дрались – целовали крест и т. д. Все это миновало: мы пережили и тевтонов, и татар, и уделы, и ляхов, и двунадесять язык – и сквозь все это Русь пронесла и вынесла доднесь свои старые, родовые черты, крепкие нравы, свой коренной быт, разбавленный и приправленный и Ганзой, и тевтонами, и татарами, и, наконец, французами. (Эти последние нравы, привитые французами, не имеют ничего общего с общеевропейскими чертами, прививаемыми всем цивилизацией и всем сообщающие в извест-

ной степени отпечаток европейца. Нет, та офранцузенная группа, которая долго господствовала в нашем обществе, была, с немногими светлыми исключениями, так же далека от общеевропейского гуманитарного развития, как и их предки, допетровские бояре. Екатерининские вельможи, забиравшиеся в глушь – с французскими библиотеками, поварами, с расшитыми золотом мундирами, и, наконец, до помещиков времен Аракчеева и позже – до 50-х годов – выкидывали «такие чудные коленца», какие не снились самодурам Островского.)

И все эти черты, образующие великорусскую физиономию, все вошли в творческую сферу Островского. Ничто до нового времени не ускользнуло от его зоркого ока. И там, где тесно трагику, романисту – там раздолье и простор комику. Но он комик по своей натуре, по натуре своего материала, комик по внешней поверхностной форме – а в сущности он писатель эпический. Сочинение действия – не его задача: да после вышесказанного о русской жизни она и не задача этой жизни. Ему как будто не хочется прибегать к фабуле – эта искусственность ниже его: он должен жертвовать ей частью правдивости, целостью характеров, драгоценными штрихами нравов, деталями быта – и он охотнее удлинит действие, охлаждает зрителя, лишь бы сохранить тщательно то, что он видит и чувствует живого и верного в природе.

Отодвинутый на крайний угол земли, в холодную и темную сторону – русский человек, русский народ жил пассивно, в дремоте, переживал про себя свои драмы – и апатично принимал жизнь, какую ему навязывали обстоятельства. Островский писал эту жизнь с натуры – и у него вышел бесконечный ряд живых картин или одна бесконечная картина – от «Снегурочки», «Воеводы» до «Поздней любви» и «Не все коту масленица».

Он нашел и изобразил нашу Одиссею – отмежевав себе огромное пространство и взяв в нем все, что брали по частям и другие. До него – Гоголь, который и указал ему путь – и тут же рядом сильные, хотя и меньшие против обоих таланты – Тургенева, Писемского, – все эти живописцы русской жизни.

Тысячу лет прожила старая Россия – и Островский воздвигнул ей тысячелетний памятник. Он не пошел и не пойдет за новой Россией – в обновленных детях ее нет уже более героев Островского.

Нравы, быт – все не то, следовательно, и все другое – не то! Островского обыкновенно называют писателем быта, нравов, но ведь это не исключает психической стороны: при неверностях психической стороны не могли бы быть верны быт и нравы. У Островского, конечно, не сложен психический процесс – он отвечает степени развития его героев и также ограничивается условиями драматической формы. Но у него нет ни одной пьесы, где бы не был затронут тот или другой чисто человеческий интерес, чувство, жизненная правда. Рядом с самодурием, в такой же грубой форме, сквозит человечность (например, в Любиме Торцова).

Автор, даже вопреки строгим условиям критики, почти никогда не оставляет самодура кончить самодурием – он старается осмыслить и отрезать его под конец действия – например, того же Торцова (брата) или Брускова, – не слушая голоса

логической правды и увлекаясь симпатией ко всему этому своему люду. Нередко у него в какой-нибудь горничной Глаше проявляется такое тонкое и нежное чувство, какое – казалось бы – могло быть только уделом высокого развития: но дело в том, что часто умственное и нравственное развитие не идут об руку или, лучше сказать, есть и умственное бессознательное развитие, дающееся как-то самою природой, в виде готового дара.

Эту тысячу лет как будто прожил сам Островский со своими героями – и сам... охладел? Нет, он слишком горячо любит народ и страну, но он пресытился и как будто останавливается, делается ленивее, устаёт, как устаёт отец – или учитель, – когда дети или ученики выросли, созрели, когда в них все реже и реже являются те черты и нравы, которые вызывали его энергическую заботливость. Темное царство, как назвал его Добролюбов, падает, краски линяют, нравы отходят – а если еще и утаились где-нибудь по углам, то они уже указаны, названы им по имени. Островский проникает и в эти углы: последние пьесы он называет сценами в захолустьях. Он знает, что главное он сделал – осталось немного.

У него как будто опускаются руки. Впереди у него ничего нет: новая Россия – не его дело. Он бросился назад и создал «Снегурочку», преддверие к своим историческим галереям, как будто вспомнил,

что у него не было начала.

Он сам усердно разрушал свой темный мир, в котором видел так ясно – этот свой Карфаген – и остается на разрушенных остатках – с праздною кистию.

Конечно, он ясно смотрел на все, что вершится в его глазах, в его время – взгляда, и силы его мысли, и образов, и красок достало бы на все, но где он возьмет симпатии ко всему другому, что – не Москва, то есть не Великая Русь – с любимыми, родными ему чертами, физиономиями, с этим теплым колоритом, с этой оригинальною красотой хорошего и необычайною уродливостью дурного? От религиозного культа бороды, постов, от выпивки водки, от принудительного почитания старших посредством потасовок, от рабского страха детей и домашних, от ухарства, воровства и шутовства приказчиков и купеческих сынков – до уродливостей русской франтихи-мотовки в «Бешеных деньгах» и полуживого офранцуженного полутатарина и супруги его с сынком в «Не сошлись характерами» – среди всего этого родился и жил Островский, пропитался воздухом этой жизни и полюбил ее, как любят родной дом, берег, поле. И никакая другая жизнь и другие герои не заменят Островскому этого его царства – растянувшегося от Гостомысла до Крымской кампании и Положения 19 февраля.

Ольга ДАРАНОВА, учёный секретарь Областной научной библиотеки им. В.И. Ленина – Дворца книги, член Союза писателей России

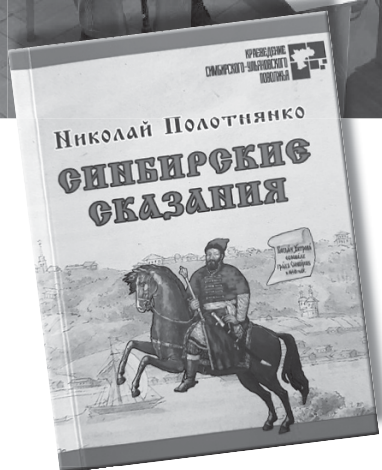
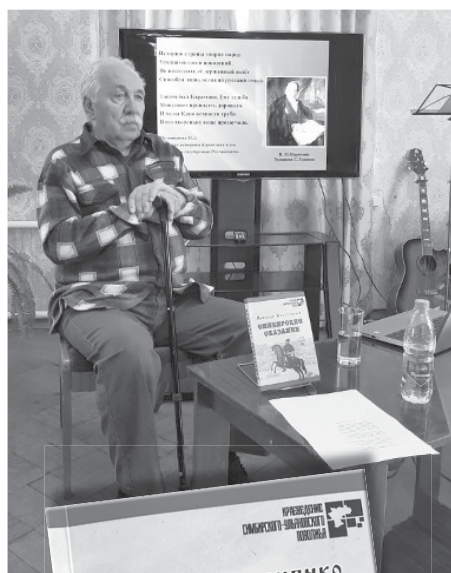
ЖИВОЙ БЫЛОЙ СИНБИРСК

Презентация книги Николая Полотнянко
«Синбирские сказания»

В День славянской письменности и культуры во Дворце книги состоялась презентация книги Николая Полотнянко «Синбирские сказания».

Книга сказов о древнем граде Синбирске на сегодняшний день завершает художественную летопись истории нашего славного края, созданную писателем Николаем Полотнянко. За чуть более десять лет из-под пера Николая Полотнянко вышли в свет замечательные исторические романы: «Государев наместник» (2007), «Атаман вся гулевой Руси» (2008), «Клад Емельяна Пугачёва» (2009), «Жертва сладости немецкой», «Минувшего лепет и шелест» (2010); две пьесы: «Симбирский греховодник» (2010) и «Клад Емельяна Пугачёва» (2012). Кроме этого, им написана поэтическая книга «Симбирский Временник».

Всё это вместе составляет впечатляющую картину наиболее ярких страниц жизни нашего края в XVII и первой половине XVIII веков, где речь идёт о синбирском дворянстве в контексте событий большой российской истории.

Книга «Синбирские сказания» – это свод сказов о самых значительных эпизодах из жизни Земли Синбирской за первые полтора века после заселения ее русскими людьми. Освоение Дикого поля, бунташные события времени, Разин и Пугачёв, государь Алексей Михайлович и Богдан Хитрово, чума и набеги ногайцев, сказы про синбирские клады, лосиную охоту и сватовство в Синбирске, о царских милостях и самосожжении еретиков – об этом и о многом другом интересном рассказывается в сборнике сказов. Его отличительной особенностью является глубокое знание автором истории, российской и симбирской, достоверная языковая окраска, выпуклая и яркая обрисовка персонажей, художественная выразительность и умение безошибочно передать колорит эпохи. Как верно отметил в своей замечательной вступительной статье к сборнику историк В.Н. Кузнецов: «Автор возвращает нас в языковую стихию русской классики. Всё написанное им органично и в лучшем смысле традиционно, потому что опирается на основополагающие смыслы русского бытия. Поэтому его поэзия и проза близка всем, кто ещё не отпал от своего народа и стремится к познанию Отечества».

По достоинству оценили книгу все, кто пришел на презентацию: доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра развития истории и культуры АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области» Сергей Прокопенко, поэт, публицист Пётр Шушков, поэт, член Союза писателей России, адвокат Фёдор Горобцов, поэт, художник, почётный архитектор России Лев Нецветаев, председатель регионального отделения СПР Илья Таранов. Всеобъемлюще расставил акценты особенностей книги во вступительной статье к ней «Художественно-историческая поэзия и проза о Синбирском-Ульяновском крае» доктор исторических наук, член Союза писателей России Валерий Кузнецов.

Передать историческую эпоху, представленную в сказах, помогли ведущая презентации, учёный секретарь Ульяновской областной научной библиотеки, член Союза писателей России Ольга Даранова и сотрудник Дворца книги Григорий Андрианов. Музыкальные композиции исполнил Валерий Ветров.

Презентацию дополнили слайды, иллюстрирующие сборник сказов, а также выставка произведений Николая Полотнянко, подготовленные отделом краеведческой литературы и библиографии.

Николай ПОЛОТНЯНКО, поэт, прозаик, драматург, родился 30 мая 1943 года в пгт Тальменка Алтайского края. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор многих книг стихов и прозы: «Братина», «Круги земные», «Симбирский временник», «Государев наместник», «Клад Емельяна Пугачева» и др. Лауреат премии им. И.А. Гончарова. Лауреат поэтической премии имени Н.Н. Благова. Награжден медалью Н.М. Карамзина, орденом Ф.М. Достоевского. Живет в Ульяновске.

Представляем книгу Н. Полотнянко «Синбирские сказания» (2019). Все сказы относятся к историческому периоду, когда город Ульяновск назывался Синбирском (1648 – 1780).

СИНБИРСКИЕ СКАЗАНИЯ

Страницы книги

* * *

Пусть прошлое туманно и неблизко,
Печаль о нём торжественно светла.
На площадях и улицах Синбирска,
Прислушайся, звонят колокола.

Прислушайся! Восходит звон из глуби.
Что ни удар, то отзовется год.
И от волненья пересохнут губы.
И память горькой скорбью обожжёт.

Мы часто на решенья были скоры,
Беспамятны... Но ты нас не кори,
Былой Синбирск. Звонят твои соборы,
И тенями встают монастыри.

И кладбища, что скрыты под бетоном
Дорог и зданий, явственно видны.
Синбирск! К твоим истокам и иконам,
Настанет час, и припадут сыны.

Сказ про то, как царь Пётр Алексеевич в Синбирске чай гонял

Жили-были синбиряне в полной уверенности, что до бога высоко, до царя далеко. А тут на тебе!..

Заорал на пожарной каланче караульный и десницей на полночь кажет, воеводу кличет, но не на пожар: по Казанскому тракту мчался клуб пыли и по временам из него высывались то оскаленная конская морда, то копыта, то голова всадника. Караульный заорал ещё пуще, брякнул в чугунную доску. Из воеводской избы выглянул приказной: «Что орёшь, ботало?»

Следом за ним из дверей вылез сам воевода Фёдор Хрущёв, стольник старомосковской выделки. По дедовскому обычаю, он хотел было соснуть после обеда, а тут переполох. Хрущёв неодобрительно глянул на караульного, хотел на него рявкнуть, а тут через покосившиеся ворота влетел всадник, в котором воевода намётанным взглядом сразу распознал сержанта гвардии, коих обычно наряжали на царские посылки. «Беда!» – похолодел Хрущёв, юркнул в избу и поспешно натянул на себя парадный кафтан. Сержант простучал по доскам крыльца подкованными сапогами, вошёл в палату и протянул воеводе кожаный цилиндр с депешей.

– На словах велено добавить: за оплошку при встрече государя Петра Алексеевича спиной ответить! – гаркнул гвардеец.

Воевода похолодел от ознобного страха, но сметки не утратил.

– Сенька, чёрт! – крикнул он начальнику над приказными. – Немедля господину сержанту гвардии обед из моих запасов, да кувшин романеи распечатай!

Сержант с Сенькой пошли в кормовую избу, а Хрущёв приказал немедленно собрать всех начальствующих в Синбирске и важных особ: капитана гарнизонной команды, приставов соляной и питейной контор, протопопа собора Живоначальной Троицы, важнейших купцов и промышленников. И тогда в городе стало людно и шумно: приказная шушера, те, кто побойчее на ногу, кинулись в разные концы исполнять воеводский приказ.

Первым прибыл начальник гарнизона капитан Рогачёв, ветеран Полтавы, со своей командой. Солдаты, инвалиды и слабосильные, поднимая пыль, толпой ввалились на площадь перед воеводской избой. Рогачёв вприпрыжку бегал меж них, размахивая ясеновой тростью с железным набалдашником. Заслышав топот и зверские крики капитана, Хрущёв вышел из избы и кисло посмотрел на служивых. Зрелище было жалким и удручающим: мундиры на солдатах сплошь латанные-перелатанные, сапоги разбитые, кой у кого подмётки лыками подвязаны, половина солдат хромые, другая половина однорукие.

– Ать-два! – бодро кричал капитан. – Смотри веселей, ребята!

Воевода махнул рукой, мол, веди прочь от глаз моих и строго спросил капитана:

– А как пушки? Будет государь в крепости или не будет, но в любом разе салютовать надо!

– Все единороги ещё третьего дня речным пе-

ском вычищены, порох сухой, – отрапортовал Рогачёв. – Государь мне лично награду после Полтавской баталии вручал, – и коснулся набалдашником трости пришитого к мундиру золотому рублю.

– Не подведи, родимый, – сказал воевода. – Поднимайся на крыльцо. Вон соляной с питейным приставы бредут, и отец протопоп волочитя, рясой пыль метёт.

Заседали дотемна, пока всё решили. Утром, едва рассвело, Рогачёв с инвалидной сотней солдат спустился в подгорье к пристани, расставил служивых цепью, и они прочесали всю округу, выковыривая из кустов, лодок, притонов всякую шваль и сволочь, которые от ледохода до ледостава отираются в здешних местах, кормясь воровством и случайными прибытками. Выловили полтора десятка срамных девок на глиняных бусах, с натёртыми свёклой щеками, орливых и царапучих. Весь этот полон Рогачёв загрузил в большие лодки и отправил за Волгу, подальше от государевых очей. На кабак потратили последний запас охряной краски, выкрасили его снаружи, а крышу промазали дёгтем.

Пристань, полверсты берега вымели мётлами, часть её разборонили. Ступай, царь-батюшка, как по бархату!

Воевода Хрущёв с утра припожаловал на воеводском жеребце, сбруя вся в серебряных бляхах, позванивает. На самом воеводе шапка с камчатым верхом и собольей оторочкой, кафтан красный с куньей обшивкой по отвороту и низу, на боку сабелька вострая, а в руке плеть-ногайка. Ею он с оттяжкой врезал грязному забулдыге, что паялился на кабак, не узнавая его в охряном дворце-игрушке. Солдаты подхватили голь-рвань и утащили в кусты, тот только ногами задрогал.

– Вот вишь! – сокрушался капитан Рогачёв. – Вроде всех из кустов вычесали, ан нет!

Подошли купцы, впереди сам Борис Твердышев, купец и промышленник, рядом Андреев, мельничник боярин, да Ушаков (треть купцов Гостиной сотни Среднего Поволжья в граде Синбирске родовые домовладения имели и торговлю, и промыслы вели не только на Волге, но и в Москве, и новой столице Санкт-Петербурге). Хрущёв окинул их требовательным оком и остался доволен. Видные собой, ни одного замухрышки, одеты в длинные кафтаны из тонкого аглицкого сукна, красные и синие, на ногах добротные сапоги, на головах шапки из дорогой камки.

К Твердышеву подбежал иноходью ухарь-приказчик, подал корзину с крышкой. Купец достал из неё серебряную братину, наполненную золотыми червонцами. Все так и прилипли к ней очами, вот оно какое – сокровище! Хрущёв судорожно слотнул густую слюну: целых тысяча червонных! Так бы и смотрели, не отрываясь, пока бы с голоду не перемёрли, но дозорные, расставленные вдоль берега на сто сажень друг от друга, завопили:

– Идут! Идут!

Из-за мыса белыми птицами вылетели два струга и направились к пристани.

– Маши, воевода! – гаркнул капитан.

– Годи, не к спеху! – буркнул Хрущёв и взял в руки зрительную трубку. На переднем струге стоял, подбоченясь, капитан гвардии. На втором были нагружены лубяные короба и мешки. Струги уткнулись в берег. И закипела работа. Начали стаскивать на берег короба и мешки, распаковывать их, все, включая воеводу, стали у капитана гвардии на посылках. В кабаке затопили печь – воду греть, чуть в стороне царские повара начали живую рыбу разделывать, запыхтел огромный серебряный самовар.

С хозяевами царская челядь не церемонилась, толкалась, ругалась, но Хрущёв и все именитые синбиряне не обращали внимания на поварню, они замороженно смотрели на Волгу, по которой шла армада парусных и гребных судов, наполненных солдатами гвардейских и линейных полков, и среди них царская галера под громадным белым парусом, над которым, на конце мачты, трепетал Андреевский флаг.

Воеводу Хрущёва будто в голову бревномшибануло: сигнал пушкарям подавать! Он потянул из-за пазухи белый плат, но поручик, командовавший крепостной артиллерией, сам догадался. Медные единороги сделали залп, потом второй, третий, вершина Синбирской горы закудрявилась белым дымом, а с армады в ответ грянуло, потрясая окрестности, солдатское:

– Виват! Виват! Виват!

Суда с полками прошли мимо Синбирска, а царская галера остановилась возле пристани. С неё спустили шлюпку, в которую сошли государь Пётр Алексеевич, его супруга Екатерина Алексеевна, генерал-адмирал граф Апраксин и ближний вельможа Толстой. Когда государь ступил на Синбирскую землю, опять троекратно ударили единороги и во всех соборах и церквах зазвонили колокола. Император и императрица приняли благословление от соборного протопопа и недовольно посмотрели на встречающих, которые все пали на колени.

– Подыми, воевода, свою братию, – сказал царь. – Нечего на коленях по песку елозить. Поклона вам мало, всё норовите башкой в землю уткнуться!

Первым опамятовался именитый купец Борис Твердышев. Вскочил на ноги, схватил серебряную братину с золотыми червонцами и просунулся к царю:

– Прими, государь, от синбирского купечества!

Пётр Алексеевич благосклонно посмотрел на статного купца.

– Принимаю, пойдём со мной чай пить. И ты, воевода, отряхнись и за нами следуй.

Императрица Екатерина Алексеевна с улыбкой смотрела на происходящее и радовалась, какие у неё послушные и любящие подданные, в других странах давно таких нет.

Государь сразу проникся к Твердышеву интересом, усадил его за столом по правую сторону от себя, а воевода Хрущёв на краешке стола примостился и с опасливым недоумением смотрел на стоявший перед ним на тонкой ножке бокал с вином – как бы посудину не разбить, сраму не оберётся.

– Россия твёрдой ногой стала на Балтийском море, – сказал государь. – Теперь будем утверждать-

ся на Каспии и Кавказе!

Подали закуски, в основном всякую волжскую рыбу, пироги, сладости.

– Знаю о тебе, Твердышев, что ты богат, честен, но почему больших государственных дел сторожишься? – спросил Пётр Алексеевич.

Купец не смутился:

– Моё дело торговое, государь. Купец там, где прибыль, но я не только торгую. Суконную и винокурную мануфактуру имею.

– Об этом мне ведомо, но это в размере всей России мелочь. Тебе надо, как Демидову, развернуться, нечего сиднем на Синбирском бугре сидеть.

– Легко сказать, как Демидов, – вздохнул Твердышев. – В одиночку не осилю.

– А я тебе чем не помощник? – улыбнулся государь. – Бери земли Каргалы в Оренбургской степи, там люди испокон веков медь добывали. Сколько запросишь земли, столь и отпишем на тебя. Крестьян для рудников и заводов отпишем. Ты только начни. А как привезёшь мне первые десять пудов добытой меди, так тебе и полное моё благоволение.

Твердышев задумался. О Каргалах он слышал, место окраинное, дикое, кругом немирные народцы, опасное дело предлагал царь, но внутренний голос прямо-таки вопил: «Бери, дурак! Второго раза такой удачи не будет!»

– Ну как, берёшься за медь? – спросил Пётр Алексеевич.

– Берусь, государь! – уверенным голосом произнёс Твердышев.

– Вот это дело, – повеселел император. – Пётр Андреевич! Пиши указ: отдать купцу Твердышеву Оренбургских земель сколь пожелает для добычи меди, и крестьян отпиши монастырских тысячу душ, нет, полторы!

Толстой поднялся из-за стола и поманил за собой Твердышева.

Император Пётр Великий

Синбирское чаепитие Петра Великого было недолгим, парус царской галеры наполнился свежим ветром, крепостные пушки ударили прощальным салютом и зазвонили колокола соборов и церквей, невиданное доселе торжество встречи государя закончилось.

Дольше всех на пристани оставался Твердышев, в руке у него была грамота с именованным указом императора. Вдвойне был рад недолгой встрече с царём воевода Хрущёв. Карабкаясь на жеребце по крутому береговому взвозу, он не жалел и не сокрушался тем, что был обойдён царским вниманием, ведь «возле царя, как возле смерти», а ему по душе была другая пословица: «Воевода в городе – что мышь в коробе».

Ушаков и Андреев были весьма недовольны, что Твердышев вылез перед государем вперёд всех. «Ничего, – говорили они, – сломает голову на царской милости!» А более всех были разобижены голи кабацкие и пьяни бурлацкие, им предстояло добираться через Волгу к родимому кабаку, который дразнил яркой охряной краской своих стен их мутные взгляды с далёкого берега.

А над Волгой занепогодило, с заката напозднили тяжёлые грозовые тучи, подул холодный и порывистый ветер, и по всей реке заходили, затолпились белоголовые и пенистые волны. Застоявшийся конь мягкими губами трогал за плечо Твердышева, торопил хозяина домой, к теплу и корму.

Неведомо нам, как зачинал Борис Твердышев своё великое медное дело, привёз ли Петру Алексеевичу обещанные десять пудов меди, но в царствования «кроткая Елизавет» и Екатерины II он, а затем его сыновья Яков и Иван в компании с Иваном Мясниковым, который был женат на его сестре Татьяне, имели в Оренбургском крае громадные земельные пространства, рудники, медеплавильные заводы, десятки тысяч крепостных крестьян. Вся русская медь того времени была их медью. По сути дела, они занимались добычей денег, ибо почти вся ходячая монета была медной.

Никто не знает, сколько человеческих душ сгинуло в Каргалах, рудники там были узкими норами, где, согнувшись, зачастую прикованные к тачкам, крепостные вывозили руду на поверхность. Люди гибли от недоедания и повальных болезней, несметно обогащая своих владельцев.

Мясниковы-Твердышевы были баснословно богаты, в 1776 году они имели в своём владении восемь заводов, около восьмидесяти тысяч душ крепостных, миллионы рублей золотом в наличности, дворцы в Москве и Синбирске. Твердышевы и Мясников получили потомственное дворянство и чины, они имели всё, что только может пожелать человек, только у Якова и Ивана Твердышевых не было детей, то есть наследников, и все богатства семейного клана достались дочерям Мясникова – Ирине, Дарье, Аграфене и Екатерине.

Сказ про синбирских невест

Сказывают, что после кончины суматошного императора Петра Алексеевича, поднявшего Россию на дыбы и перетряхнувшего весь уклад жизни государства, настали тихие, почти дремотные времена. И очень скоро навывкло российское барство жить под мягкой женской рукой и другого счастья себе не искало. Но когда почил в бозе императрица «кроткая Елизавет», выскочил на престол, как чёрт из табакерки, голштинской выделки Пётр III,

седьмая вода на киселе от Петра Великого. Так ему в один час гвардейцы брата Орловы на Ропшинской мызе свернули шею. И с воцарением его супруги, будущей Екатерины Великой, пролились на российское барство неслыханные благодеяния: вышел указ о вольности дворянства, что служить отечеству оно может только по своей охоте и власть над крепостными у него полная и безраздельная, и прочая, и прочая.

Возликовали и наши синбирские помещики. Совестьливые дворяне стремились служить в гвардии или в линейных полках, но большинство оказались домоседами: залегли в своих поместьях, как медведи в берлогах, и носа, даже в Синбирск, не кажут, благоденствуют себе в родовых имениях.

В самом граде тоже кое-какие перемены случились: учинили вместо приказной избы несколько канцелярий, ратушу для учёта купцов и ремесленников, и чиновничья вошь начала плодиться на тягость простому люду. Там, где раньше приказной выжига за составление прошения брал пяточок, теперь канцелярский служка хапал полтинник. Купцам вроде послабление вышло, построили их по разрядам – гильдиям, у кого какая мошна. Почта появилась, одно время цифирную школу завели, учить недорослей грамоте и счёту, так желающих учиться из дворян почти не нашлось, стали учить в ней солдатских детей, тех можно было силком заставить, да и пороть их сподручнее, если урока не выучат.

После сих штудий вырастали из них отменные канцелярские крючки, в коих потребность год от года только множилась. Приказ общественного призрения появился, а с ним и богадельни, сиротские дома, за которыми стала присматривать управа благочиния, первый полицейский встал на пост возле дома управителя Синбирской провинции, обитатели работного дома каждое утро брались за тачки, кирки и лопаты – стёсывали спуск к Волге, ох и работа, полвека заняла!

Надо же было Богдану Хитрову град, славный и похвальный, взгромоздить на Синбирскую гору. Соновый лес-то в округе повырубили, другие города поволжские, которые имели береговое местоположение, пользовались для строительства и отопления сплавным, из Ветлуги и Перми, лесом, а в Синбирске каждое бревно приходилось затаскивать на кручу или везти за многие десятки вёрст.

Всё так, но никогда синбиряне не хаяли свой град, если из приезжих кто-то начинал про него дурно говорить, в ругань, а то и в драку, бросались. Мы-ста, синбиряне, у нас дворянство самое родовитое, гербами повитое, купцы – тароватей не найдёшь, наши глиняные кувшины—балакири – самые звонкие, промзинские платки – самые баские!

В этом довольстве собой и бахвальстве застала государыня Екатерина синбирян в лето 1767 года.

В Синбирске, как услышали о скором приезде императрицы, все переполошились, такая замятня началась, что пыль столбом. Выгнали из казармы служивых, дали им в руки лопаты и метлы, кочки соскребают, мусор и шевяки навозные сметают, всю Соборную площадь чисто вылизали, кордегардию и дом провинциальной канцелярии побелили, а наличники на окнах жёлто выкрасили. Чиновники в

присутствия кто в чём хаживал, заставили всех достать мундиры, проветрить от нафталина, крючки да пуговицы попришивать. Безмундирным велели по домам сидеть и носа не высовывать. Купцам тоже дело досталось – тащат штуки красного сукна, чтобы в двести саженой ковровую дорожку сделать под ноги государыне. Соборные дьяконы глотки прочищают гулким кашлем и кагором смачивают. Дишкантам и тенорам по сотне яиц отпустили даром, пусть пьют от пуза, для голосистости.

Государыня знать не знает об учинённом ею своим приездом переполохе в Синбирске, почивает себе на перине из лебяжьего пуха под шёлковым одеялом. В бока галеры, сделанной из архангельских корабельных сосен, волны плещутся, розовый парус похлопывает, сто гребцов, саженных солдат-гренадёр, вёсла в руках баюкают, дремлют сами. Тут и солнышко взошло, осветило императорский штандарт на мачте, обласкало тёплыми лучами палубу, высветило на носу судна бородатого и голого мужика с вилами – морского бога Посейдона. Государыня шевельнула ручкой по лебяжьему ложу, место рядом ещё не выстыло, ушёл Гриша, как обычно, до её просыпа. Вздохнула, очи распахнула, в колокольчик брякнула. Появились дамы-прислужницы, у одной в руках серебряная лохань с тёплой водой для умывания, у другой – гребни из зуба морского зверя для расчёсывания волос, у третьей – шкатулка из чёрного эбенового дерева с притираниями, мазями, помадами, белилами-румянами, всё французской выделки.

Граф Григорий Орлов зашёл, ручку чмокнул, справился, как государыня почивала, а о том, где был в ночном – молчок!

– Как погода, ваше сиятельство? – спросила Екатерина.

– Знойно, матушка! Скоро в Синбирске будем.

– Ах, – молвила государыня, – надеюсь, хозяева приготовленные мне покои охладили да мух повыгоняли. Уж очень они меня в Казани замаяли!

Галера «Тверь» причалила к Синбирской пристани под радостные крики горожан. Когда Екатерина ступила на берег, колокола соборов и церквей благовестили, над полуразрушенными стенами старой крепости закурился белый дым. И внятно чихнули четыре единорога времён царя Алексея.

По красной дорожке, приветствуемая со всех сторон горожанами и дворянами Синбирского провинции, государыня поднялась в гору к каменному дому Мясникова, где ей были устроены покои. После двух часов отдыха она изволила выйти в залу, где, потев в суконных мундирах, при шпагах и в треуголках, ожидали аудиенции синбирский комендант полковник Пётр Матвеевич Чернышев с главными чиновниками провинции. Чернышев только в этом году был назначен в Синбирск, в полковники он скакнул, по милости Екатерины, из камер-лакеев, и она с любопытством на него посмотрела, каково ему на комендантском месте, по Сеньке ли шапка оказалась? Ещё не перетёртый в синбирских жерновах Чернышев выглядел по-петербургски, камер-лакейская выучка позволяла ему держаться с выверенной почтительностью к царствующей особе, а остальные чиновники были крепко ушиблены

сиянием, исходившим от российской самодержицы, глаза у них заслезались, руки затряслись, души затрепыхались от прилива крови и административного восторга. Не чаяли они, что будут находиться в двух шагах от порфириносной владычицы всея России. А та милостиво улыбнулась, допустила их к своей августейшей руке и, сжавившись над их потной краснотой, отпустила.

– Какие медведи! – молвила она, адресуясь к Орлову.

– Медведи? – задумчиво произнёс граф. – Это волки, матушка!

– Других у меня нет! Душно, однако, и скучно. Что там на завтра?

– Торжественная служба в соборе, представительное народу.

– Ладно, займусь бумагами. Этот Чернышев, камер-полковник, принёс мне экстракт о состоянии города.

Государыня не гнушалась входить во все административные дела. Поднявшись в свои покои, она поторопила своих дам снять с неё тяжёлую, прошитую золотыми нитями и унизанную алмазами, робу, выпила холодной воды с брусничкой и села за столик к бумагам. Вечером того дня она записала в своём дневнике: «Здесь такой жар, что не знаешь, куда деваться, город же самый скарредный, и все дома, кроме того, где я стою, в конфискации, и так мой город у меня же. Я не очень знаю, схоже ли это с здравым рассуждением и не полезнее ли повернуть людям их дома, нежели сии лучшие и иметь в странной собственности, из которой ни коронные деньги, ни люди не сохранены в целости? Я теперь здесь упражняюсь сыскать способы, чтобы деньги были возвращены, дома по-пустому не сгнили, люди не переведены были вовсе в истребление, а недоимки по вину, по соли только сто семь тысяч рублей, к чему послужили как кражи, так и разные несчастливые приключения».

Присыпала написанное песком, сдула, перечитала и взгрустнула. Государыне представилось, что она сидит сейчас в доме на Синбирской горе, кручинится над тем, как известить воровство и взятки, а в это время на всём протяжении огромной России воруют, тащат, вымогают мзду, и нет ни каких сил прекратить это беззаконие. Ей стало вдруг зябко, она глянула в окно, в котором догорал закат, и сладко позевнула.

У графа Орлова тем часом из головы не выходила мысль, как развеселить свою царственную подругу. На такие придумки он был не очень горазд, не шут Балакирев, а гвардейский офицер, прямой, как плевок солдата, вот шпагой бы кого проткнуть или в морду кулачищем заехать, на это граф был способен без раздумий. Нрав он имел пылкий, а ум недалёкий, тем и проиграл в будущем Потёмкину, а пока у него с Екатериной отношения были страстными, умел Григорий так обнять, таким жаром-пылом обжечь, что отказу ему ни в чём не было. Орлов стоял возле окна в коридоре и смотрел, как одна за другой покидали покои государыни её камеристки. Когда вышла последняя, он двинулся к заветным дверям, но возле лестницы его остановило какое-то шурша-

ние. Он откинул портьеру и увидел прижавшуюся к стене хорошенькую девицу, которая зарделась как маков цвет.

– Ты кто такая? – спросил Орлов.

– Я хозяйская дочь, ваша милость, Екатерина.

Граф улыбнулся. Чудно ему показалось – опять Екатерина.

– И сколько ещё таких розанов здесь произрастают?

– У батюшки моего нас четверо.

– И все так же прекрасны?

По-гвардейски привычно схватил девицу в охапку и поцеловал в губы.

– Ах, сладка ягодка!

Девица убежала вниз по лестнице, а граф задумался, почесал затылок и радостно улыбнулся – его осенила блестящая идея, чем занять государыню. Вошёл в покои, увидел свою Катерину, убранную ко сну, в прозрачной батистовой рубашке, подхватил на руки, закружил.

– Нашёл я тебе заботу, матушка! Всю твою грусть, скуку окаянную как рукой снимет! Нужно заковать четырёх девиц в крепкие оковы!

– Это как же они провинились?

– Ох и провинились! Представь: молоды, с лица далеко не дурны, за каждой два завода, двадцать тысяч душ, миллионы рублей серебром да золотом. Немедленно возложи на них узы Гименея!

– Ты предлагаешь мне быть свахой? – государыня рассмеялась

Так снизошло на семейство Ивана Семёновича Мясникова царское благоволение. Крепко он маялся, как и жена его Татьяна Борисовна, одной думой: дочери на выданье, а женихов, соразмерных по своим достоинством с приданым, не находилось. Дворянство бывшего купца, полученное им за классный чин, выглядело в глазах родовитого барства скоропелым и даже плюгавым. Конечно, были женихи из дворян, но по большей части с червоточиной: то голь, из имущества только ботфорты на ногах, да шпаженка на боку, да аттестат на чин поручика за пазухой. Такие бы тысячами со всей России набежали, только свистни! Но не о таком счастье мечталось дочерям и самому Мясникову. И он, и Татьяна Борисовна были склонны выдать дочерей за своего брата, купца, за ним надёжнее, и капиталы будут целы, и от балов-машкерадов головы не закружатся, веру отцов крепко блюсти будут. Тревожные думы одолевали Масленниковых, тревожные.

– Завтра ведь у нас куртаг, – сказала государыня. – Озаботься, Гришенька, чтобы наши хозяева были.

– Непременно! – обрадовался Орлов. Ему намеченное на завтра мероприятие было любо по одной весьма важной причине: государыня, несмотря на его недовольство, постоянно держала вокруг себя свиту молодых блестящих офицеров гвардии, жадно взирающих на неё и готовых при малейшем знаке прыгнуть в царскую постель. Граф прекрасно понимал, что его могущество держится на приязни к нему государыни, и не хотел его лишиться. Завтрашний куртаг его радовал тем, что он может одним махом избавиться сразу от четырёх возможных соперников.

Дом Мясникова строил московский архитектор, он был в два очень высоких этажа, имел, кроме жилых комнат и спален, просторный зал на втором этаже с наборным из дуба полом, лепным потолком и роскошной люстрой. Окна выходили на Волгу, из них открывался величественный вид на Заволжье, речные острова и растёкшееся между ними русло реки. К приезду государыни весь дом чистили, мыли и скребли, и зал, ярко освещённый множеством свечей люстры и светильников на стенах, сиял, как сказочный дворец.

В дом Мясникова съехались самые родовитые синбирские дворяне, занесённые в шестую часть Бархатной книги российского дворянства. Государыня, встречая гостей, милостиво улыбалась. Ни обеда, ни возлияний на куртаге не предполагалось, это было время общения избранной знати со своей повелительницей, и приглашение на него означало причастность к самому высшему кругу лиц и крайнюю близость к трону. Но сегодня был вечер, где главное внимание уделялось не потомкам Рюрика и Гедемина, а Мясниковым. В карты ни Иван Семёнович, ни Татьяна Борисовна не играли, и на сегодня ломбер был оставлен. Музыканты играли длинный польский или полонез, кавалеры и дамы дефилировали с ритмическими приседаниями по залу, а всё общество, глядя на танцующих, приосанивалось, видя себя таким прекрасным, таким знатным, таким пышным, таким учтивым.

Екатерина была великая мастерица вести всякого рода переговоры.

– Я слышала, – сказала она Мясникову, которого не отпускала от себя ни на шаг, – у тебя много красного товара имеется, а у меня – добрые молодцы?

Ивана Семёновича окатило жаром, он сразу понял, о чём идёт речь, и не стушевался.

– Товар имеется красный, да только по плечу ли он молодцам будет? Мы люди простые, наукам не обученные.

– Полно тебе, Иван Семёнович, – улыбнулась государыня. – Не след тебе приbedняться. Всё от твоего слова зависит.

– С превеликой благодарностью вручаю судьбу дочерей вам, ваше величество, – сказал Мясников и прижался губами к милостливо протянутой руке императрицы.

И начались свадьбы: и в Синбирске, и в Москве, и в Санкт-Петербурге. Ирина вышла замуж за Павла Бекетова, родовитого дворянина и капитана гвардии; Дарья – за Александра Пашкова, в его память россиянам остался знаменитый Пашков дом в Москве; Аграфена – за Алексея Дурасова, построившего на деньги жены великолепную усадьбу, завязанного театрала; Екатерина – за Григория Козицкого, чей дворец в Москве был перестроен в Елисейский магазин. Мужья получили жён с большим приданым, Екатерина развеяла синбирскую скуку, а граф Орлов был доволен удалением своих вероятных соперников. Синбирское сватовство Екатерины – редкий случай, когда все остались довольны.

Призвание государей – видеть своих подданных счастливыми, и Екатерине это удалось сделать в граде Синбирске, славном и похвальном.

По инициативе Ульяновской писательской организации в литературных местах области устанавливаются памятные верстовые столбы.

Илья ТАРАНОВ родился 14 сентября 1959 года в Ульяновске. Член Союза писателей России, прозаик, поэт, меценат, генеральный директор «Симбирской литейной компании». Автор книг «Белая птица», «Маэлла и башня господина «В», «Стена», «Как Стенька Разин по Волге ходил» и др. С 2018 года возглавляет Ульяновское региональное отделение Союза писателей России.

В июне 2019 года в Ульяновске прошел Всероссийский фестиваль литературных журналов «Волжская пристань». Хроника одного дня – в рассказе Ильи Таранова.

Редакционный совет литературного журнала «Симбирскъ»
поздравляет

*Илью Александровича Таранова с юбилеем!
Радости и вдохновения, сил на все добрые дела,
новых книг и новых проектов!*

ВОЛЖСКАЯ ПРИСТАНЬ

Утро было нежарким, но июньское солнце слепило глаза, отчего Николай Иванович Дорошенко чуть жмурился, прохаживаясь у входа в гостиницу «Октябрьская». Я приехал минут на пять раньше назначенного времени и, увидев сквозь ветки голубых елей фигуру в светло-оливковом костюме, удивился раннему выходу московского гостя. Он дружелюбно взглянул на остановившуюся машину, а я вышел ему навстречу, приветливо здороваясь за руку. Пододал на лавочке сидели девушки из Дворца книги, озарившие улыбками наше появление. Мы начали шуточный разговор по какому-то незначительному поводу, наслаждаясь мирным началом нового дня.

Поэт из Сызрани Олег Портнягин возник из стеклянных гостиничных дверей и добродушной репликой оживил беседу:

– Хорошая нынче погода для поездки.

– Вчера вечером мы гуляли по городу, – сообщил Николай Иванович, – наслаждались благодатью тихих парков и скверов Ульяновска, и я понял, почему здесь не может появиться великий поэт... Здесь нет трагизма! Всё у вас чинно и благопристойно. Правда, не хватает набережной на Волге.

– Обманчивая идиллия. – Я с интересом посмотрел на собеседника.

– Возможно-возможно.

– Николай Иванович, вас ждут в восьмой библиотеке... В нашем регламенте выступления Дорошенко и Куняева в десять часов, – заговорили девушки.

– Мы с Николаем Дорошенко, писателями Александром Громовым из Самары и Олегом Портнягиным из Сызрани едем в Карсун, – возразил я, – а вот Сергей Станиславович Куняев в вашем распоряжении.

– Кто изменил регламент?

– Вчера мы приняли такое решение с директором Дворца книги Светланой Нагаткиной. В Карсуне День города – мы там выступаем. Кроме того, Николай Иванович по пути хочет посетить Присло-нихи, заглянуть в сельскую церковь и музей Пластова, – уверенно ответил я. – Лучше сфотографируйте нашу мужскую компанию.

– Такое ощущение, что ульяновцы только и делают, что фотографируются, – чуть усмехнулся Николай Иванович после фотосессии и, закулив, прислонился к высокому каменному парапету. И гадать не надо, глядя на аккуратную серебристую бородку, седоватые кудри и спокойный взгляд Дорошенко – писатель!

Мы продолжили разговор, намекая библиотекарям о принятом решении ехать мужской компанией в Карсунский район.

– Когда мы вернёмся в Ульяновск?

– К трём часам дня. У нас запланирована прогулка на теплоходе по Волге. Обедать будем в Карсуне или у меня дома в Арском... Как вчера прошёл ужин?

Мужчины улыбнулись:

– Русский человек знает, чем отличается хорошая еда от хорошей закуски... Все отлично, номера приличные... Да!.. Пора ехать.

Накануне, в субботу, в Областной научной библиотеке – Дворце книги прошло большое литературное собрание, открывшее в Ульяновске Всероссийский фестиваль литературных журналов «Волжская пристань». Главные редакторы «толстяков» съехались из многих городов России, а вечером прошёл круглый стол: там-то и обсуждали главную проблему журналов – малое количество подписчи-

ков. Для Ульяновска приезд литературных знаменитостей – событие, и понятно – хлопоты и возможности для региональных литераторов пообщаться с писательским бомондом.

Самарские писатели Александр Громов и Олег Портнягин положили в багажник моей белой «Тойоты» сумки с книгами, Николай Дорошенко уселся на переднее сидение, и мы – четвёрка писателей – поехали в Карсун, небольшой районный центр в часе езды от Ульяновска. В небе – голубой ситец, солнечный воскресный день благоприятствовал поездке и беседе собратьев по перу. В салоне машины чувствовалось всеобщее оживление в предчувствии встречи с русской провинцией, неизведанным патриархальным духом, таким важным для писательской души, для насыщения впечатлениями, которые всегда получает творческая личность от общения с природой, историей, произведениями культуры и новыми людьми.

– Волга! Широка река!..

– А вот её правый приток – Свяга, течет в противоположном направлении... Проезжаем аэропорт имени Карамзина... До Прислонихи минут сорок... А это – село Арское, основано в 1649 году – здесь я и живу... Да-да, от города недалеко, четверть часа, не больше.

Беседу вел Николай Иванович, начав с рассуждения о первоначальном названии города – Симбирск, основанного окольным Богданом Хитрово в 1648 году. С 1780 года город стал называться Симбирском вплоть до 1924 года.

– Обычно названия населенных пунктов происходят от названия рек или холмов, – подчеркнул Дорошенко.

– Раньше была река Симбирка, сейчас она течёт под землей, – заметил я.

– Вот-вот!

– Речка тоже от чего-то получила название, – кажется, это сказал Громов.

– Есть много версий, – продолжил я, – некоторые краеведы трактуют название как производное от мордовского «сююн бир» – «зелёная гора», есть версии, что во времена Волжской Булгарии здесь был город Симбир.

– Иван Грозный начал строить на Волге города-крепости, – продолжил тему Николай Иванович.

До самой Прислонихи я в беседу практически не вступал. Один раз прозвучала моя реплика по поводу возвращения Ульяновску исторического названия. Я согласился с писателями, что Симбирск благозвучнее и все чаще упоминается как в творческой среде, так и в названиях различных фирм и объектов в Ульяновской области.

Вскоре проехали речку Урень, свернули направо в Прислониху и остановились у Дома-музея народного художника СССР Аркадия Пластова. Деревянная церковь у дороги приветливо сияла золотыми куполами. В деревенских палисадниках пронизанная солнечным светом густая зелень деревьев пастозно и выразительно формировала тихие улицы Прислонихи. Ощущался терпкий аромат трав, исцеляющий расхристанность душ, невольно заражённых городской суетой. Деревенский мир заставил нас вдохнуть полной грудью, расслабить плечи, улыбнуться и восторженно разом заговорить:

– Вот она – исконная Русь!..

– Проникновенный сельский дух!..

– Звуки и запахи Родины!..

Нас встретила экскурсовод, приветливая женщина, с мягкими русскими чертами лица, которая попросила называть её «просто Антонина». Первым делом мы направились в церковь. Была Троица, и служба для немногочисленных прихожан уже шла.

Деревянный пол просторного храма, усыпанный травой, горящие свечи, ровный голос батюшки и запах ладана погружали в состояние покоя. Это состояние расширяет сознание и поднимает тебя над той ежедневной суетливостью, которая волевым неволей преследует любую деятельность человека, даже творческую, и пчелиным роем вьётся вокруг страждущей души.

Побыв четверть часа, мы тихо покинули церковь и оживились только в музее, разглядывая фотографии Аркадия Пластова, его масляные этюды и картины. Добродушный голос Антонины погружал нас в мир известного живописца, заставлял мыслить и чувствовать его образами, направлял взгляд на тонкий колорит красок, на ту натуральность изображенной жизни – сокровенной жизни простых крестьян, которая окружала художника, частью которой он был сам. Мы с Портнягиным задержались у репродукции картины «Весна». На ней изображена обнажённая молодая женщина с распущенными волосами, вышедшая из бани, присевшая на колени возле дочки, которую укутывает в шерстяной платок. Сыплются большие и редкие хлопья снега, а весна уже вокруг: в разбросанной на земле соломе, в ведре с колодезной водой, в отзывчивом взгляде детской души, в любящих глазах молодой мамы, в звонкой капели, в синеве талого снега за бревенчатым срубом сельской баньки.

– Художника влекло искусство, обращённое к жизни, – рассказывала Антонина.

– Гениальная картина, – восторгался Портнягин. – Весна – это рыжая красавица, присевшая на солому перед юной жизнью.

– Пластов изображал только то, что было близко его душе, – подключился к нашему разговору Николай Дорошенко. – Это важно и для писательского ремесла... Да, в этой русской природе, где русский дух, где Русью пахнет, должны рождаться творцы.

– Аркадий Александрович так вспоминал о Прислонихе, – продолжила Антонина: «Наше село лежало на большом Московском тракте, и, сколько себя помню, мимо нашего дома вечно тянулись бесконечные обозы, мчались тройки с ямщиками-песенниками...».

Николай Иванович не отходил от Антонины и непрерывно вёл с ней диалог. Я обратил внимание, что московский писатель с приятным голосом, пытливым и вдумчивым взглядом не упускал возможности доверительно и заинтересованно пообщаться с людьми. Он и в церкви о чём-то разговаривал с прихожанками, устало присевшими на лавочку. Вот и в машине Дорошенко не только рассказывал о том, как юнгой во время шторма упал за борт сухогруза и прощался с жизнью. Москвич выспрашивал Александра Громова о самарской жизни, о писательском житье-бытье.

По свежескошенной траве мы пошли к дому

Пластова: он прятался за густую зелень прямо напротив церкви через пустырь, за серым дощатым забором. Во дворе – русская баня, сараи, конюшня, деревянные колеса от старой телеги, оглобли, чугунная утварь, конская сбруя. В мастерской живописца всё сохранилось в первозданном виде, практически как при жизни художника. Тут и мольберт, и палитра, тюбики с красками, кисти, подрамники, холсты, этюды... Осталось и множество вещей, которыми пользовался художник: подковы, вожжи, колокольчики, столярный инструмент, сухие корневища и сучья замысловатой формы в виде животных и людей.

В мастерской А.А. Пластова

Антонина рассказывала:

– Пластов рано выучился разным крестьянским ремёслам – был косцом и пахарем, плотничал, собирал старинные предания, сказки и былины.

Хотя я не первый раз переступал порог этого удивительного мира Аркадия Пластова, но заново открывал многие предметы, наполняющие его необыкновенным звучанием. Увидел на стене вожжи – и кажется, на дворе скрипнула телега, послышалось ржанье, топот конских копыт. Вот обточенная коряга на полке – будто леший с шишигой бранятся в сенях, а за шкафом домовою приглядывает за гостями.

Мы собрались уезжать, но Антонина посоветовала нам заглянуть в церковно-приходскую школу рядом с церковью, где раньше учились сельские детишки и сам Аркадий Пластов. Внутри небольшого сруба с высоким крыльцом нас объял полумрак, и сердце ёкнуло от врождённого чувства, раз от раза возвращающее взрослого человека в детство. Мы сели за старинные парты с откидными крышками, а наша добросердечная Антонина, казалось, как сельский учитель, приготовилась вызывать учеников к доске. Я почувствовал, что Олег Портнягин, сызранский поэт, хочет прочесть свои стихи. Я предложил ему выйти к доске, и он с большой охотой продекламировал стихотворение «Урок»:

«Вывели чёткое: Родина.
Головы к партам склоня,
учится женского рода
имя склонять ребятня...»

Вскоре мы распрощались с приветливой Антониной и помчались по трассе Р-178, по тому самому пути, некогда называвшемуся Московским трактом, в сторону Сурского, где дорога раздваивается на Са-

ранск и Нижний Новгород. Мы малость опаздывали, и я бодро вёл машину, обгоняя фуры и легковушки. Я отстранился от разговоров и под впечатлением Прислонихи представлял обгоняемый и встречный транспорт телегами, бричками и каретами с гривастыми конями, бородатыми мужиками и господами в цилиндрах. Запах бензина, гари и разогретого на солнце асфальта для меня будто смешивался с терпким запахом дёгтя, навоза и лошадиного пота, наполняя мою грудь поэтическим восторгом и новым ощущением жизни.

– Посещение Прислонихи оправдывает всю нашу поездку в Ульяновск, – доносились до моего слуха обрывки фраз. – Живописные места! Русский дух.

Миновали Языково, куда намеревались заглянуть на обратном пути, и, проехав село Урено-Карлинское, свернули на Карсун, до которого оставалось километров двадцать пять.

Неспешный разговор в машине шёл о названии городского посёлка. Николай Дорошенко сначала называл его Корсунь, но когда мы увидели на возвышенности стелу с надписью из железных букв «Карсун. Основан в 1647 году», удивился, и оживление охватило всю компанию.

– Город основан Богданом Хитрово на год раньше Симбирска! – я поддержал разговор.

– Всё же город или посёлок?

– А вот на въезде транспарант!.. Написано: город Карсун!

– Значит, город...

– Едем-то на День города!

Площадь перед администрацией шумела: тут и ярмарка с народными промыслами, и оркестр, и народный хор, и выставка картин, и столы с книгами – библиотеки экспозиции открыли, самовары, мёд и блины, пироги и бублики! Гуляй, народ! Нас встретила Анна Андреевна Самарина, боевая гостеприимная женщина, директор библиотечной системы Карсунского района, и сразу чаем поить, потчевать ряженкой и пирожками. Играет гармонь, веселится оживлённый люд. Тут наша прекрасная Татьяна Эйхман, карсунская поэтесса из ульяновской писательской организации, с распростертыми руками: «Здравствуйте, гости дорогие!»

Т. Эйхман, Н. Дорошенко, Л. Солдаткина, О. Портнягин, А. Самарина, А. Громов, И. Таранов

Вот она – Россия!.. Николай Дорошенко затеялся в развесёлой толпе, Олег Портнягин, смотрю, как рыба в воде, шастает туда-сюда с народом, а мы

с Александром Громовым подошли к моим знакомым хохотушкам из сельских библиотек. Светлана из Потьмы в красном платке с узлом на голове, как у Солохи, в ситцевой цветастой юбке да белой блузке, расшитой цветами, с бирюзовыми бусами и вязанкой сушек на шее. Обнимает, смеется, чаем из самовара угощает. Гоготуньи из Усть-Уреня и Вальдиватского радуются гостям, подмигивают:

– У нас чаёк и покрепче имеется!

– Нам ещё выступать. Будем чай с вареньем! После заглянем к вам большой компанией.

Вскоре мы все – гости-писатели – собрались вместе, и Анна Андреевна познакомила нас с главой администрации Карсунского района Владимиром Борисовичем Чубаровым. Со сцены пели песни, играла музыка, начались выступления и поздравления, а тут очередь дошла и до нас. Мы поднялись на деревянный помост большой сцены, ведущий объявил публике о приезде из Ульяновска делегации писателей, и мне, как председателю Ульяновского отделения Союза писателей России, дали первое слово. Микрофон обладает магнетическим действием, и при большом скоплении народа у многих ораторов открывается, или, точнее сказать, отключается какой-то внутренний счетчик времени, и остановить таких выступающих очень трудно. Я помнил вчерашний пример, когда на Большом литературном собрании после выступления губернатора Ульяновской области Сергея Ивановича Морозова слово дали редакторам журналов. Многие из них не укладывались в регламент, а подчас уходили в абстрактные пространственные рассуждения, утомляющие слушателей. А ведь приехали литераторы не только из Москвы и Поволжья, а даже из Красноярска и Калининграда. Конечно, тема с бородой, и высказаться хотелось основательно. Поэтому, принимая формат праздника, я кратко поздравил карсунцев и гостей с Днём города и передал слово председателю правления Союза писателей России и главному редактору газеты «Российский писатель» Николаю Ивановичу Дорошенко. Он с присущими ему образностью речи и опытом выступлений поздравил собравшихся и пожелал доброго здоровья и творческого вдохновения. После музыкальной паузы и награждения лучших карсунцев выступление продолжил председатель Самарской писательской организации и редактор журнала «Русское эхо» Александр Громов. А Олег Портнягин в заключение ярко и пламенно прочитал несколько своих стихотворений:

Сколько ты, Россия, настрадалась,
Сколько предстоит ещё страдать –
Никакой на свете Нострадамус
Этого не смог бы предсказать...

Со сцены я смотрел на приветливые и добрые лица россиян, и казалось, поле живых подсолнухов радушно улыбается нам и кивает в ответ. Не знаю ощущений моих коллег, но на этом наша торжественная миссия была окончена, и мы с легкой душой пошли пить чай в дружеской и весёлой обстановке с сельскими хохотуньями.

Прощаясь с карсунцами, мы пообщались с руководителем Карсунской детской школы искусств имени Аркадия Пластова Владимиром Алексеевичем Фроловым и его учениками. Эта знаменитая

школа, расположенная в особняке бывшей Земской управы, воспитывает и обучает молодых художников. Работы выпускников школы вошли в коллекции многих музеев мира, в том числе украшают стены штаб-квартиры ООН.

Затем мы, вернувшись на трассу, отправились в село Языково и проехали в сторону Ульяновска несколько километров. А ведь по этой дороге из Симбирска в 1833 году Александр Сергеевич Пушкин спешил к своему другу-поэту Николаю Языкову.

– Кабы заяц не перебежал дорогу! – воскликнул я.

– А тогда что?

– Придётся вернуться в Карсун, – пошутил я, – как Пушкин вернулся в Симбирск. Поэт выехал в ночь с 12 на 13 сентября в сторону Оренбурга собирать материалы про Пугачевский бунт, да его величество случай вернул поэта в Симбирск, и он снова поехал в Языково.

– Случай? Он в жизни поэта играл не последнюю роль! – произнес Дорошенко.

– Ну да! Заяц перебежал дорогу – и Пушкин повернул коляску обратно.

– Суеверие!..

Мы подъехали к главным воротам, вошли в тенистый парк с прудом и вязовой аллеей, с высокими елями и дубами бывшего имения братьев Языковых. Нам навстречу спускалась с пригорка смотритель этой заповедной зоны Татьяна Николаевна Уренцов, которая сразу же увлечённо принялась рассказывать историю села.

– Языково – родовое имение дворянского рода Языковых. Оно стало известно как «прибежище поэтов» в 30-х годах девятнадцатого века. К Языковым заезжали декабрист Василий Ивашев, поэт Денис Давыдов, мыслитель Алексей Хомяков, а в 1833 году побывал Александр Сергеевич Пушкин и посадил в парке ель... Господский дом с комнатой Пушкина сгорел в начале двадцатых годов...

– Разрушили? – поинтересовался Николай Иванович.

– Остался фундамент и балюстрада.

– Ежегодно здесь проходит Пушкинский праздник поэзии. Наши писатели и поэты приезжают сюда. Читают стихи...

Процесс созерцания окружающей природы – благоговейное таинство человеческого сознания, связующее в гармонию краски, звуки и запахи, придающие духовные силы и открывающие двери к познанию, к творческому устремлению и вере в несокрушимость мироздания.

Николай Иванович доброжелательно беседовал с нашим прекрасным гидом, а мы наслаждались безмятежной красотой языковского парка. Казалось, весь мир, пронизанный солнечным светом, растворяется в доброжелательстве, очаровывая взыскательного зрителя первозданностью и тишиной. Пруд с беседкой живописно вписывался во всеобщую гармонию. Даже опавшие листья, ветки, пух и пыльца, разбросанные ветром серыми пятнами на воде, подчеркивали поэтичность увиденного.

– Давно не чистили пруд, – вздохнула Татьяна Николаевна, услышав наши реплики. – Много лет назад сюда загнали экскаватор. Он утонул, и несколько месяцев торчала стрела с ковшом, пока не вытащили это чудовище...

Мы вышли из зарослей парка на луговину, посреди которой возвышалась ось языковской вселенной – пушистая ель, по преданию посаженная Александром Сергеевичем Пушкиным.

– Какова высота ели?

– Метров семьдесят!

– Нет, что вы, пятьдесят, не больше.

– Да, пятьдесят!

– Никто не замерял высоту?

Татьяна Николаевна пожалала плечами:

– Зачем?.. Обратите внимание! Верхушка ели раздваивается, символизируя дружбу двух поэтов!

– Как тут не поверить в провидение!..

Мы покидали поселок, вдохновлённые и радостные от общения с прекрасным уголком России, а из парка будто доносились стихи Николая Языкова:

Передо мной моя наследная картина:

Вот горы, подле них широкая долина,

И речка, сад, поля, дорога, лес,

И бледная лазурь отеческих небес.

Опять мы мчались по автотрассе, возвращаясь в Ульяновск. В районе Тагая шли дорожные работы.

Образовался огромный хвост из машин, и уже издали я понял, что в этой пробке мы простоим не меньше полчаса, а нас ещё ждала прогулка по Волге на белом теплоходе. Ах, белый теплоход! Да мы и не обедали, предполагая заехать в Арское, где моя супруга готовила наваристый борщ.

– У нас два варианта: спокойно выстоять пробку и пропустить обед, а возможно, и прогулку по матушке-реке, – сказал я, медленно подъезжая к крайнему автомобилю.

– Обед не хотелось бы пропустить, – ответил Николай Иванович. Собратья по перу на заднем сидении с выжиданием молчали.

– Есть второй вариант.

– Ага! – оживились вся компания.

– Объедем пробку по обочине, нас будут называть всякими нехорошими словами, я опущу боковое стекло, надену темные очки и буду извиняться...

Собственно, я не ждал ответа, а уже воплощал озвученный план, жестом извиняясь, объезжая вышедших из своих машин водителей. Было довольно странно, что никто особо не пытался предотвращать наш маневр, а остановившись напротив первой машины, я уже громко крикнул водителю извинения, кивнул раза два головой и поднял в виде приветствия раскрытую ладонь. И надо же, в это самое время зажгётся зеленый свет временного светофора, и мы помчались впереди колонны...

Вот и Арское. Рассказываю, что в 1649 году здесь была основана Арская слобода для постройки и охраны Симбирской засечной черты, а позже построена деревянная церковь Богоявления Господня, а потом и каменная. После революции священники

из Арского были расстреляны, а в наше время церковь восстановлена и построен храм Блаженной Ксении Петербургской.

– Блаженная Ксения – святая покровительница – умиряет сердце, помогает молящимся, – утвердительно покачал головой Николай Дорошенко.

Нас встретила у ворот моя супруга Светлана, очаровав милой улыбкой гостей.

– У нас не больше пятнадцати минут... Опоздываем, – сказал я довольно громко, и мы зашли во двор.

– О, какой оазис! – писатели разглядывали зеленую лужайку с цветами и туями.

– Какой труд! – продолжил Олег Портнягин.

Я понял, что без экскурсии и здесь не обойтись, поэтому провел гостей вокруг дома, рассказывая про виноград, оплетающий южную сторону здания и поднимающийся на балкон и крышу, про огромный цветник, умело выращенный Светланой. Мы зашли в дом, Александр Громов выразил восторг по поводу большого зала с камином, а я обратил внимание

гостей на картины моего брата Вячеслава, члена Союза художников России, и похвалился своими живописными работами. Возможно, я мог бы стать художником: с первого класса посещал художественную школу, а потом изостудию, но судьба решила иначе. Об этом мы рассуждали уже за столом, но больше говорили о хозяйке дома, которой Николай Иванович с тонкой галантностью писателя сделал множество комплиментов. Времени на кофе не осталось. Светлана присела к пианино, и пока мы заканчивали обед, наполнила дом музыкой Бетховена...

Город сразу вцепился в нас шумными улицами и трамваями, многоэтажными домами и рекламными билбордами. Мы возвращались из одной России в другую. И прекрасно, что она такая многоплановая. Лишь бы слышала она нас, лишь бы не меркла её слава, лишь бы счастлив был её народ.

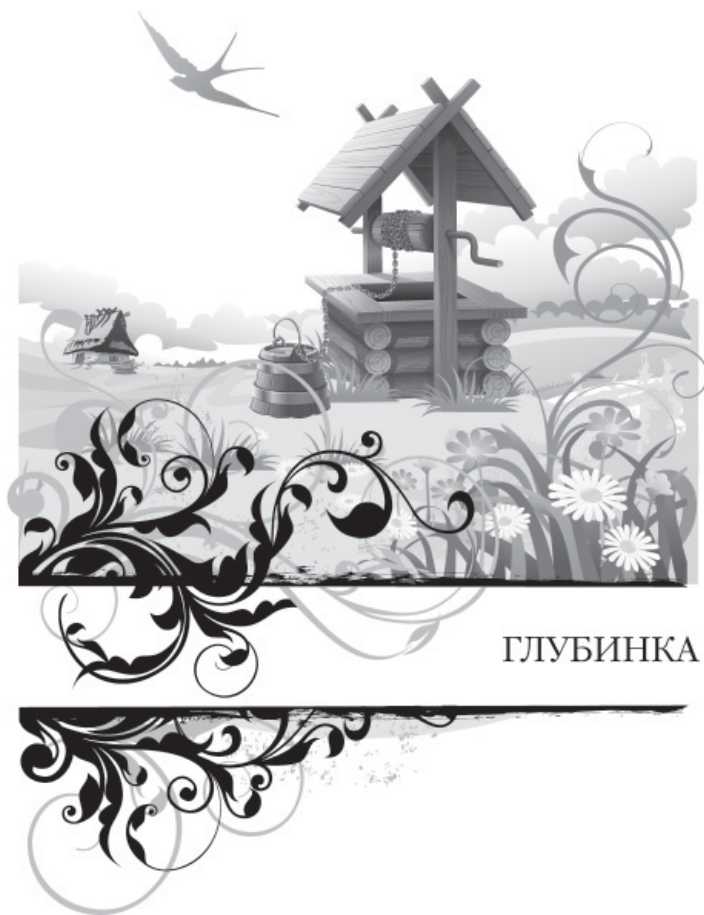
Громов и Портнягин вышли у автовокзала – торопились домой – один в Самару – ему еще в дороге позвонили, что умер самарский писатель; другой в Сызрань – ждали

семейные дела, а мы с Николаем Ивановичем Дорошенко помчались в речной порт. Мой телефон разрывался от звонков, нас ожидал теплоход, но мы, если и опоздали, то минут на пять. Только мы зашли на палубу, как трап сразу подняли, и я вдохнул свежесть волжского простора...

Как описать эти миры, в которые ежедневно окунается человек, оставляя там свой след, отыскивая иные следы, ступая по которым, он надеется дойти до сути человеческой жизни, понять свое предназначение, понять предназначение родных, близких, всех, кто идет рядом, кто мечтает, творит, любит и ждёт?..

Возле Пушкинской ели. р.п. Языково.

ГЛУБИНКА

Нина ВАСИЛЬЕВА, краевед. Учитель высшей категории. Отличник народного образования. Кавалер ордена «Карл Фаберже – придворный ювелир». Награждена почётным орденом «Василий Иванович Зуев – миниатюрист художник фирмы Карла Фаберже».

МИР РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

О писателе Викторе Сергееве

*Человек, если он с душой делает свое дело,
продлевает жизнь свою.*

Виктор Сергеев

Я всегда с гордостью говорю о том, как талантлив наш край. Совсем недавно, разговарившись в поезде с попутчицей, услышала от нее такие слова: «Да я какую фамилию ни услышу, обязательно она связана будет или с Симбирском, или с Ульяновском. Даже оторопь иногда берет: возможно ли такое...».

И ведь этой действительно так. Сколько раз я удивлялась, открывая новые имена, имеющие отношение к нашему краю. И очень благодарна Николаю Маряину, собирающему своеобразную «коллекцию» талантливых имен, связанных с пребыванием в наших благословенных местах.

Достойное место среди наших прославленных земляков занимает талантливый писатель и очень светлый человек – Виктор Николаевич Сергеев, чье творчество воссоздает мир русской деревни с ее радостями и утратами, стойкостью и преданностью родной земле, испытаниями и желанием сохранить запечатанное предками русское слово, русскую речь.

1 января 1981 года в газете «Ульяновская правда» была напечатана статья «Ответственность слова». Автор – Н. Благов, ответственный секретарь Ульяновской областной писательской организации, писал о Викторе Сергееве: «Это человек нелегкой рабочей семьи. После сельской десятилетки – годы

работы на крупных новостройках сварщиком. Его яркое дарование было сразу по достоинству оценено на творческом семинаре в г. Пензе, а потом на Всесоюзном совещании молодых литераторов. Хотя у В. Сергеева к тому времени печатных работ еще и не было, кроме одной-двух публикаций в «Ульяновской правде», рукописи его вселяли хорошие надежды. О нем писали В. Липатов, Н. Почивалин, М. Шевченко. Известный писатель Г. Семенов в журнале «Наш современник» называет В. Сергеева одним из наиболее перспективных молодых прозаиков России. По первому рассказу В. Сергеева, опубликованному в журнале «Октябрь», снимается художественный фильм. Книга его повестей и рассказов готовится к печати в издательстве «Молодая гвардия». Так бережно в наши дни пестуется истинное дарование. Может быть, Виктору Сергееву повезло? Думаю, что нет. Думаю, в наши дни в литературе устанавливается благоприятный климат для прорастания каждого семени, чреватого полновесным колосом. Лишь бы пробился первый росток».

Первым рассказом, который привлек внимание и получил достойную оценку, стал рассказ «Дупло». Это произведение навсегда остается в памяти с нежностью, беззащитностью главной героини, ее верностью в любви и удивительной чуткостью, пониманием сложившейся ситуации, бережным отношением к чувствам сына, желанием оберечь его от лишних разочарований и горечи жизни.

Как бы вы встретили человека, с которым были близки и который уехал и ни разу не подал весточки, и появился перед вами через десять лет? Думаю, что нашлось бы мало женщин, которые сразу при встрече повели себя так, как повела себя Глаша.

В субботний день, возвращаясь из бани, она встречает Михаила, с которым они «десять лет назад познакомились на зернотоке, когда солдаты приехали помогать колхозникам».

«Глаша подошла к Михаилу вплотную, пришила к нему робко, дыша часто, как после бега. Он в ответ неловко торкнулся губами в ее тонкие и влажные губы, удивляясь своей смелости. Глаша отступила на шаг, слегка оттолкнула Михаила и засмеялась:

– А я нынче как на крыльях, будто улететь собралась. Сердце чуяло».

Можно по-разному оценить поведение молодой женщины. Но автор сразу же подсказывает нам, что Глаша «десять лет после расставания жила замкнуто, с сынишкой, держала себя строго, следила за собой».

Оказавшись в деревне, Михаил постоянно вспоминает слова шестидесятилетнего дяди Ашота, бригадира монтажной бригады, в которой он рабо-

тал два последних года: «Здоровый мужчина, чтобы не быть рыхлым, в любые годы должен колотить дрова». И еще он говорил: «Чтоб долго жилось на белом свете, как соколу, надо любить женщину нежно». Вспоминает Михаил и такие слова своего бывшего бригадира: «Человек, если он с душой делает свое дело, продлевает жизнь свою».

Не раз за эти годы вспоминал бывший солдат Глашу. «Его озадачивала ее наивность, детская неумность во всем, и он думал, что она только играет с ним, забавляется. Непривычно было и то, что она все время заставляла его удивляться миру, как удивлялась и радовалась сама». В трудные минуты жизни «Михаил представлял ее молоденькой, веселой, с глазами, как две перезревшие вишни, таящими в своей недостижимой для него глубине мудрую женственность».

Мудрость ее сказывается и в том, как она размышляет о воспитании детей. Писатель вкладывает в ее уста тревожащие мысли об отсутствии в жизни детей единения с природой: «Ездил я к сестрице в город летом. Нет, не хаю, везде живут люди, и не-

плохо живут, но нагледелась на городских ребятишек, что-то жалко их стало. День-деньской в песочке во дворе играют, разве это мыслимо? Обедняются детишки... А вырастут? Не видят они, как скотину выгоняют пастись, не слышат соловья, скворца, знают ли они, как прыгают веснами ягнята на лужайках? Хорошее-то, оно потихоньку на сердце, капельками откладывается, дите само не замечает, а всю эту нашу красоту усвоит – пригодится в жизни-то. Глядишь, и добрее станет».

Виктор Сергеев с удивительной нежностью рассказывает о жизни молодой женщины, любит ее доверчивостью, открытостью, верностью родной земле. «Люблю я все тутошнее, – говорит она Михаилу, предлагающему переехать в город. – Как вспомнишь – грибов в наших лесах уйма. Собираешь их, дух захватывает – жить хочется. А вырвешь меня отсюда, я засохну, как береза без воды».

Вот и Виктор Николаевич любит все тутошнее, дорогую для него деревенскую жизнь с ее непростой историей, традициями, укладом.

В рассказе «Двоюродный брат», посвященном писателю Георгию Семенову, Виктор Сергеев показывает послевоенную жизнь в деревне, 1954 год. Жизнь, прочно связанную с нуждой, непосильным трудом, с лишениями и невзгодами, с отсутствием почти в каждой семье хозяина. Именно здесь я вычитала горькое, найденное писателем сравнение: «Вдовиц после войны – и без слез не вспомнишь, что колосьев на пшеничном поле».

Двенадцатилетний герой рассказа, подрастающий без отца, погибшего на войне, приученный нуждой ко всякому делу, чувствует себя настоящим хозяином. Ему не надо подсказывать, что надо сде-

Виктор Сергеев с женой Антониной

лать по дому, во дворе, он видит и понимает, как тяжело приходится матери, сколько у нее забот и как много приходится ей трудиться в колхозе.

Двоюродный брат Семен, приехавший из Новосибирска, при встрече замечает: «Чуть ли не через все село прошел, но ни одной избы не нашел под тесовой или железной кровлей. Хватает ли соломы? Кажется, ржаной покрывают?».

В этих словах предстает без излишних слов жизнь деревни с ее послевоенной порухой.

А на вопрос:

– Как вам живется в деревне?

– Весело живется. За что ни возьмись, то обязательно обожжешься, – отвечает Василий.

«И сам помню ваше житье в Теньковке, – говорит гость. – Крестный пошивал хомуты во второй бригаде, а я бегал к нему. Запомнил умение крестного подшивать валенки. Он маленько поучил. В войну пригодилось».

Вот это слово «пригодилось» говорит о многом. В селе с детства каждый знал, что всякое умение, любое занятие делом может сгодиться в будущем: пахать, косить, сено скирдовать, лошадь запрягать, дров наколоть, баню протопить, щелок приготовить... Да мало ли дел у сельского жителя.

«Проживающие на родной улице, почти все – солдатские вдовы, у каждой – по два-три ребенка, а то и побольше, а беду и горе вынесли, не поддались унынию и упадку сил», – рассуждает подросток.

Он многое понимает, сравнивает, не во всем согласен и с матерью, которая «частенько говорила: после городских гостей чувствует себя то ли обделенной, то ли униженной, вроде она не в силах зарабатывать столько же средств, чтоб выглядеть свежее и белее обычного. И нарядней! А Ваську пугали странные материны выводы. Сам хорошо знал, с каким усилием сестра Рая, работая в три смены на ткацкой фабрике, копила денег на красивое платье и кофту. И брат Геннадий, работая на заводе, приезжает в одних и тех же брюках». «В городе для людей полно всякого добра. А в нашем магазинчике: соль, килька, фуфайки, керзухи и керосин».

Многие герои Виктора Сергеева могли бы повторить слова двоюродного брата Василия – Семена Пересыпкина: «Отдыхать, тетя Меланья, все равно, что с ума сходить. Не люблю безделья». Все они, познавшие сизмальства труд, воспитанные в семьях, где безделье не почиталось за доблесть, выросли людьми работающими, не умеющими равнодушно пройти мимо чужой беды, готовые всегда помочь. Как делает это герой рассказа «Первый круг» Яшка Теплушин, который не привык и «не любил в работе охвостья оставлять». Отец о нем отзывается: «Яшка мой – золото. Любую работу в руках гнет, как ивовый прут». Трудолюбие, умение работать замечают сразу и окружающие Яшку люди. «Не парень, а клад подземный», – думает Надежда, любясь парнем и его работой. Потому и рада она «мужика за стол посадить, за добрую помощь покормить».

Яков замечает, что в райцентре «лес близок, а почти у всех домов поселка сады или рябина с калиной насажены. На концах усадов в два ряда ельник или молодой редкий сосняк в шахматном порядке». Оказывается, этот ельничек и сосенки – заслуга хозяина дома, где придется заночевать Яшке

Теплушину. Был он человеком, как говорит его дочь, который «любил своими выдумками жизнь охорашивать и людей за собой тянуть».

«Молчком можно природой любоваться, а люди любят слово, от них тепла больше», – убежден один из героев Виктора Сергеева. Слово писателя, емкое, незаемное, взятое из жизни, из уст его родных и близких людей, сохраняющих богатство русской речи, ее меткость, мудрость и жизнелюбие.

Не живи, как хочется, а живи так, как можется.

А без мужского взгляда и щеки не заалеют.

Да, скрутило меня, точно бересту над огнем.

Не срамно пить за столом,

а срамно пить за столбом.

Не всякий хомут лошади в пору.

За глаза и про царя говорят.

Прытко бегают, да часто падает.

Жесткими словами хлещет, как цепом по зерну.

Не на копне стою, ноги стынут.

Корову держать, не голубя из горсти кормить.

Мужик в селе не тракторист, что раньше безлошадник.

Девятиэтажные дома похожи друг на друга, как колоски на ржаном поле.

В рассказе «Рыжие берега» автор вместе с родными братьями раздумывает над вопросами утраты взаимопонимания, желания встречаться с родными и близкими людьми. Младшего брата Никанора тревожат мысли: почему-то родные люди становятся далекими друг от друга, забывают родовые корни и истоки, о чем он и делится со старшим братом, желая пробудить в нем то общее, что связывает их.

«Понимаешь, все останется после нас, – мечтательно произнес Никанор. – Волна, небо, вот эта трава будет умирать тысячу раз и снова подниматься, а мы, единоутробные братья, чуточку забыли свое родство, дом, в котором вместе росли, память о тех днях. Пусть мы стали разными, но ведь столько у нас общего! Ты и ездил-то по всяким нехоженным уголкам, лишь бы быть подальше от родни, от меня... Да, да, где родня – и забот побольше. Свой – поневоле свой».

И с нескрываемой болью и желанием быть понятым продолжает будить в душе брата чувство настоящего, подлинного родства: «Чужие бывают ближе родни. Ссылаемся на занятость, на особенность времени, многое что находим для оправдания. Чаше надо встречаться специально, а не попутно, как ты делаешь. Я жалею, что каждая твоя минута, час твоей жизни проходят не замеченными мною. Ты ж сказал, что при отце в доме жизнь клубком вертелась, вот из того же клубка и надо нитку поймать».

Вот что пишет о себе Виктор Сергеев: «...на чужой стороне ни новая обстановка, ни незнакомые люди, ни новые впечатления не заслонили все то, что дала мне малая родина, близкие люди, материны подруги – солдатские вдовы, земляки... Слышался, словно в бреду, знакомый говор с колоритом «цветистого» языка».

Невеста та хороша, коя до свадьбы за материн подол держится.

Муж ей слово, а она – десять слов с соленой приправой.

Незванный гость, а присесть можно.

Мы ведь замаяли гостя.

По-сиротски живем, по-сиротски... Вилы да лопата, вот спина-то и горбата.

Господи, все под одним солнышком, но не каждому припек.

Повесть «Синее небо с белыми облаками» рассказывает о поездке молодого учителя Матвея Заряднова в село Шутовинка, где предложили ему работу и откуда родом его родители. Едет он посмотреть, приглядеться к сельской жизни, «как живут-поживают его земляки». Пока добирался до деревни, многое пришлось увидеть, над многим поразмышлять.

«Здесь под синим небом с белыми облаками, обдуваемый встречным ветром, что дул со стороны леса, до коего – рукой подать, неподалеку от полей, занятых хлебами, возле травной луговины, где паслись телята и козы, Матвей почувствовал себя одиноко, вроде снова, надолго или насовсем, расстался с близкими. Но, пройдя по обочине дороги не менее ста шагов, то ли от пьянящего раздолья, то ли от ласкового ветерка, принесшего запах донника, Матвей возрадовался и, как на тренировках, не побоявшись пронесившихся мимо грузовиков, автобусов и легковушек, прошелся на руках по рассыпанному гравию».

До Шутовинки добрался Матвей на колхозном грузовике, где услышал и узнал много интересного. «Матвей слушал говорливую тетку с улыбкой, будто истосковался по русской речи...

– А что мы сеяли? картошку, тыкву, помидоры с огурцами, ну и капусту с морковью и репкой. В углу огорода стояли шесты с хмелем. Лук репчатый научили растить карсунцы, кои веснами привозили нам зеленого луку с глиняными горшками. Вишня сроду перепадала с барских садов. Помещиков ругали, а они сады вели... пользовались плодами до самой войны, пока не померзли. Нынче лучше тех садов и не найти. Мама покойная рассказывала, чуть не в каждом погребе стояли кадучки с мочеными яблоками, зимой апорт подымали на подловку, чтоб окоченел ледяным шаром, а в избе на столе оттаивал, так объедение...

Знакомясь с жителями села, Матвей много доброго и хорошего слышит о своих родителях, узнает, чем живет деревня сейчас, и понимает, что «тут не отвертись от крестьянских дел, нужно многое уметь. И не поздно перенять от отца столярное умение.

Эх, отец любит мастерить топориче из клена и березы. Любуется им и читает стихи: «Топор – и тот на лебедя похожий, но мною приручен – не улетит». – Зря не научился столярному делу. Не успел пройти по селу, а тетушка нашла заказы – рамы вязать».

Здесь он мальчишкой гостил у бабушки. «Она всегда наказывала не играть в прогоне, где паслись телята. Я и не знал, что такое – прогон. Спрашивал ребятшек, а они смеялись.

– У поэта, земляка нашего, одно замечательное стихотворение начинается так: «Прогоном выжженным вдоль края/ ржаной жары, не чуя ног,/ бежит дорога, зарываясь/ в леса, как жеребенок в стог», – вполголоса пропел Володя». *(Ред. – цитируются стихи Николая Благова).*

Что же удивило молодого учителя в деревне?

Вот как он отвечает на вопрос отца:

– Во-первых, необыкновенная тишина, лес и синее небо с белыми облаками; во-вторых, люди беседовали со мной, как с близким человеком, чем только не делились; в-третьих, самое важное – люди вспоминают о вас по-доброму. О вас иначе и не вспомнишь.

Да, писатель совершенно прав, о поколении этих людей иначе и не вспомнишь. Михаил Простяков в повести «Таня – Даня» говорит: «Мы войну вытерпели, супостата одолели, а все равно нас не сравнишь с теми людьми, то есть с нашими родителями. Вот уйдут они, потом мы, хлебнувшие фронтовой горечи, постареем и... тогда прощай и народ наш. Без наших деток у России-матушки ножки подсекутся». И он же заявляет: «Нам нельзя бояться ни прошлого, ни настоящего, ни будущего...».

Николай Офитов написал прекрасное стихотворение «Великие старики». Это своего рода гимн нашим матерям и отцам, дедам и прадедам, которые своим трудом строили и создавали величие и могущество нашей Родины, крепили своим трудом оборону страны, жизнью своею и мужеством добыли Победу.

Когда уйдут из жизни старики
Великого двадцатого столетья,
Потери наши будут велики
И несравнимы с днями лихолетья.
По жизни их всегда вело добро,
Любовь к Отчизне и родному краю,
Их не прельщало золото, серебро,
Изда из брёвен им казалась раем.
Не для себя, а – жили для людей.
Просты в быту: скамья, ухват у печки.
Орава любознательных детей.
За домом сад да банька возле речки.
И не росло меж ними подлецов,
За честь страны они стояли насмерть.
И, презирая записных лжецов,
Традиции отцов хранили свято.
И вот когда они совсем уйдут,
Земля без них совсем осиротеет.
Но вновь они легендами придут,
И ветер их дыханием завевт.

С нескрываемой горечью и тревогой писатель говорит о проблемах сельского хозяйства, вымирающей русской деревни: «Беспомощность нашего нынешнего крестьянина докатилась до последнего предела, в России вот-вот будут искать его, как ученые ищут динозавра». «Но где взять продуктов, коли колхозник потерялся-затерялся, как полевая мышка в стог соломы?...».

Читая произведения Виктора Сергеева, удивляешься богатству образов, взятых из жизни, которую так хорошо знает писатель. Он не боится показаться старомодным, сохраняя в своей памяти очень многое, что досталось ему в наследство из кладезя русской мудрости, русской жизни.

Особую благодарность писатель испытывает к своей тетушке Лизе (Елизавете Петровне Ильиной), встречи с которой поддерживали и подпитывали, я думаю, творческий дар писателя. Нельзя читать эту повесть без волнения и какой-то удивительной радости узнавания деревенской жизни, ее традиций и невзгод, пробуждающих в душе воспоминания о

своем детстве, о близких сердцу дорогих людях.

Повесть «У тети Лизы» – это праздник русского слова, воспевающего жизнь деревенского жителя в его единстве с природой. Сколько картин родного края подарил писатель нам, читателям, на страницах этой повести. Откройте ее и прочитайте хотя бы одну из записей: верю, что вы продолжите с удовольствием чтение этой такой простой на первый взгляд книги, которая таит в себе столько открытий для любящего родной край, родную землю.

А как чудесно написаны картины природы, любование писателя богатым разнотравьем. «На другой день Костя (герой рассказа «Эй, солдат!») взялся косить разнотравье.

Существа, живущие в травах, радовались теплу: стрекотали кузнечики, попискивали крохотные птички, выпархивающие из зарослей прошлогоднего мордовника; сновали и летали мухи, осы, шмели, белые бабочки, черные жучки, полосатые солдатики, муравьи, ничтожкой выползавшие из норок...

Граненые коренастые стебли глухой крапивы поседели, а вершинки за считанные дни из-за быстрого роста стали почти мягкими и гибкими.

Жгучая крапива заполонила ямы от развалившихся погребов и снесенных домов, заброшенные огороды, плетни, забитые колодцы... Она спешила обжечь любой пустой пятачок земли возле жердяной изгороди, глуша травяную мелочь; окольцевала и молодой орешник, постепенно переместившийся к укороченным усадом.

Крапивные шабры – лопухи укутали низы кольев и провисшие низины, полусгнившие жердинки, наполовину вросшие в землю, откуда после дождей выползали красные червяки».

«Воздух настоялся запахами полыни, лопуха, крапивы и самой разомлевшей земли, сидящей под лучами солнца, а также дыханием стрекоз, бабочек, пчел, комаров...».

Почувствуйте доброту повествования и любованье родным русским словом:

«Разбегаясь у села, тропа была похожа на упавшую от ветра сосну с редкими ветками на вершинке». «Весенние холода не забылись, а на огуречных грядках высветились яркими огоньками светложелтые соцветия».

«Зарницы освещали полнеба. Когда они вспыхивали чередой, то их свет проникал во все уголки избы, можно было прочесть название книги на столе или увидеть стрелки на нарядном циферблате старинных французских настенных часов».

«Зато удивили и обрадовали мелкие и белые облака на небе. Между ними проскальзывали солнечные лучи и яркая голубизна неба. Облака неслись долго, словно им не было конца. «Привет передайте

родине, могилам матери и отца. Поклон родным и близким. И бабе, матери моих детей. Не ждет меня, а я о ней думаю. Мало жили вместе, а из головы не выкинешь, если дети связывают», – шепчет облакам Арсений Хвалынов, оказавшись в госпитале солнечной весной 1945 года. («Весна за весной»).

Повесть «Таня – Даня» рассказывает о нелегкой судьбе русского крестьянина, труженика, мастера на все руки, на долю которого выпало столько страданий, что и не перечислить их все. Филипп

Даньшин делится своими мыслями с другом семьи: «Себя чувствую, как свинья перед заколом. Но визг подымать не буду... Если на моих глазах дом и двор раскатают по бревнышку или хлеб в копнах сгорит... то через два года наживу. Правда, давно понял, что нэповская игрушка – приманка, с коей они решили выявить в народе самые лучшие силы, чтоб потом и уничтожить. Понимаешь, они по хребтине бьют! Если перебьют, то ничем не восстановишь».

В одном из рассказов писатель говорит: «С каждым годом деревне все

больнее и больнее». Именно об этом рассказ «Одна». Николай Тузов, проезжая мимо вымершей деревни Дубенки, «заметил затеплившийся бессильный свет». Он повернул на этот свет и «остановился у дома с яркими окнами». Когда подошел поближе, увидел старушку с палкой, которая направилась к соседнему дому. Наблюдая за ней, Тузов задает себе вопрос: «С ума, что ли, сошла?» Старушка, как оказалось, по вечерам обходит опустевшие заброшенные дома, зажигая лампы в каждом из них, и ведет односторонний разговор с бывшими хозяевами.

Слушая ее воспоминания о судьбах людей, когда-то проживавших в этой деревне, вслушиваясь в слова молитвы этой одинокой женщины, Николай приходит к выводу: «Это ведь он, и все такие люди, как он – одиноки, а не Елизавета...».

Есть у Виктора Сергеева рассказ «Хлеб» с посвящением Петру Мельникову, с которым писателя связывала многолетняя дружба. «В Ульяновске я работал сварщиком в автохозяйстве, где познакомился с русским поэтом Петром Мельниковым (1928 – 2012). Он дружил с Николаем Благовым. Так вот Петр Трофимович и познакомил меня с Николаем Николаевичем», – вспоминает Виктор Николаевич.

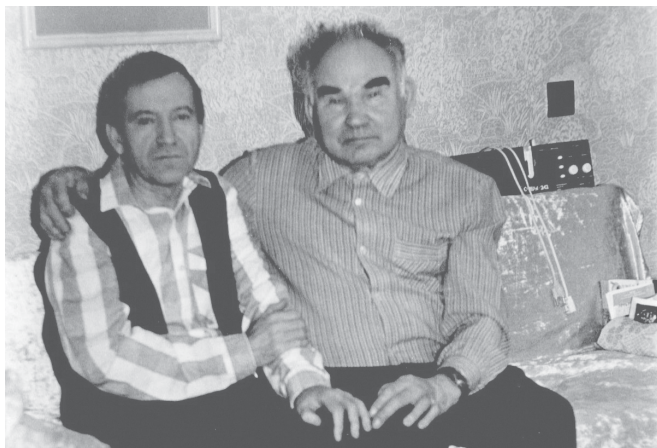
Несколько лет они будут работать в автохозяйстве №2. Немало будет встреч в семейном кругу и у Сергеевых, и у Мельниковых. Вышедшие из сельской глубинки, крестьянский быт, жизнь деревни знающие не понаслышке, они воистину с сердечной болью воспринимают разрушение села, уничтожение вековых традиций. В стихотворении, посвященном Виктору Сергееву, поэт убежденно заявляет:

Виктор Сергеев с тетуской Лизой (Елизаветой Петровной Ильиной). Село Чуфарово Майнского района Ульяновской области.

Мы должны осознать себя русскими,
Вот и всё – остальное придёт!

Болит сердце писателя, как когда-то и его друга, о порушенных селах и деревнях, о том, что «редкие люди интересуются прошлым». С горечью Виктор Сергеев говорит о том, что «мы уйдем, то вовсе забудутся наши муки». Наверное, это главные слова, которые мог бы повторить и Пётр Трофимович Мельников: он никогда не забывал о пережитом, о неисчислимых страданиях и лишениях, выпавших на долю отца семейства Трофима Павловича Мельникова, его родителей, жены и детей. «...иногда вспомнишь, слезы навернутся».

Виктор Сергеев и Пётр Мельников

Портрет писателя, созданный Петром Мельниковым, пронизан удивительным светом и чистотой помыслов. Такие строки рождаются из бескорыстного и любящего сердца, каким обладал еще один наш талантливый поэт и писатель.

Вижу я тебя в белой рубашке,
Кротким отроком в ясности снов.
На поляне лесной, где ромашки,
Или в поле – на ниве хлебов.

Из далекой распахнутой сини
Твои мысли я в голос кричу:
К изголовью больной России
Еще рано ставить свечу!

Книга Виктора Сергеева «На полустанке Зеленом» написана, как говорит автор, «о непростых судьбах русской глубинки». Читая его рассказы, повести, поражаешься удивительному владению писателя русским языком. Его пословицы, поговорки, меткие выражения обладают удивительным свойством – их можно отыскать только у этого талантливого мастера слова.

Заветное желание Виктора Николаевича Сергеева высказано в предисловии к книге «Свидетельницы», вышедшей в 2006 году: «Истоки Бирюча, с почти обезлюдившими селами, хочется наполнить многолюдием, детскими голосами, игрой гармонии, шумом хлебной нивы... пусть хотя бы на страницах рассказов и повестей, безусловно, с верой и надеждой, когда-нибудь вправду жизнь там возродится и закипит».

Пётр МЕЛЬНИКОВ

Виктору Сергееву

Время нас обдавало холодом.
Мы искали в сомненьях ответ.
Мнилось нам: есть покой за городом,
Оказалось – и там его нет.

В подтвержденье тому, что на свете
Злых страстей закружилась пурга,
То ли взрослые, то ли дети
На полях запалили стога.

Стало сердцу тоскливо и больно
От вечерней зари и огней,
И подумалось мне неволью
О судьбе моей и твоей.

О судьбе оскорбленной России,
Разоренной правленьем вождей.
Нынче вновь появились мессии,
Как грибы после теплых дождей.

Рано ль... поздно... но все же химера
Обезглавится правды мечом!
И тогда православная вера
Озарит нас небесным лучом!

Мы должны осознать себя русскими,
Вот и все – остальное придет!
Были предки у нас златоустыми,
За столом были брага и мед.

Вот и снова весна на исходе.
Отдалился тот вечер и сгас.
Мы никак не привыкнем к свободе:
Страх крамолы преследует нас!

Вижу я тебя в белой рубашке,
Кротким отроком в ясности снов.
На поляне лесной, где ромашки,
Или в поле – на ниве хлебов.

Из далекой распахнутой сини
Твои мысли я в голос кричу:
К изголовью больной России
Еще рано ставить свечу!

**Недавно вышел сборник прозы
Виктора Сергеева «Гуси на крыло».**

*(Сергеев, Виктор Николаевич.
Гуси на крыло: Повести. Рассказ/
В.Н. Сергеев. – Ульяновск: АО «Об-
ластная типография «Печатный
двор», 2019. – 528 с.)*

**Поздравляем
Виктора Николаевича
Сергеева с выходом книги!**

*(С книгой можно познакомиться
на сайте писателя
www.рыжие-берега.рф)*

Виктор СЕРГЕЕВ родился 27 июня 1943 года в селе Чуфарово Майнского района Ульяновской области в крестьянской семье. Окончил Буйковскую среднюю школу (1961), затем профессионально-техническое училище в городе Магнитогорске по специальности «газоэлектросварщик». Работал на заводах и стройках Ульяновска. Писать начал рано, но первые рассказы опубликовал уже в зрелом возрасте. Участник Всероссийского семинара молодых литераторов в Пензе и 7-го Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве (1979). Печатался в ульяновских газетах и коллективных сборниках, в журналах «Волга» (Саратов) и «Октябрь» (Москва). Автор книг прозы «Первый круг» (1985, Саратов), «Родственники» (1986, Москва), «Рыжие берега» (1996, Ульяновск), «Синее небо с белыми облаками» (2007, Ульяновск), «Свидетельницы» (2008, Ульяновск), «На полустанке Зеленом» (2016, Ульяновск), «Гуси на крыло» (2019, Ульяновск). Член Союза писателей России (с 1988).

ДЕНЬГИ, ДЕНЬГИ...

Эссе

Хроническое безденежье давно подталкивало меня к написанию рассказа или повести о деньгах. Правда, личную нужду в них не хотелось напрямую затрагивать, так как она очень проста и банальна, то есть нет в ней драматического накала, потому не представляет никакого интереса.

Решил воспользоваться картинками из череды жизненной хроники знакомых и малознакомых людей. Разумеется, в уме ворошились честолюбивые мысли: замечать и сочинять картинки будто бы легко – ведь на белом свете каждый человек касался и касается банкнота или монетки разного достоинства; многие люди испытывали или испытывают страх и волнение после бесшабашной растраты и потери денег, либо при виде крупной суммы в чужих руках, либо последнего грошика на своей ладони.

О степени влияния денег на человека – влияния разного – художественными средствами исчерпывающий анализ дали великие писатели Бальзак и Достоевский. Образы Гобсека и Раскольников, вбравшие в себя человеческие слабости и пороки, в сознании – точно памятники, и всегда на слуху, если речь заходит о деньгах.

Мой давний знакомый, частенько просивший у меня денег – десять - двадцать рублей на выпивку, однажды перестал клянчить. Причина была одна: шутиливо намекнул ему, что должен вернуть долг с процентами. Он обиженно и озадаченно подметил: «Эх, ты прямо настоящий ростовщик...».

...Из памяти не выходит Иуда Искариот, выдавший Иисуса Христа за тридцать серебряных монет. Библейское имя, ставшее почти символом предательства, первый раз услышал в раннем детстве, в конце сороковых двадцатого века. В школу идти было рано. Самоучкой учился читать по сестриному учебнику. Подгоняло желание поскорее подобраться к изношенной книге на божнице с пожелтевшими и хрупко-ломкими листочками, с чудным названием Евангелие.

После Отечественной войны на нашей улице проживали одни солдатские вдовы с детками. Ранним утром они обменивались свежими новостями у колодца. А сумерничали чаще всего у нашего двора, посидевшая на дубовом бревне. Тётя Фима – самая голосистая, громогласная, смелая и прямая в сло-

вах, заметив налогового агента, неласково произнесла: «У-у... Иуда замаячил на горизонте». Я вертел головёнкой то на маму, то на тётушку Фиму... Она, оказывается, задолжала недоимку, вот и старалась лишний раз не попадаться ему на глаза. Неделю спустя, чтоб отдать долги, тётя продала овцу и старого гусака, оставшегося без гусыни.

В тот вечер мама, как могла, рассказала об Иуде, о его муках: в вспотевшем кулаке роковые монетки то обжигали огнём, то охладили знобящим холодом... Их легче раскидать по земле, чем терпеть: нищие и любопытные подберут или затопчут. Но денешки, как нарочно, будто вросли в мозолистую ладонь. И яркий блеск серебра слепил глаза... Иуда про себя оправдывался: без его измены апостолы не узнали бы о себе – кто они и зачем оставил их Учитель. И не подступились бы к суровому и дикому языческому миру. После его греховного толчка и пошло дело.

Мне думается, мама жалела Иуду!

...Снова повторяю: лишний раз рассуждать о деньгах – суетно и греховно, но если замахнулся, то, лучше всего, чтоб было понятней и доступней, без углубления в природу финансовых и экономических законов, кои всегда вместе бредут и шатаются. Безусловно, знающему толк в этих скучных науках наши суждения о деньгах на примере забавных и занятных историй покажутся несерьёзными. Правда, положить руку на сердце, не хотелось бы и упрощать эти науки, так как они не каждому по зубам.

С «денежной ношей» двигаться дальше тяжело. За помощью обратимся к Владимиру Ивановичу Далю, то есть из его знаменитого словаря извлечём несколько пословиц и поговорок о деньгах. Поглядим и послушаем (да простит нас Даль), как они звучат на фоне нынешней жизни, где во главу угла всяких отношений ставятся деньги, деньги, деньги...

«Деньга женского рода – полкопейки, две полушки, – пишет Владимир Иванович. – Деньги, капитал, богатство, достаток... Деньгура, денжина, ходячая монета всякого рода, звонкая и бумажная...».

Во времена Даля любая монета имела вес и значение (копейка рубль бережёт): на неё можно было что-то купить. Нынешняя же копейка не ценится,

пусть и светленькая, будто для приманки, фальшивым серебром покрытая.

Для наглядности попробую привести пример: до того, как бросить читать местные газеты, начинающиеся «желтеть», покупал самую дешёвенькую не в обычном киоске, а на лотке в продовольственном магазине. Однажды, чтоб избавиться от вороха светленьких копеечек, кои надавали в хлебном отделе, отсчитал сколько нужно и подал продавщице-лоточнице со словами: «Вот вам без сдачи за газету «Экономика и жизнь». Пожилая и строптивая продавщица проворчала в ответ: «Поменьше не нашли? Куда их девать? Вам лишь избавиться от них, а мне?..». Пусть она и права, но мелочь не могла не взять – всё-таки копейка с Георгием и под гарантом Банка России.

Копейки-то она взяла, да с гневной накипью в глазах, точно у напуганной кошки, и бросила их издалека и метко – прямо в середину металлического блюдечка: копейки с шелестом смешались с монетами иного достоинства.

Копейку и в аптеке не берут, ссылаясь на строгого бухгалтера, наказавшего не перегружать кассу мелочью. В магазинах самые ходовые: пять, десять и пятьдесят копеек, но только не копейка. В последнее время и пять копеек изредка спрашивают.

Или вот поговорки: «Без денег и разума нет»; «Разума много, да денег нет»; «Как хочешь рассуждай, а сто рублей деньги»; «Как деньги не берегутся, а растрясутся». Есть и такая: «Мысль купеческая, а сума-то нищенская».

При немалых деньгах человек невольно втягивается в водоворот расходов, из коего он либо с честью выкарабкивается, либо оседает на дно долговой ямы... Говорят, что риск – благородное дело, да и он не всегда оправдывает цели, многим-многим поломал судьбы.

...Мальчик – школьник начальных классов, одетый в потёртый и застиранный костюмчик, скорее всего, с чужого плеча, в магазине купил самых дешёвеньких конфет (карамель-подушечка). На крыльце он принялся есть конфеты с булочкой. Смаковал дорожную пищу с лёгким прищуром серо-голубых глаз, словно представил недавнюю сытую жизнь у бабушки, ныне же рад и несколькими подушечкам. Обидно, что всухомятку поел. Я дал ему денег на маленькую бутылочку минеральной воды.

Мальчик, наверное, бездомный, подумалось. Только он ловко и умело маскировался под семейного.

...Сиротки, тем более бездомные, как правило, раньше времени повзрослевшие, весьма самоуверенные, общительные и настороженные, как говорится, себе на уме... Доверчивых простачков среди них не найти.

Оказывается, с тем мальчиком, любителем конфет, по весне мы вместе сдавали порожние пивные бутылки на летучем приёмном пункте. Он бережно сжал в кулачке выручку, чуть погода – после совкового и резкого движения раскрытой ладони, монетки отделились друг от дружки и расстелились, бегло пересчитал, шевеля губами и шепча. Лицо у мальчика разом посуровело от огорчения: малая сумма получилась, рассчитывал на большее...

Трудная закалка ему выпала, иначе рано не на-

учился бы ценить заработанные, пусть и случайно, деньги. Возможно, научится и экономно расходовать. Время покажет, кто кого одолеет: он судьбу или она его.

По этому поводу Гобсек, герой повести Оноре де Бальзака, говорит: «Несчастье – лучший учитель. В несчастье он многому научится, узнает цену людям...».

...Есть и такие поговорки и пословицы: «Деньга на деньгу набегают»; «Деньги к деньгам идут»; «Денежка не Бог, а милует»; «После Бога, деньги первые».

Почти каждую поговорку или пословицу можно истолковать, осмыслить или дополнить житейскими примерами, но две последние смущают и настораживают тем, что все упомянут Бог. Особенно не по душе поговорка: «На Бога надейся, а сам не плошай». Бытует предание, что автором этой поговорки является Владимир Мономах. Но она звучала по-другому. Князь, чтоб подбодрить своего растерявшегося дружинника, говорил: «На князя надейся, а сам не плошай». Впоследствии безбожники переиначили поговорку, придав ей атеистический окрас.

Поговорки и пословицы, в коих лицедейски упомянут Бог, чаще рождаются в среде мошенников, воров и негодяев. В связи с этим хочется предостеречь гордецов и крикнуть во весь голос: «Без Бога и до порога не дойти!».

Не на неправедных ли деньгах вырастает чванливое пренебрежение ко всему Святому?

Об иных говорят: они настолько богаты, что счёт деньгам не знают. Похожие богачи либо скупые, потому осторожны в расходах, либо у них столько денег и добра, что, как говорится в народе, и куры не клюют. Как правило, они проживают в сказочных термах, окружённых каменными стенами-заборами, кои и Мамаю не одолеть.

Бывает, у кого-то всё ладится, удача и счастье прямо-таки приваливают со всех четырёх сторон, вот и кружится головешка... кроме себя, не видит никого.

Как известно, и в девятнадцатом веке из провинции люди шли в столицу на грошовые заработки. Среди них какой-нибудь мальчишка-отрок из так называемой «глухой» деревни. Начиная посылным в трактире или в купеческой лавке на побегушках, он, повзрослев и набив руку в деле, занимал место приказчика либо становился хозяином лавочки, а вскоре и вовсе обеспеченным и преуспевающим в торговле. Некоторые выходили в миллионщики!

Почти все русские купцы не чуждались благотворительности: открывали школы, больницы, богадельни, приюты... Помогали церкви, монастырям. Они не обнародовали своего имени, помощь в основном была безымянной. Купеческое бескорыстие, угодное Богу, смиряло подавленных нуждой людей.

...В больнице пациенты очень быстро знакомятся и делятся личными жизненными вехами. Одна пожилая женщина поведала мне семейную историю: её сестра вышла замуж то ли за правнука, то ли за прапра... великого русского путешественника девятнадцатого столетия.

Из этических соображений называть фамилию известного путешественника не стану. Вдруг исто-

рия выдуманная? Проверить, как делают дотошные краеведы, не имею возможности. Но почему-то поверил тётушке, хотя семейную историю принял за легенду. Потому и поверил, что легенды рождаются не на сухом месте.

Оказывается, состоятельный путешественник в помощь сыновьям отмерял золото кружечкой (в ней – не менее одного килограмма благородного металла). Интересно, на что тратили сыновья щедрые отцовы подарки? На простое житьё-бытьё? Осталась ли на память хоть крупинка из той золотой россыпи внукам или правнукам?

* * *

...Один мой знакомый – «богатея» семидесятых-восьмидесятых годов двадцатого века – в начале девяностых в одночасье разорился: обесценились большие денежные вклады. Жалко было смотреть на унывающего знакомого: ходил с поникшей головой, живот, ранее выступавший бугром, опал, руки провисли... в глазах стугнулся жёлтый блеск непрощённой ненависти к сотворившим беду.

Несмотря на обиду, он открыто сожалел и признавал свою оплошность: в своё время не сумел отоварить деньги, глядишь, наследники проживали бы в собственных квартирах и катались на легковушках-иномарках... Детей и внуков у него – более десятка!

Денежные вклады – тайна за семью печатями, но слухи ходили о почти двух – трёх миллионах на его счетах. В кубышках – доллары сотенными. Не веря богатству родного человека, близкие подшучивали над его скупостью, хотя заглазно с гордостью называли миллионщиком.

В то время редкие люди имели на руках иностранную валюту. (Может, и у нередких?) У моего знакомого они и вправду водились. Своему младшему брату, серьёзно заболевшему, помогал и деньгами. Самым лучшим и известным врачам предлагал доллары, чтоб поставили брата на ноги. Врачи с недоумением косились на инвалюту – никогда не видели живые «зелёные», всё равно были вынуждены отказать: брату-де не помогут и заморские денежки. Вино свалило бедового.

Знакомец, весьма предприимчивый и беспокойный, пока был в полной силе, закупал картофель и на грузовике с прицепом отвозил усадный овощ в южные края – чаще в Сталинград, так по старинке называл Волгоград. Бывал в Ростове-на-Дону, добирался и до Астрахани, в которой грузился арбузами и дынями.

Свой двухэтажный кирпичный дом из двенадцати комнат в пригороде, не считая двух гаражей с подвалами, надворных построек и земли под садом и садом... оставил старшим сыновьям, себе же с женой и младшим сыном облюбовал четырёхкомнатную квартиру на окраине города окнами на поля и перелески, и скорёхонько переехали.

Оставленный дом двум семьям старших сыновей был просторен и удобен для жилья, однако они жили в нём на правах квартирантов. Все желали иметь отдельную квартиру в городе, потому снохи роптали на богатенького и ужимистого свёкра. Правда, в глаза говорить о своей ущемлённости стеснялись.

Недовольство снох доходило до него, не зря жаловался, мол, ни одна сноха не приветит гостя дорогого, не испечёт пирога или блинов, не угостит стопочкой домашнего вина... Рад бы добавить им капиталцу, да не заслужили. Хотя ежемесячно (в советскую пору) по сто рублей переводил на счета внуков. Подрастут-повзрослеют, так сами и распорядятся деньгами. К сожалению, и у внуков вклады обесценились.

С трудом верится, что он не предчувствовал и не предвидел надвигавшуюся беду, так как был весьма прозорлив и чуток к переменам. Ведь при смене власти, как обычно, в первую очередь меняются деньги.

Осознав, в какую проруху попал, «миллионщик» изредка успокаивал себя, а больше близких: дескать, какой толк охать и ахать – как пришли денежки, так и ушли. Чтоб люди не числили (по советским меркам) спекулянт-торгашом, поправлял себя: капитал не с неба свалился, а в поте лица добытый. Бессонные ночи, переживания, заботы, потери в дороге: тому дай, второму передай, третьему припаси... После думай: угодил или нет?

По случайным источникам (снохи наговаривали), в одном южном городке у него будто бы имелась незаконная жена, родившая ему сыночка, коего содержал не хуже законных.

Если судить по внешнему виду, он не оправился от удара, но в глазах иногда поблескивали искорки радости. Причиной сдержанного торжества являлся средний сынок, перенявший отцову хватку в делах: занялся весьма прибыльным, пусть и опасным, извозом. Выкупленные помещения сдавал в аренду под склады, расширил услуги по ремонту легковушек и грузовиков. Правда, автосервис оказался кратковременным: замаяли соперники, пришлось уступить. Недолго думая, вложил деньги в два фермерских хозяйства (фермеры – материны дальние родственники).

Отец поддерживал начинания среднего сына, хотя и не нравился разброс средств, дескать, в смутное время связываться с землёй, что безоружному на войну идти. При редких встречах с ним, жалея его, говорил: «Замнут и не дадут подняться фермерам, сынок. Ценами на топливо задушат, ведь делами крутят олигархи. Отстал бы от деревни, кою никто не любит. Ты и по характеру мягкий, доверчивый и добрый – в материну родню. Начнёшь уступать, как с автосервисом, вовсе руки опустятся».

Целыми днями – зимой и летом – «миллионщик» сидел возле рынка, продавал-предлагал старье – весьма добротные вещи: инструмент, скобяные товары, посуду, книги...

С простоватой улыбкой, озарившей его тёмное от загара худощавое лицо, однажды сказал: «Денежки, что голуби, где обживутся, там и ведутся».

Не успели выехать из обжитого дома, как жена младшего заявила о разводе. Младший сын не утаивал разлада: вскоре сошёлся (без родительского благословения) с бывшей женой среднего брата. Младший, хозяин салона-магазина, одним из первых в семье занялся предпринимательством (ох, слово-то какое неповоротливое и неуклюжее – ни произнести, ни написать с ходу), любил заигрывать и кружить головы замужним женщинам, но в обо-

рот его взяла лишь бывшая жена среднего, то есть невестка. Невольно вспоминается поговорка: «Не молодца любят, а денежки».

Младший и вправду – не молодец, коли оставил верную жену с двумя крохотными дочками. С первых дней жизни в их доме она замечала баловство мужа с женой среднего. Терпела, терпела, реки слёз пролила...

Свёкор упросил сноху не уходить из дома. Младшему-де не будет привета в родительском доме, распоясался. Она осталась с условием, чтоб они не запрещали сыну приходиться домой. А ей и уходить-то некуда. Сгоряча не думала о своей доле на жильё.

Пожив с ними душа в душу несколько лет, сноха получила от родителей мужа какие-то ценности, а какие – никто толком не знал. Старшие снохи разузнали: младшей переоформили четырёхкомнатную квартиру, родители приглядывали себе поменьше – этажом пониже. Младшая будто бы падала на колени, просила-умоляла свёкра и свекровь не оставлять её с малыми детьми... Может, муж одумается и вернётся?

Не случайно живучи поговорки: «Брат братом, сват сватом, а денежки не сосватаны»; «Дружба дружбой, а денежкам счёт».

* * *

...На днях в трамвае пожилая женщина спохватилась: только что воры порезали у неё сумку-пакет и украли кошелек. Ой-ой... Вой поднялся в небольшом пространстве старенького вагона, словно покойника оплакивали. Некоторым пожилым людям стало плохо...

Кондукторша, видимо, от испуга, простодушно призналась: десять минут назад в этом вагоне ехали воры-карманники, но не заметила, как они воровали. Предупредить пассажиров побоялась, бритвой угрожали. Воры сказали, что они «залётные», будто командировка заканчивается с нищенским уловом: плотва да пескарки.

Женщина, сидевшая рядом с пострадавшей, показала на свои сумки с поперечными порезами.

– Полюбуйтесь. И меня хотели обчистить. Прочитались, голубчики! Если добираюсь до овощного рынка, то денежки храню тут. – Она до бедра подняла широкий подол юбки, показав на чулке, перехваченном в два ряда резинкой, глубокий карман. – Сейчас что толку потрошить, осталась мелочь: сумки полные – еле-еле волоку. И зачем слёзы лить, коли сами виноваты! Разинем рот шире варежки – воров поощряем. И им пожить охота, самый раз поживиться у простачков. Начальники миллионы гробут, да с рук сходит. Зря, что ли, поговорка живёт: собака собаке на хвост не наступит. Господи, прости несчастных.

– Ах, вы с ними заодно?! – выпалила пострадавшая, прикладывая батистовый платок к заплаканным глазам. – Пенсионное удостоверение увели. Побегаешь за ним, не сразу выправят. Ключи, на счастье, в нагрудном кармашке. Бедные, лучше попросили бы. Подаю же на паперти.

– Они сказали, в нашем городе не разжиться, кошельки тощие. Худее всех, – вполголоса вымолвила напуганная кондукторша.

* * *

...После девяти утра в трамвае всегда пусто. В вагоне я оказался четвёртым, считая водителя, кондуктора и пожилую, весьма важную и солидную даму. Каким образом она оказалась в трамвае – транспорте для бедных, неизвестно. Почему не на собственной легковушке?

На следующей остановке к нам примкнула, выражаясь казённым языком, женщина средних лет. Не успев выбрать поудобнее место, она вдруг вскинула руки, чуть не выронив котомку, осветилась лицом и устремилась к кондукторше. Обе, наверное, близко знакомые либо родственницы, соскучились, потому не обошлось без тёплых объятий и всхлипов.

Перекинувшись, как бывает при случайных и мимолётных встречах, несколькими привычными словами, они примолкли на мгновение, чтоб прийти в себя, и оглядели друг дружку с ног до головы с одинаковой мыслью: растянулось бы расставание на два-три года, то и не узнали – кто перед глазами.

Вошедшая нарушила короткое молчание тяжёлым вздохом, похожим на болезненный стон. С тревогой заговорила о сыне:

– Выучился на газосварщика, а на работу не берут. Ссылаются на юный возраст, им нужны опытные специалисты, со стажем. К молодым относятся с недоверием повсюду.

– К пожилым не лучше. Вот устроилась в трамвайное депо. А могла бы медсестрой работать, – сказала кондукторша.

– Для чего тогда перелицевали жизнь? И для кого? – тихо негодовала мать, скорбно осмысливая свои слова. – Сынок переживает, страдает, чувствует себя виноватым. Кушает неохотно, а то и вовсе не садится за обеденный стол. Суп остаётся. Молочной рисовой каши подам, кою любит, так отвернётся с шуточкой, мол, хлеба со сладким чаем поел. Спрашиваю: не голодовку ли объявил? В чём причина? Почему не ешь? Мама родная готовит обед, а не тётя чужая. Сама в слёзы... Гляжу, и у него веки красные. Всё-таки признался начистоту: стыдно сидеть на шее матери, пицца не идёт.

– Случайно, не выпивает? – спросила насторожённо кондукторша. – Нынешние-то на ходу дудочку из пивной бутылки. На соске выросли и добрались до алюминиевой баночки. На большее не годятся. Прости, Господи, что лихуюсь. Слабеньких научить дурному легко. Чертенята накурятся и пива наглотаются, вот перед глазами у них и плывёт, и плывёт... До праведного ли труда им?

Мать устыдилась её вопросу и подозрению. Скрывая обиду, начала хвалить сыночка: в отца работающий, совестливый и простой.

Важная дама, одиноко сидевшая неподалёку, часто оборачивалась в сторону двух женщин, и, чтоб не пропустить слова, к уху прикладывала ладонь лодочкой. Когда кондукторша отошла обилечивать вновь вошедших, важная дама подозвала плачущую мать.

Та не сразу решилась подойти, даже сама удивилась, что поколебалась, ведь все знакомые считали её общительной. Сначала подумала: может, пожилой женщине нездоровится – помощь нужна?

А минуто спустя, выслушав важную даму, озабоченная мыслями о сыне мать, не скрывая радости, засияла лицом и засмеялась кротко и тихо, словно боялась вспугнуть хорошую новость, будто с неба упавшую.

Одним словом, важная женщина строго наказала прийти юному человеку самому (назвала известное предприятие и дала визитку) в отдел кадров, устроит сначала помощником к мастеру по сварочному делу. Месяца три постажируется, пусть и с небольшим заработком, привыкнет и вольётся в рабочую среду.

* * *

Однажды (нечаянно) повстречался с деревенским земляком-одногодком. Он поделился горестной новостью: недавно умерла старенькая мать, похоронили на сельском кладбище, как завещала. В доме стало сиротливо, тоскливо и пустынно. Некоторое время спустя, как обычно, жена нашла повод поворчать: пора-де выбросить домашние тапочки умершей, не положено держать... Одежду-то сразу выбросили, а тапочки он хотел оставить на память, много места не займут. Мать хаживала в них по ковру городской квартиры более десяти годов.

Пререкались с женой и делили тапочки, тянули друг на дружку: из-под стелек поношенной обуви посыпались советские двадцатипятирублёвые купюры. Договорились отнести в музей. А тапочки выбросили.

Позже и в диванном матраце нашли припрятанные деньги. Набралась приличная сумма: чуть более одной тысячи рублей. В советскую пору могли купить мотоцикл «Урал».

Земляк не мог понять, откуда у матери солидная сумма? Думал, гадал, прикидывал, но не хватало фантазии, чтоб точно предположить место рождения материных денег.

Почему она прятала от близких новенькие купюры? Что скрывалось в её странном поступке? В семье неладно жизнь протекала, вот старая женщина и не доверяла детям, особенно строптивой снохе. А недоверие – любое копится не в один день. После ухода матери прошло много времени, а взаимный холодок, по слухам, в их семье усилился: жена думала, что муж, как и свекровь, прячет часть денег от зарплаты, не всю получку приносит.

* * *

...И у приятеля что-то похожее в доме наблюдалось. Старенькую мать перевёз из деревни в город лет пять назад. Пожаловался: мать плохая – тает на глазах, заговаривается. Однажды подняла уголок ковра, осмотрела и поводила ладонью по полу, вроде искала какую-то пропажу. «Мам, что ищешь-то?» – спросил. «Денежки, сынок, денежки... На чёрный день отложила, а не знаю – куда сунула платочек с сотенными». – И заплакала вдруг, будто и вправду запамятовала – в какую застреху положила. «Эх, мама, беда с тобой: деньги сроду в комод!.. И твоя пенсия там», – сказал, чтоб мать не горевала. «Сынок, не закатились ли они под ковёр?..» – посомневалась.

В последнее время от сына-вдовца стало попахивать вином и жиром сушёной рыбы. Неправиль-

ные его расходы насторожили её. Появилась задумка припрятать деньги, да вскоре забыла о своём намерении. С испугом вспоминала прожитую жизнь – в нужде и унижении барахталась... десятерым нынешним людям хватило бы испытаний, вот и чудилось – найдётся под ковром забытый собственный свёрток, глядишь, подмога деткам и внукам. И они в не меньшей нужде обитают.

Интересную поговорку слышал от дорожного попутчика, есть она и у Даля: «Держи деньги в темноте, а девицу (бабу) в тесноте».

* * *

Жена моя Тоня недавно повстречалась со знакомой по прежней работе. Не виделись лет двадцать, потому взаимно удивились: обе сильно изменились, морщин нажили, почти состарились... Знакомая собирала, как выяснилось, бумаги в Пенсионный фонд, заранее подсчитала: пьжётся не пьжётся, но пенсия набегит с ноготок. Достоинно не прожить, хотя больнице отдала сорок лет. Вынутят выехать из «хрущобы». На братьев и сестёр не кивнёшь, сами хлипкие – бьются, как хрен об кочку.

...В своё время и жена собирала бумаги к пенсии, тоже заранее подсчитывала – сколько должны начислить. Не преувеличивала свои заслуги, зная о «казённой любви» к медицине, а всё равно справедливое ожидание подтачивало сомнение. И от подбитой суммы чуть в обморок не упала... после горько поплакала и погоревала... Покорилась обстоятельствам. Успокоилась и привыкла.

Жена, оперевшись на свой опыт, сказала знакомой:

– Сколько Бог дал, столько и получай. Одной-то много ли надо? Каши овсяной и пшённой на заводском молоке сваришь, потимишь в плите, задобришь маргаринчиком. А супчик приготовишь из серебристой мойвы. Перекрестишься и покушаешь за милую душу.

– Тоня, это ты так живёшь?! – проговорила знакомая со страхом и жалостью в глазах.

– А что плохого-то? Вспомни-ка, бывало и хуже... Сама рассказывала, как в детстве от голодухи голова кружилась, с печки падала... В юности без нарядов на вечеринки бегали, от шуток-прибауток смеялись и веселились... Замуж повыходили светлыми и чистыми.

– Ба, Тоня, правильно сказала. Нынешние-то девицы с голыми пупками прилюдно лобызаются с первым встречным, а смеха не услышишь. Вместо лучистой улыбки – сигарета в зубах торчит и дымок вьётся. Я ведь после ушного отделения двадцать лет отгрохала в гинекологии. Нагляделась на женские страсти-мордасти.

– Ну и хорошо! Я уж подумала: не позавидовала ли имущим, у коих к достатку плывут ручьём прибитки. Не в деньгах счастье! – подытожила жена.

В общем, утишила ропот и уронила в её душу благодатное зерно смирения. По глазам заметила: задумалась знакомая.

* * *

...В девяностых годах двадцатого века люди России перенесли новые беды, горести, драмы, тра-

гедии... Врагу не пожелаешь. Россия, восприимница советской империи, так и поныне числится пугалом для всей Европы – и не только, не случайно бывшие республики-соратницы «убежали» от нас. Забугорные недруги, если выражаться тем же языком и определением, глядели и выжидали – чем закончится наша политическая и социальная агония. Сочувствие выражалось посылками с подержанной одеждой, тряпьем, игрушками... Неокрепшая и растерявшаяся власть согласилась на завоз просроченного куриного субпродукта. Уступила по политическим соображениям, невольно оправдываясь, мол, чем-то же надо кормить подданных.

...В областной больнице я лежал в отделении, где работала санитаркой жена моего приятеля. С первых слов Ксения захохла, вроде смутная житуха закружила бедных, не знаем куда приткнуться... С мужем непоседливы: рады денежку добыть, да лицом не вышли.

– Трудисься в поте лица, так зачем ищешь второй хомут? – сказал я, показав на швабру.

– Ох, смеёшься, что ли? У самого женка в больнице чалила медсестрой. На одной пенсии еле-еле наскребаем на спички, на соль, на молочишко в пакетах, на хлебец с сухарями... На сберкнижке в девяностых денежки «сгорели».

Не хотел прерывать жену приятеля, хотя она говорила правду, но без иронии не обошлось:

– Жизнь нонешняя сложная. Испытывают нас на крепость. Воли отпущено – полон короб. Всё равно лучшую долю, о коей ты мечтаешь, не мешало бы терпеливо подождать.

– Воля-то дадена, а посмотри – кто во что горазд, – возмутилась Ксения. – Разве не терпим? – спросила. – Муж побывал в дворниках.

– Да видел его с метлой! Как всегда, весёлый и шутиливый. Послушать тебя, так подумаешь: разные вы.

Ксения улыбнулась и продолжила о своём:

– Рассчитывали, что при туманной жизни и мусора поменьше, а его, оказывается, с каждым днём больше и больше... Всякую всячину выкидывают. Двери, окна и старую мебель меняют. Откуда у людей средства на обнову? – Она мгновенно перестроилась на степенный лад, вроде угождая моей усмешке. – Он ничего не сказывал? – неожиданно спросила.

– Нет, – ответил.

– Собираемся в деревню насовсем. Жалко оставлять нажитое по крохам: квартиру отдадим внаём или продадим попозже, чтоб подороже отдать... Внук не ладит с гражданской суженой, вот и боязно дарить жильё, девка попалась бойкая и курящая... Влезет в близкое доверие и оставит простоватого внука на бобах... Разве мало случаев? Баловать готовеньким грех, пусть сами добиваются. Птица вьёт гнездо без посторонней помощи. На худой конец, если дружно заживут, будем помогать. Постарайся отговорить её от курения.

– В деревне родственники не перевелись? – прервал я, зная, что без родных и близких нелегко справляться с сельскими заботами.

– Дальними родственниками богаты! Старенький родной дядя зовёт поскорее, некому ухаживать за «гулёвой» землёй, зарастает орешником, осинни-

ком, полынью, крапивой... Пока начальники ищут своё место, пока чего... мы успеем закрепиться на родной земле, оформим бумаги и...

– Дядя, выходит, жалеет не себя, а клочок земли, – подметил я.

– Он такой! Мы каждое лето помогаем ему по мелочам. В последнее время сильно расхворался, за ним нужен постоянный пригляд. Что старый, что малый, что больной... – сказала она торопливо, будто боясь забыть.

Что-то похожее слышал от её мужа, но только давно. Значит, к бегству из города готовились далеко до выхода на пенсию, а оба вышли на пять лет раньше обычного – выслуга помогла, так как в молодости жили и работали на Севере геологами, вместе и учились. Перемены в государстве поставили крест на романтическую профессию. Выходит, скрепя сердце жили в городской среде? Они ли только?

– Краем глаза видел, у вас прекрасный картофель родится? – напомнил ей.

– Да. На нём выросли, на нём с мужем и закончим свой путь. Из сортового картофеля могу сотворить десяток блюд, мясного не надо.

– Богу известно, где и в какое время завершим свой путь. Зачем торопиться, – поправил я, помня её великолепные блюда из картофеля. (Не раз приходилось бывать у них в гостях. А гость я весьма удобный: не пью вина. И больше часа не засиживаюсь.)

– Сам-то не унывай. То и дело в больнице вижу, – сказала она с хмурым видом на лице. Её радовало, что мужу пока не приходилось лечиться в стационаре, хотя жаловался на поясницу и на желудок.

– В этом году дважды отдыхал в профилактории. Кормят нормально. Но часто вспоминаю и сравниваю твоё угощение из картофеля, – нахваливал и напрашивался одновременно на приглашение в деревню, если переедут.

– Спасибо на добром слове, – твёрдо произнесла, точно привыкла к похвале. – С мужем думаем, гадаем и обговариваем разные варианты, чтоб сорваться не как осиновый листочек. И тут корни пустили глубокие, потому и медлим. Деревенские хозяева не больно-то рады переезду пенсионеров – обуза. И молодых не ждут. Безработица. Новые жильцы благо несут: заполняют прорехи в улице, брошенные избы обживают. Чуется, сегодняшней прорухе настанет конец при нашей жизни. Покушать сытно всем хочется.

С мужем поползали по лесам и долам, по горам и сопкам, по таёжным речкам и болотам... Истосковались по родному гнезду, отдохнуть охота. Хотя понимаем: русская деревня нищает и вымирает на глазах. – Она примолкла на минутку, глаза защемило. Продолжила дрогнувшим голосом: – На наш век хватит. Силёнки пока имеются, просить помощи не станем. У мужа этой техники!.. А тут, бегая с грошами по базару и гастроному, – себя унижать. Просто пропащее дело.

– Пропать, может, не пропадёшь, но барыней не станешь, – сказал я, не скрывая усмешливой тональности.

– И не собираюсь. Корни-то крестьянские, – согласилась Ксения, приняв шутку за явь. – Много раз выходила на рынок с фарфоровым сервизом – да-

рили за ударный труд: поглядят, похают и дальше идут. А какие у нас хрустальные фужеры – щёлкнешь ногтем по краю, стронешь музыку стекла – звон слышен на улице. Похожую посуду вряд ли сыщешь в нынешнем магазине. Прохлада к украшению быта идёт из-за неуверенности в завтрашнем дне.

– У тебя же сестёр полно? Зачастят в деревню! Фужеры пригодятся для домашнего пива.

– Сестёр лишних не бывает. Приедут-наедут, то с радостью картошкой угощу. На всех хватит! Солений наставлю, из смородины и сливы вина... – оживлённо планировала, вроде зажила на малой родине. Призадумалась. И тихо продолжила: – Накануне маминой памяти, двенадцать годов назад померла, старшей сестре приснился сон, в коем мама в нарядном платье, будто лесная поляна с цветочками перенеслась на неё... И весело говорит нам: доченьки, новость какая: дом хороший купила, под железной кровлей, шатровый – всеми окнами в улицу.

Мы хором: показывай покупку! Да вон, отвечает, глядите. Или глазки ваши потухли? Мы посмотрели и ахнули: дом-то – наша родовая изба, в коей все появились на белый свет и выросли. Мама родилась в ней, всю жизнь прожила, умерла на пожже... А мы, как один, выпорхнули и улетели не зная куда...

Во сне будто все плакали, но не горько. К чему бы? А к тому жизнь катится, что пора возвращаться поближе к родовому кладбищу. На подворье повозимся годов десять – двенадцать, а там... как Бог велит. Сад в пригороде продали задёшево. Зачем он нам? В деревне разведём. Детям помощь. – Она всплакнула.

* * *

...После заутрени пожилая прихожанка выбрала момент, чтоб подойти к вечно занятому батюшке Георгию, настоятелю Благовещенского храма. Она робко и кротко попросила благословения и сразу же спросила: можно ли уберечься от постоянного нажима греховных мыслей, помыслов и действий? Как очиститься надолго?

– Вы новенькая? Разве не слушаете Литургию и не читаете Евангелие? В них ясно сказано, – ответил Георгий, поморщившись от её слова «надолго», точно занозой вонзившееся в душу.

– Урывками, батюшка. И не всегда удаётся связать смысл. Много не разумею. Кто бы подучил.

– Покаянием и причастием очищается душа. И подаянием, то есть помощью, – сказал отец Георгий.

Прихожанка жаловалась на обстоятельства: не удаётся часто бывать в церкви, редко исповедуется и причащается... но подаёт каждый день.

– Смотря какое подаяние, – промолвил батюшка, догадываясь, что она подаёт милостыню старушке у магазина.

Прихожанка призналась поподробнее: много-много лет подряд выручает рублёвками и десятками сердобольного соседа, деревенского земляка, бедного простачка. На её деньги он покупает таблетки от головной боли. Недавно обнаружилось иное явление: сосед обманывал её, притворившись больным, обманывает и ныне... Оказывается, каж-

дый день пил горькую, бражничал – накланчив денжат не только у неё, а после страдал с похмеля... Выпивал не в компании, а в одиночестве. Горемычный сосед-землячок не перестаёт просить денег. Он пристрастился опоражничать аптечные пузырьки с боярышником, что подешевле и доступней, будто на самом деле сердечной болезнью страдает. Если не отзовёшься на его просьбу, то укоряет изменой землячеству. А мы с ним ровесники, вместе учились в одном классе, за одной партой сидели, играли в игры разные... Вместе и в вузе учились. У него трагически погибли родители. У мужичка ноги и подкосились. Своя семья распалась. Детки знаясь не желают. Бывшая жена внушила им, что батька никудышный, пример дурной подаёт. Ох, ныне жалко смотреть на него, мучается. И глаза у него почти оловянные или стеклянные. Взгляд бессмысленный либо безразличный. Трудно жить рядом с погибающим человеком, хотя издали видно, что у него ещё не иссякли силёнки. Начнёшь вспоминать о доме родном, о деревне, о босоногом детстве... так он отмахнётся безучастно и протянет руку с раскрытой ладонью, как цыганёнок на базаре, и с мольбой в глазах просит денежек. Коли не дорожит прошлым, так зачем ему настоящее? О будущем и не говорю. Сказала ему о Божьем спасении. А он ответил, что Бог спасает и падших.

– Жалостью обнадёжила бедового, постоянной поддержкой и опекой, вот и наделала беды. Ввела его во искушение, – заметил батюшка, задумчиво выслушав прихожанку.

– Выходит, заблудилась не только душа соседа-земляка, но в большей степени и моя собственная, – призналась она.

– Выходит, что так, – подтвердил батюшка.

* * *

...Пришла пора поставить точку записях на денежную тему: ей нет конца и края.

Любознательный читатель, если хватит терпения дочитать незатейливые словесные картинки, возразит: экая невидаль, слышали истории и пострашнее. И самим доводилось испытывать кое-что... Деньги – штука соблазнительная!

Помнится, моя мама подшучивала над нами, когда постоянно переносили затруднения в деньгах:

– Деньги есть – кути, кути... Денег нет – усы крути...

К счастью, погуливать и кутить не приходилось, даже были бы денежки «вольные и лёгкие», то всё равно не кутили бы – грех великий. А вот усы, хоть и безусые, крутили и крутим до сих пор. Безденежье поедом ест!

Но, как говорится: волков бояться, то и в лес не ходить. Деньги и у нищего бывают. Как же тогда жить без денег?

В связи с предполагаемой неуверенностью читателя – как думать о деньгах: мало их или вовсе нет, а то и наоборот – девать некуда, неожиданно всплыли поговорки-половицы, не уместившиеся в середине текста: «Не деньги нас, а мы их нажили», «И барину деньга господин».

Дмитрий САВЕЛЬЕВ, протоиерей

ДЕРЕВЕНСКАЯ И ПОЧВЕННИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

На родной земле.
Фото Владимира Ламзина

этому вопросу с личными субъективными мнениями собеседников. Как литератор и профессиональный журналист, Сергей подготовил соответствующие теоретические положения и цитаты из литературно-критических статей, посвященных деревенской прозе. Остальные присутствующие «дилетанты» очень живо на это представление темы реагировали. Не буду говорить за других, изложу только мое мнение.

Настоящий текст инициирован дискуссией на тему «Деревенская проза», состоявшейся в литературной студии при ульяновской библиотеке №8. На заседание я попал по приглашению Дмитрия Сергеева, моего давнего знакомого по Владимирскому приходу, за что ему спасибо. Мне показалось полезным зафиксировать то, что подумалось и сказалось в этом разговоре. Зафиксировать, прежде всего, для себя, ну и для других, если кому-то будет интересно.

Никогда не считал себя специалистом в области художественной литературы. Но как человек, что-то в жизни прочитавший, могу позволить себе высказать несколько мыслей о ней, так сказать, на любительском уровне. Тем более, что модератор дискуссии журналист Сергей Гогин организовал ее именно как встречу устоявшихся научных позиций по

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЖАНРА

ЖАНР в любом виде искусства выделяется тогда, когда появляется ряд произведений, явно объединяющихся в одну группу по некоторым очевидным для публики содержательно-формальным признакам и идейно-тематической направленности. Причем эти критерии позволяют с одинаковой определенностью как объединять произведения в одну группу, так и различать их от других авторских работ этого же вида искусства, относящихся к другим жанрам и направлениям. Следует согласиться с оценками профессионалов в том, что жанр или направление деревенской прозы, в русской литературе сложился и уверенно «диагностируется».

Если рассуждать логически, «деревенское» может быть выделено из более широкого контекста только в противоположность с чем-то «городским». В содержании произведений обозначается противоположность двух противостоящих друг другу миров: ГОРОДА и ДЕРЕВНИ. Причем ДЕРЕВНЯ описывается широко и подробно как что-то родное автору и героям, а ГОРОД противопоставляется этому доброму миру в виде какого-то чуждого и порой враждебного начала. Специфическое отличие этих двух миров друг от друга заключается в том, что в деревне производственная, общественная, хозяй-

ственная, семейная, личная и всякая другая сторона жизни людей связаны с природными условиями и циклами, а в городе не связаны. Это отличие определяет отличие личных качеств, характеров, жизненных смыслов и прочих особенностей жителей города и деревни. В литературе показываются драматические столкновения этих двух различных начал в судьбах жителей деревни, выразителями чувств, мнений и позиций которых выступают писатели-деревенщики. Если бы этой внешней роковой силы ГОРОДА в их жизни не было, не имело бы смысла выделять отдельного жанра литературы и творчески его разрабатывать.

2. РУССО – РОМАНТИК ПЕРВОБЫТНОЙ ПРОСТОТЫ

В числе, может быть, не первых, но очень четко сформулированных примеров противопоставления двух названных начал, правда, не в литературе, а в обществоведении можно назвать позицию Ж.Ж. Руссо. Эта позиция выражена им в его трактатах, в особенности в «Рассуждении о науках и искусствах». Руссо противопоставляет «естественного» (первобытного, деревенского) человека и человека цивилизованного, городского. По мнению

Руссо, естественный человек не испорчен и почти свят. В противоположность ему городской человек может быть назван человеком искусственным. Он грешен и испорчен в результате развращения плодами цивилизации, в число которых входят, в частности, науки и искусства. Эта теоретическая декларация со временем нашла свое художественное воплощение. Во многих произведениях литературы, музыки и других искусств XVIII–XIX веков присутствуют «простодушные пейзажи» и сцены сельской идиллии.

Очевидно, что обращение к сельской и народной теме связано у мыслителей и художников с поиском какого-то общественного и эстетического идеала. В качестве возражения можно отметить, что совершенство «естественного человека» Руссо – это совершенство «нуля». У первобытного человека ничего нет: ни экономики, ни политики, ни хозяйства, ни культуры. Про то, что есть, можно сказать что-то конкретное и даже критическое, а «на нет и суда нет». Со временем освежающий эффект сельской идиллии в западной литературе исчерпался. А.С. Пушкин в «Барышне-крестьянке» подает эту тему уже в забавно-иронической форме, то есть как пародию на давно изжившую себя привычную сюжетную фабулу. Одним из неожиданных вариантов «святой простоты» почти по Руссо стал образ Маугли у Киплинга. Это тоже идеальный «естественный человек», выросший в дикой природе. Но именно на примере Маугли особенно ясно виден сказочный, утопический характер этого образа.

3. РУССКИЕ СЛАВЯНОФИЛЫ И ПРОБЛЕМА НАРОДНОСТИ

В спорах русских славянофилов и западников XIX века о путях развития России проблема народа и «народности» как особого качества человека ставилась очень остро. Эти споры можно попытаться осмыслить и как специфический разворот темы противоречия города и деревни. Но если Руссо пользовался образом «естественного человека» для демонстрации противоречия дикости и цивилизации, то «народность» в представлении русских славянофилов олицетворяла уже нечто иное – традицию и консерватизм. Противоречие между городом и деревней славянофилы рассматривали как противоположность инновации и традиции или противоположность модернизма и консерватизма. По сравнению с Руссо славянофилы сделали шаг вперед в понимании народности. Простой народ у них – это не «естественный человек» Руссо, не «табула rasa», а некое культурное своеобразие – культурная почва. Но почва сама по себе это еще только чистая потенция, нереализованная возможность. На этой почве вырастают цветы и плоды культуры, воплощаемые в более или менее совершенных формах. Воплощаются они, конечно, в городе, ведь деревня, если не совсем бессловесна, то интеллектуально очень мало развита, косноязычна. Да и не до того ей, занятой в первую очередь проблемой выживания.

Одна из продуктивных идей славянофилов заключалась в опасении, что названные плоды и цветы культуры могут оказаться ядовитыми сорняками, чуждыми самой почве, на которой они выросли. Этот духовный отрыв от своего народа интеллиген-

ция начала переживать очень остро. Чацкий в «Горе от ума» мечтает, «чтоб умный, бодрый наш народ хотя б по языку нас не считал за немцев». В простом народе (почве) национальный идеал, то есть соответствие неким фундаментальным основам национального бытия содержится в скрытом виде. Задача интеллигенции состоит в том, чтобы раскрыть, эксплицировать его. Вспомним горячий интерес образованных людей XIX века к народной культуре. Национальный композитор Михаил Глинка выразил это явление в чеканной формулировке: «Музыку создает народ, а композитор ее только аранжирует».

Проблемой русских славянофилов стало то, что они могли выразить только дворянский взгляд на народную жизнь. Это взгляд из окон помещицкой усадьбы на бедные крестьянские дворы. Даже если это взгляд сочувствующий, он все-таки достаточно отстраненный. Помещик, которого кормят и обеспечивают крепостные крестьяне, не может разделить с ними жизнь во всех ее деталях и подробностях. У Аксакова очень хорошо получилось написать «Детские годы Багрова внука». Но, например, молодого Гоголя, в книгах которого народный дух просто кипит и фонтанирует, старшие славянофилы как-то умудрились не заметить.

4. ОТ ДВОРЯНСКОГО НАРОДНИЧЕСТВА К МОДЕРНИЗМУ БОЛЬШЕВИКОВ

Эта часть моих размышлений, кажется, уводит довольно далеко от вопросов литературы, в область истории и обществоведения, но без нее мысль на заданную тему у меня никак не складывается. Поэтому прошу немного терпения и продолжаю...

Славянофилы подняли общественный интерес к вопросу о простом народе, его положении, жизни и судьбе. Авторы «Современника» сделали эту тему своим знаменем. Например, Н. Некрасов стал знаменитым поэтическим печальником о народной доле. Это общественное идейное течение со временем дало свои практические результаты. Интеллигенция не в мечтах и сочувственных мыслях только, а на самом деле пошла в народ. Главным открытием горожан, пришедших в деревню, стало понимание того, что народ вовсе не свят, не совершенен и не соответствует идеалам, вычитанным в прекрасных книгах. Но удивительный запас пассионарности, героического самопожертвования, имевшийся в этих людях, побудил их к подвигу. «Если народ не свят и не совершенен, нужно изменить сам народ», – решили они, отправляясь работать земскими врачами и учителями сельских школ. Ирония истории заключается в том, что движение народников, вызванное к жизни традиционалистами-славянофилами, на каком-то этапе идейно подчинили себе модернисты и западники – большевики. Они уже дерзали обращаться к народу от имени самого народа. Вознесенные волной народного признания и доверия, они перевернули русскую жизнь с ног на голову.

Потомкам старых народников-славянофилов осталось только ностальгировать по старине и оплакивать крушение прошлой жизни. Так Бунин грустил об антоновских яблоках в былых дворянских усадьбах, и ужасался окружающим его океан-ным дням.

5. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕРЕВНЯ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА.

БОЛЬШЕВИЗМ = МОДЕРНИЗМ В ГОРОДЕ + ФЕОДАЛИЗМ В ДЕРЕВНЕ.

Мы рассматриваем отражение отношений города и деревни в литературе очень широкими штрихами как бы с высоты птичьего полета. Полет оказался весьма сложным и прихотливым. Приходится пропускать множество персон, без которых, кажется, вообще немислим разговор о русской литературе. Мы пропускаем скромную по внешности, но титаническую по своему масштабу фигуру А.П. Чехова, который в своих книгах и пьесах выразил мироощущение городского интеллигента, соприкоснувшегося с жизнью простого народа. Мы проходим мимо «матерого человечища» Льва Толстого, названного «зеркалом русской революции». Он как художник глубоко понимал народную душу и как интеллигент пытался влиять на народ своим экзотическим и совершенно не соответствующим русскому духу толстовством. Мы совсем не упоминаем имен многих известных авторов, чье творчество явно связано с обсуждаемым вопросом. В оправдание могу только сказать, что я не делаю систематического изложения, а размышляю на заданную тему, произвольно подбирая интересные и доступные для меня примеры.

Итак, довоенная советская почвенническая литература главным образом изображает переживания народа, которого из капитализма насильственно возвращают обратно в феодализм, правда, приукрашенный идеологией Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Книги «Тихий Дон», «Поднятая целина» и множество других менее значительных рассказывают об эксцессах и душевных состояниях людей, возникающих в ходе этого насильственного возвращения.

Еще одна мысль о литературе этого времени связана не столько с деревней, сколько с народностью в целом.

Российская империя а позже советское государство – государство воюющее. «Если завтра война, если завтра в поход» – это вечный припев, сопровождающий почти все этапы советской жизни. Поэтому важной стороной раскрытия народного духа всегда было мучительное стремление деятелей искусства осознать и выразить отношение народа к войне. Они пытались не то чтобы ответить сами, но мистически угадать общий ответ народа на вопрос: «Вот эта конкретная война, народная или не народная»? Про Отечественную войну 1812 года этот ответ дал Л.Н. Толстой – народная война без всякого сомнения. Для подтверждения этой мысли в свою самую толстую книгу писатель включил ставший знаменитым монолог «про дубину». Первая мировая война 1914 – 1918 гг. убедительного ответа в литературе на этот вопрос не получила. Хотя очарованный странник у Лескова в конце книги очень хотел погибнуть на войне за Родину, но его мистический патриотизм питался, скорее, духом прежних балканских войн, чем прозревал будущую Первую мировую.

Гражданская война в действительно талантливых книгах – это, скорее, смута и братоубийство, скорее болезнь народной души, чем ее героический взлет. Хотя сборники красноармейских песен

гражданской войны полны бодрости и оптимизма, но сборники составляют победители и редактируют идеологические цензоры. Сейчас стали известны песни, которые пели солдаты и офицеры, воевавшие на противоположной стороне. Они не менее душевны, а по содержанию, кажется, даже более серьезны и глубоки. Но военные песни – это особый прикладной жанр, от которого нельзя требовать полной адекватности самовыражения. Великая Отечественная война в очередной раз поставила перед литературой свой вопрос, на который во многих книгах и на примерах многих сюжетов ответ был получен. Несмотря на то, что власть в стране «страшная» и часто не очень дружественная по отношению к народу, несмотря на все «ошибки» и «перегибы», эта война все-таки народная. Народ приносил себя в жертву для победы над врагом справедливо и «правильно».

6. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕРЕВНЯ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА.

УРБАНИЗАЦИЯ – ПОДРЫВ ОСНОВ ПОЧВЕННОЧЕСТВА

Наконец-то я дошел до того периода и тех книг, которые и дали повод для обсуждения. Их авторы стали общеизвестными «хрестоматийными» классиками советской литературы: Солженицын, Распутин, Шукшин, Белов, Астафьев и иные с ними. Перечисляю их (понятно, что не всех) не в хронологическом и не в алфавитном порядке, а так, как рука написала. Какую же народную мысль вычитываем мы из этих книг?

Несмотря на пестроту, своеобразие и внешнюю красочность жизни, деревня в общем и целом – область страдательная. В ней есть какая-то народная правда, достойная выражения, внимания и уважения, но жизненных сил в деревне гораздо меньше, чем в городе. По взгляду из деревни, исторические «дрожжи», источники развития, богатства, преобразований находятся именно во внешнем мире, то есть в городе, а не таятся где-то в глубинах народного бытия. Оттуда, из внешнего чуждого городского мира, исходит под видом хороших вещей, украшенных лозунгами «прогресса» или «культуры», онтологическое зло, неизбежно наступающее на деревенскую старину. Сельский народ не лишен личных недостатков, но хорош по какой-то своей глубинной сущности, видимо, отражающей связь с крестьянским трудом и бессловесной природой. Однако, народ стареет и умирает. Порой эта смерть насильственно ускоряется наступлением «города». Особенно ярко эта тенденция иллюстрируется в книге В. Распутина «Прощание с Матерой». Кто-то из критиков справедливо заметил, что деревенская тема в литературе – всегда тема трагическая.

Особняком среди названных мною авторов стоит Василий Шукшин. В его картинах деревенской жизни всегда присутствует некоторая «стереоскопичность». С одной стороны, этот писатель действительно – человек деревни, хорошо знающий, что думают и чувствуют его герои. С другой стороны, он в такой же степени – человек города, кинематографист, режиссер, принадлежащий к творческой элите и богеме. В отличие от своих героев Шукшин не боится города, а свободно живет в нем. Так же остро, как деревенскую жизнь, он видит

Крестный ход. Фото Владимира Ламзина

не только достоинства, но и ограниченность, и «нищету» городского мира. В его рассказах ясно ощущается ирония и над тем, и над другим. Перефразируя пушкинского Сальери, творческий взгляд Шукшина на его героев можно выразить словами: «Нет правды на селе, но правды нет и... в городе».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя, разумеется, не обсуждение темы, а только собственное высказывание, хочу повторить или заново сформулировать некоторые стоящие в основе разговора вопросы. И соответственно, попытаться ответить на них.

Отвечает ли деревенская и почвенническая литература на вопрос о том, что такое сегодня «народ» и «народность» как его некое системное качество?

Нет, не отвечает. Деревенская литература представляет народную жизнь в ее конкретных исторических формах – формах жизни людей, занятых сельскохозяйственным трудом в России в разные периоды XX века. Тенденции урбанизации, то есть роста городов и сокращения деревенского населения, изменяют и характер сельского труда, и образ деревенской жизни. В настоящее время к понятию «народ» следует отнести в том числе и жителей мегаполисов, и население малых городов, райцентров и т.п. Сельские жители занимают в составе населения не самую значительную долю.

Являются ли сельские жители специфическими эксклюзивными носителями народного духа?

По моему скромному мнению, не являются. Раз народ состоит не только из сельских тружеников, то и носителями народного духа наряду с селянами являются рабочие, служащие, техническая и творческая интеллигенция, частные предприниматели, «офисный планктон», пенсионеры, школьники, студенты и все остальные представители нашего общества.

В чем выражается этот народный дух?

Народный дух выражается в общем языке, истории, культуре, религиозной вере, образе жизни, общих интересах, исторической судьбе и много в чем еще. Народ во всех своих социально-профессиональных разновидностях просто живет, процветает или «влачит существование», складывает как получается свою не всегда ясно осознанную челове-

ческую жизнь. Народный дух – это идеальное выражение того, что связывает каждое индивидуальное бытие в общую народную жизнь.

Является ли «почвенность» синонимом «деревенскости»?

Нет не является. «Почва» – это любой субстрат народного духа, любое непосредственное бытие людей как в деревне, так и в городе. Непосредственное бытие народа часто (или как правило) недостаточно осознано. А интеллигенция эти коренящиеся в «почве» содержания народной души рефлексивует, выговаривает, артикулирует и порой выражает их в совершенной художественной форме.

Может ли существовать «народность» как особое духовное качество, о котором писали славянофилы, в отрыве от национальности?

Нет не может. Национальность, и в частности национальный язык, – одна из необходимых форм бытия человека. Потерял национальность – потерял бытие. Физическое существование может еще продолжаться, но совершенно непонятно в каком духовном качестве и статусе. Уехал в эмиграцию с целью адаптироваться на новом месте – перестал быть русским. Но немцем или, например, евреем тоже не стал. Кто ты после этого? Беженец без рода и племени, существо, оторвавшееся от одних корней и не приросшее к другим.

В чем правда деревенской литературы или, если формулировать вопрос шире, в чем правда (правота) сельской жизненной позиции?

В сельском образе жизни правды нет. Он сложился естественным образом и исторически ограничен. Консервировать какие-то сложившиеся когда-то плодотворные формы бытия бессмысленно. Это внешняя материальная оболочка жизни. Она имеет временный характер. «Дух животворит, плоть не пользует нимало» (от Иоанна 6, 56). Правда народа заключается не в том, в каких внешних формах образа жизни он существует, а в том, для чего он ведет свое личное и историческое существование. Мы вновь пришли к вопросу о русской идее. Для меня нет сомнений в том, что эта идея выражается на христианском, и в частности на православном языке.

Но в сельской жизни могут также быть не всеобщие, а какие-нибудь частные «правды», имеющие значение перед лицом различных вызовов времени. Например...

1) Экологическая правда. Актуальность и ценность жизни в согласии с природой и природными ритмами перед лицом опасности безудержного техногенного и антропогенного вмешательства в природную среду.

2) Правда здорового консерватизма в условиях лавинообразного изменения общества и человека по сценариям постмодернизма и трансгуманизма.

Перед лицом названных и каких-нибудь других неназванных опасностей голос крестьянского здравого смысла может и должен быть услышан. И литература писателей-деревенщиков еще может приобрести свое настоящее значение и непридуманную актуальность.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Валерия ПРОХОРОВА родилась в городе Бугульме. Окончила факультет лингвистики и международного сотрудничества Ульяновского государственного университета. Пишет стихи и прозу. Лауреат и дипломант областного молодежного литературного конкурса «Первая роса» в номинации «Проза».

МАТВЕВНА

Рассказ

Когда старинные ходики отсчитали полдень и деревянная кукушка, скрипя, высунула клюв из своего импровизированного дупла, в комнате Ивана Алексеевича еще было темно. Через щель между тяжелыми шторами пробивался пасмурный день. В грязное стекло старого окна билась ледяная крупа, а за окном завывал ветер.

Иван Алексеевич, лежа на кушетке в ворохе одеял, впивался неподвижным взглядом в маленькую щелочку ноябрьского полдня. Его глаза почти не моргали. Желтая грубая кожа лица, открытый рот, сложенные на груди руки – все напоминало о скором тлении.

Когда же за мутным стеклом мелькнул размытым пятном знакомый зеленый платок, старик глубоко вздохнул, и его сухие губы дрогнули в подобии улыбки.

Через минуту тишину комнаты нарушил скрип крыльца. В сенях хлопнула дверь. Послышались глухие, тяжелые шаги. Иван Алексеевич весь превра-

тился в слух. С каждым новым звуком он отчетливо представлял, как маленькая сторбленная старуха в шерстяном платке цвета зрелой листвы отряхивает обувь, шаркая по деревянным половицам, застеленным картоном вместо половика, затем снимает старые бурки, одетые в грязные калоши, и тяжело переступает высокий порог.

Она вошла, держась за косяк двери, за резной комод и тумбу, помогая себе кривой клюкой. Достигла стула, что значился гостевым у постели Ивана Алексеевича, и грузно на него опустилась. Стул жалобно скрипнул, женщина выдохнула и задышала тяжело и часто, будто только что выбралась из воды. Прислонив клюку к постели Ивана Алексеевича, старуха наконец отдышалась и позволила себе расстегнуть верхнюю пуговицу старой мужской фуфайки. Оттуда вылезали полы зеленой болоньевой куртки. Вся она, в своем ветхом одеянье, сторбившись на стуле, напоминала гору ненужного тряпья: фуфайка, куртка, фартук, пестрый фланелевый

халат, теплые шерстяные гамаши, вязаные носки; на голове грязно-зеленый платок, под ним еще один, чуть тоньше, – оба они туго завязаны, чтоб плотно удерживать старую мужнюю формовку. Матвевну, или тетю Нюру, как звали ее соседи, уже несколько десятилетий никто не видел простоволосой. Зимой она кутала голову в несколько платков и формовку, летом выходила во двор в вязаной шерстяной шапке, а в ветреную погоду повязывала сверху теплый платок. Говорят, она перенесла менингит и всю свою жизнь берегла голову.

– Владьке завтра память. – Тетя Нюра зашуршала пакетами в застиранной тряпичной сумке. Ее хриплый голос долгожданно разорвал томящую тишину комнаты и утонул в шорохе полиэтиленовых пакетов. Она выпрямилась, замерев со свертком в руках. Глаза ее с мутной поволокой уставились в невидимую точку, сухие губы чуть вытянулись вперед.

– Чего принесла? – тихо спросил Иван Алексеевич. Он не смотрел на тетю Нюру. Вода глазами по шторам, он нетерпеливо ждал, когда она привычно заговорит о чем-нибудь. Ноздри его раздувались, на скулах дергались желваки. Тетя Нюра перевела взгляд на старика, сверток в ее руках дрогнул.

– Владьке завтра память... – спокойно повторила она, перекладывая теплый ароматный пирог на грязную табуретку у дивана. Старик равнодушно повел глазами, следя за движениями женщины, и остался неподвижен. Когда до него донесся пряный запах свежей сдобы, он пожевал губами и громко сглотнул.

– Память завтра, а притащилась сегодня. – Голос его надорвался, он закашлялся, закрывая рот трясущейся рукой, и вскоре снова уставился на гостью. – Помирать, что ли, собралась?

Женщина взялась за край старенького халата.

– Как Господь призывает, так и помру, – ответила она и перекрестилась.

– Видать, забыл про тебя Бог! – злобно огрызнулся старик. Тело его под тяжелыми одеялами дернулось, он сделал попытку отвернуться к спинке дивана, но только неуклюже вытянулся вперед и застыл. – Всех пережила, Матвевна, – прорычал старик в край подушки, – ...и Владьку, и Егорыча... На кой ляд ты на свете живешь? – Он снова дернулся и вдруг обмяк в своей постели: голова его с редкими седыми волосами утонула в сальной подушке, руки спрятались под одеяла.

– Богу угодно, вот и живу, – смиренно произнесла тетя Нюра, словно ставя точку в их беседе.

В душной комнате вновь воцарилась тишина. Старик закрыл глаза, тяжело дыша через рот. Когда он молчал, легкие его издавали тихий сиплый свист, а в горле чуть слышно kloкотала мокрота. Матвевна сидела неподвижно, сложив руки на коленях. Над их головами тихо отсчитывали время ветхие ходики.

– Ольга не приходила? – через несколько минут спросил старик и приоткрыл глаза. В его надломленном болезнью голосе уже исчезли нотки злой обиды. Он обреченно смотрел впереди себя, насколько позволяло его лежачее положение. Тетя Нюра вопрос слышала, но отвечать не спешила и только теребила полу халата скрюченными пальцами.

– Давно ль твои-то были? – не унимался старик.

Тетя Нюра перевела на него стеклянный взгляд и молча развела руками.

– Поганцы! Коська твой – поганец! И Павлик –

поганец! Не было от тебя, Матвевна, всю жизнь никакого толку! Один владыка – человек, и тот дурак! – Старик резко развернулся к стене, злобно фыркнул и продолжил. – Живешь сто лет, а попусту землю топчешь! Сколько людей померло... – Он громко закашлял, отхаркивая мокроту в кулак, сотрясаясь всем телом под горой одеял и словно наполняя комнату густым, как желе, страшным нечеловеческим рыком. Когда он прокашлялся и затих, Матвевна потянулась к ковшу на табуретке и налила в стакан воды. Не предложив старику, она молча придвинула стакан к краю табуретки и снова застыла на своем стуле.

– Пойду к Магдалине. – С поклоном привстала она, сгребая с пола свою заметно опустевшую сумку. Старик молчал. – Потом к Николавне. От Маруси Лапиной тебе привет и пожелания доброго здоровья.

Старик хмыкнул, отвернулся.

– Не померла еще?

– Лежит.

Матвевна затянула потуже теплый зеленый платок, оправилась.

– Здравствуй, Иван. Пойду, – осторожно шагнула через высокий порог, держась за косяк, и уже в сенях, топчась мокрыми калошами по грязному картону, зашептала молитву и перекрестила впереди себя.

– Матвевна! – донеслось из задней. – Коли не помрешь, приходи завтра!.. А уж помрешь, так...

Отчаянный возглас Ивана Алексеевича прервал громкий надрывный кашель. Он словно заметался в легких старика, никак не находя выхода, и рвался через сухое горло то нечеловеческим криком, то удушливым лаяньем. Матвевна стояла в сенях и кивала своей покорно склоненной головой, губы ее беззвучно шептали слова молитвы. Крестясь, она глухо хлопнула дверью, и Иван Алексеевич, откашлявшись наконец в край влажной подушки, замер, боясь шелохнуться и нарушить хрупкую тишину, в которой утонуло и мерное тиканье настенных ходиков, и стук ноябрьского полдня в окно. Все вдруг замерло в стылом липком воздухе темной комнаты. Иван Алексеевич беззвучно вытянулся на постели, прислушиваясь к тихому скрипу половиц веранды, а потом и ветхого крыльца. Мысленно он провожал Матвевну из двора до массивной двери, закрывал за ней вечно лязгающий засов, смотрел ей вслед и даже слышал, как едва уловимо затворилась покосившаяся калитка сада, ведущая в тесный проулок меж их домами. Он потянулся вперед, глаза его выжидающе впелись в узкую яркую полоску дневного света. В ней после тягостной минуты ожидания мелькнуло зеленое пятно Нюриногo платка.

Старик выдохнул. Ветер швырнул в окно пригоршню ледяной крупы, ходики побежали вперед, и под обмякшим телом старика еле слышно скрипнули пружины дивана. Он лежал неподвижно, уставившись стеклянными глазами в крашенный потолок, не шевелясь и не моргая, сложив руки на груди. И только в горле, в тихом звуке kloкочущей мокроты еще долго раздавался его горький надсадный вой.

Мария ЮТАЛЬ

О себе: студентка МГУ, 21 год. Учусь всегда и везде. Творческий человек, неисправимый трудоголик, путешественник, желающий оставить после себя много хорошего и полезного людям.

Рассказ

ГЕРОЙ ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

Этим летом в одном из московских двори­ков две туго заплетенные косы заметно выделяли Валу из компании сверстниц, которые стриглись уже повзрослому – под каре. В девять вечера у парней заканчивался футбол, и девушки с нетерпением ждали своих спортсменов на площадке, в то время как у Вали звонил телефон, и грозный голос отца требовал скорейшего возвращения домой. Валя спешно покидала подруг и никогда не успевала дослушать их личные бунтарские истории, всегда с драматичной серединой, но обязательно счастливым концом.

Всегда послушная, Валентина в свои 16 лет заработала репутацию «правильной» и не могла удивить сверстников ответными историями. Выученные уроки, контрольные на «отлично», безупречно выглаженные школьные рубашки. Всегда примерное поведение, никаких связей с плохими компаниями. Мальчики? Ну, нет: родители не разрешали путаться со всякими недотёпами.

Каждый год в июле бабушка и дедушка Вали любили уезжать из шумной Москвы в деревню, на родину. Девочку с пелёнок брали с собой. По вечерам в их деревянном доме с большой русской печкой собирались бабушкины подружки за пятьдесят. Они всегда восхищались пухленькими Валькиными щечками и её длинными густыми волосами цвета ржаной соломы, а Валя любила слушать в их исполнении русские народные песни под последние сплетни деревни. Девочка глотала сладковатое парное молоко, еле удерживая в руках теплую трехлитровую банку, которую бабушка приносила от соседки.

Но в это лето пухлые щечки Вали, которые стали еле заметны на вытянувшемся повзрослевшем лице девушки, перестали интересовать голосистых бабушкиных подруг, а их песни, которые Валя все выучила наизусть, ее уже не интересовали. Валя заскучала. В один из вечеров она позвала соседскую девочку Лену вместе погулять. Они были знакомы давно. Когда-то, лет десять назад, вместе играли у речки с ребятами. Ленка была старше Вали на год и с рождения жила в деревне. Едва узнав в высокой стройной Вальке пухлого ребенка, Лена, поколебавшись, согласилась пройтись с приезжей. Девочки сразу нашли общий язык. Валя оказалась приятной собеседницей.

За поле закатывалось июльское солнце, лес не шелестел листвой, будто бы подслушивал девичий разговор. Девушки свернули с окружной дороги на центральную улицу и у местного клуба встретили Андрея. Это был высокий смуглый парень восемнадцати лет с каштановыми волосами и раскосыми блестящими карими глазами. Он тоже как-то играл вместе с Валькой и Ленкой в детстве, но Валя едва ли его помнила. Месяц назад Андрей окончил школу, думал, куда поступать, а пока стоял на дороге и ждал с пастбища овец. А пришли Валя с Леной.

С Андрея всё и началось.

– Ленк, кого это ты нам привела? – медленно и немного развязно протянул Андрей. Он явно заинтересовался новенькой.

– Ты что, Андрюха, Вальку Золотову не узнаешь?

Андрей осмотрел Валу с ног до головы, заставив девушку засму­щаться.

– Так это мелкая Валька у нас так вымахала! Мда, дела...

Он с нескрываемым интересом продолжал изучать повзрослевшую Валу. Лыняное платье небесного цвета очень шло её голубым глазам. Открытые тонкие плечи и коленки покрывал легкий загар. Волосы были собраны в косички, редкие выбившиеся золотые пряди колыхались на ветру. Девушка прятала взгляд от Андрея, прикрывая их черными густыми ресницами.

– Хочешь, Золотова, на мопеде вечером прокачу? – весело спросил парень.

Валя неуверенно согласилась и уже через два часа, когда они с Леной снова выбрались на прогулку, впервые садилась на мопед: кожаное сиденье еще хранило жар июльского солнечного дня. Железная машина была какой-то пыльной и тоже горячеей. Сердце Вали бешено колотилось. Она вцепилась в водительское сиденье, боясь упасть. Но интерес пересиливал страх.

– Сейчас помчим! – улыбнулся Андрей. Он стоял рядом, с интересом наблюдал за Валей и ждал, пока девушка сядет поудобнее. Парень достал измятую пачку сигарет и закурил.

– Помнишь, как мы с ребятами пивок ловили и вас, мелких, пугали?

– Брр... Ненавижу пивок! – Валя заволновалась ещё больше.

Андрей усмехнулся, затянувшись последний раз, потушил сигарету, снял кофту, чтобы посветить перед Валентиной своими мускулами, и уселся на мопед в одной растянутой майке. Валька дрожащими руками обняла парня за талию. Газ. Свежий ветер подул в лицо и окончательно растрепал Валины косы. Андрей обернулся, блеснув темными глазами:

– Ну, что, не страшно, москвичка?

Он сделал пару резких поворотов, проехал без рук по каменке и, наконец, довёз Валю до дома. Мотор заглух, сердце же девушки продолжало бешено колотиться. Валя дрожащими руками облокотилась на спину парня и слезла с мопеда. Они стали одного роста с Андреем.

– Мне пора домой. С...спасибо!

– Уже? Ну... мы же ещё встретимся?

– Возможно! – выпалила Валька и помчалась к крыльцу.

Радостно впорхнув в сени, она стащила обувь. Залетев на кухню, выпалила родным:

– Он катал меня на мопеде! Представляете? Первый раз катал!

На следующий день, собрав консилиум из деревенских родственников и подруг, бабушка Валентины держала речь об опасности связей с малознакомыми мальчиками:

– Валькь, на кой он те чёрт сдался с его мопедом?

Бабушкины подруги предоставили Вале подробную биографию семьи Андрея чуть ли не до пятого колена. Последовала жаркая деревенская дискуссия. Гулянки с парнем, к Валиному удивлению, были одобрены, но мопед попал под жесткие санкции:

– Валькя, плюханёшься, черепки не соберем! А соберем, ещё и высечем!

Увы, мопед никак не шел у Вали из головы. Рассекать июльский воздух на железном коне по широкой полевой дороге, мчась навстречу закатному солнцу в обнимку с Андреем! Разве можно отказаться от таких приключений? Нет, с этим Валька смириться не могла и на следующий же день тайно вновь села на мопед.

Лена поначалу пыталась вразумить подругу, но потом сдалась, и вместе с Андреем они стали главными соучастниками маленького Валиного бунта, который требовал серьезной конспирации. Теперь Андрюха каждый вечер брал шлем для Вали, Ленка – запасную одежду для переодеваний. В железных коней заливался полный бак, и ребята гоняли по окрестностям.

Валя стала поздно возвращаться домой, но никогда не нарушала главного правила: в полночь она всегда была дома.

В начале августа родные Вали засобирались в Москву – появились неотложные дела. Девушка же категорически отказывалась ехать: целый день редела, наконец, её согласились оставить, но в доме с русской печкой одной жить не разрешили. Приютить Валю согласилась сестра бабушки – пожилая Татьяна Ивановна.

Уехали рано утром, дали указания быть послушной и ни в коем случае не садиться на мопед. Валька кивала головой и клятвенно обещала быть хорошей. До вечера. А потом – поездка на дискоте-

ку в дальнюю деревню. Путь предстоял долгий, но вечер обещал быть особенным!

Валя весь день тщательно отбирала наряды. Примерка происходила перед самым большим зеркалом в доме тети Тани, пока та была в огороде. Валька даже достала со дна своего чемодана маленький кулек с косметикой, которой она ни разу в жизни не пользовалась до этого дня.

Тётя Таня была удивлена яркому макияжу внучатой племянницы, когда в восемь вечера та, разрядившаяся, торопливо собиралась в прихожей. Татьяна Ивановна молча провожала её взглядом. Тётя была женщиной доброй и кроткой, с пониманием относилась к чудачествам юности.

Валя сбежала с крыльца, обернулась и пообещала тёте Тане вернуться не позже полуночи, а завтра с девяти утра помогать ей в уборке по дому. Тётя Таня, улыбаясь, помахала ей рукой на прощание.

С ребятами встретились на окраине деревни. Народу собралось немало. Был и брат Лены Вовка. Он редко выходил гулять, но по праздникам всегда присоединялся к сестре.

Андрей стоял поодаль. Под стать Вале, он надел свои лучшие джинсы и модную толстовку. Парень нервно перебирал оставшиеся в пачке сигареты. Сегодня, сегодня он должен, наконец, поцеловать её!

Андрей не сразу понял, что забыл для Вали шлем. Он был занят сбором маленького полевого букета для девушки, который спрятал в карман. Будет сюрприз для москвички!

Остальные парни проверяли мопеды. До деревни – 35 километров, шутка ли!

Подошли девушки. Мопеды один за другим стали отъезжать. Железный конь Вали и Андрея отъехал последним: Андрей решил покурить перед дорогой.

Вечер был особенно холодный, воздух обдувал Вале лицо и запутывал волосы. Девушка накинула двойной капюшон и крепче прижалась к Андрею. Он непривычно резко заходил в повороты, шутил невпопад. От него пахло какими-то дешевыми духами. Валю это удивило.

Деревня осталась далеко позади. Мимо мелькали поля и редкие полуразрушенные деревушки.

На дискотеке Андрей не отходил от Вали и не подпускал к ней других ребят. Она делала вид, что сердится, но в душе радовалась. Андрей ей приглянулся с первой их встречи.

Валя танцевала и постоянно смотрела на часы. Расслабиться ей мешало обещание тёте Тане вернуться домой до полуночи.

23:10. Андрей предложил пройтись.

– Надо ехать. Пора уже! – выпалила она, как только они вышли из клуба.

– Не бойсь, Валюшк, успеем, – успокоил ее Андрей. Он сжимал маленький букет в кармане и ждал медленный танец. Но Валя была настойчива. Пришлось уступить. Ничего, вот привезет её домой, тогда уж...

Они направились к мопеду. Поехали. За их спинами гремяла дискотека.

Во время танцев Вале было жарко, на мопеде же она быстро замерзла. Ночь оказалась холоднее, чем она думала, а модный белый свитер из полиэсте-

ра совсем не грел. Девушка крепче обняла Андрея сзади и прижалась к нему, скрываясь от ветра за его спиной. Так теплее.

Всё хорошо, через каких-то сорок минут она будет у тётки Тани.

Валя расслабилась. Андрей одной рукой отпустил руль и дотронулся до обвивавших его рук Вали. Он везёт её домой. Он оставил веселье ради неё! Хороший парень. И очень обаятельный. Вале захотелось его поцеловать.

Оба погрузились в свои мысли и не заметили, как мопед, едва ли проехав половину пути, стал замедлять ход. И вдруг он остановился. Валя очнулась.

Андрей быстро слез и стал осматривать мопед. Вокруг неосвещённой дороги стеной стоял темный лес, полная луна была единственным источником света. До дома оставалось около 20 км.

– Что случилось? Почему мы остановились?

Из-за темноты Валя не сразу разглядела испуг в глазах Андрея.

– Валь, ты только не переживай, но... бензин, кажись, закончился.

– Ты что, забыл залить?

– Подожди, я попробую что-то сделать.

Валя слезла с мопеда на ватных ногах. Как он мог так подвести её!

Андрей стал переворачивать мопед сбоку на бок, пытаясь как-то перелить остаток бензина, чтобы вновь завести железного жеребенка. Валя судорожно схватилась за телефон.

– Здесь не ловит, – глухо сказал Андрей.

У него ничего не получалось. Он поставил мопед на подставку, сел и закурил.

– Может, кто-нибудь проедет, нас заберёт? – не унималась Валя.

– Да пес его знает, – резко бросил парень.

Всё пошло не по плану, и в этом была его вина. На глазах Вали выступили слезы.

– Ну, ну... ты чего это? Давай мопед покатаем? Хоть согреемся. До дома надо как-то добираться!

До этого вечера Валя слабо представляла, что такое двадцать километров пешком по темной дороге через лес.

Мопед решено было катить до ближайшей деревни в надежде, что хоть кто-то там поможет ребятам. Андрей потушил окурок и налег на руль, Валя поплелась следом. Он молчал.

Подвёл, подвёл всё-таки. Шлем не взял, бак не залил. Но где-то глубоко внутри парень радовался случаю остаться наедине с Валею. Они одни в лесу. Он – рыцарь, тащит на себе их железного коня и подбадривает ужасно напуганную городскую принцессу. Как в сказке, только в деревне.

Через три километра лес сменился полем, стало светлее.

– Ничего, Валюш, прорвёмся!

Валюш. Он первый раз назвал ее так ласково!

Впереди показались очертания домов. Видимо, заброшенная деревня. Жителей, конечно, не было. Андрей и Валя свернули с дороги, подошли к полуразрушенной избёнке. На крыльце можно было передохнуть. Андрей привалил мопед к стене и устало сел. В его душе боролись два чувства: вины и радости. Ночь была темная, холодная, а рядом Валя, та-

кая красивая, теплая. Он задумался.

– Прости меня, Валь. Наверное, тебе сегодня сильно влетит.

Ага, наверное! Валька отвернулась. Андрей встал и приобнял ее за плечи. Она вздрогнула, но руки его не убрала.

– Валя, не злись, сейчас передохнем пару минут и пойдем. Хочешь яблок?

За развалившимся домом он усмотрел дикую яблоню. Рядом стояла заросшая лавочка. Андрей, протягивая руку Вальке как настоящий джентльмен, протоптал к лавочке дорогу, она неуверенно пошла следом. Андрей полез на яблоню за самым большим и красивым яблоком для неё. Валя пыталась его остановить, ведь яблоки она терпеть не могла, кислые, с противной кожурой, да к тому же недозревшие. Но она не успела: сук под ногами Андрея обломился, и парень полетел на землю. Он быстро встал и, отряхнувшись, протянул девушке яблоко. Вале было неудобно отказать своему герою. Она взяла в руки с таким трудом добытый фрукт, но попробовать не решилась.

Андрей сел рядом. Он протер своё яблоко о штаны и стал есть. Валя смотрела на него не отрываясь. Он так спокойно ел, будто ничего не произошло и вовсе не они холодной ночью сидят в заброшенной деревне без средств связи, без теплой одежды. Повисла продолжительная пауза. Валя вздохнула и стала кусать яблоко. Спелое, удивительно!

Парень выбросил огрызок в траву и посмотрел на Валею. Она продолжала жевать, не глядя в его сторону. Андрей вспомнил о букете.

– Смешная ты, – улынулся он. – Валь, знаешь, а ты мне сразу понравилась. Хоть и москвичка.

Валька нахмурилась с набитым ртом, слегка ударила его в грудь, движение вышло очень неуклюжим, полу-огрызок выпал изо рта девушки, от чего оба рассмеялись. А в зубах Вали предательски застряла кожа от яблока. Та самая, неприятная. Она плотно сжала губы, боясь, что Андрей заметит.

Он же, чувствуя, что упускает момент, вынул из кармана букет и протянул Вале. Она внимательно стала его рассматривать. Валька в своей жизни видела немало букетов, но этот, полевой, из ромашек и васильков, был ее букетом, первым букетом от мальчишка. Она широко улыбнулась, забыв о кожуре.

– Такой красивый! Спасибо тебе!

Валя поднесла букет к лицу, и ее нос окрасился жёлтым. Пыльца. Андрей сидел близко и даже в темноте рассмотрел этот желтый курсонный носик и всё еще по-детски закругленные щеки. Он только сейчас заметил, что в этот вечер Валя вновь заплела свои тугие косички, как в тот июльский день, когда они увиделись, а макияж смотрелся на её вытянутом, но всё еще детском личике нелепо.

Андрею захотелось её поцеловать. Он медленно начал приближаться к лицу спутницы. Валя боковым зрением увидела это и стала пятиться от парня. Ей сделалось страшно. Она откинула букет в сторону и вскочила со скамейки.

– Ты чего это?!

– Ничего, просто ты такая красивая!

Валя недоверчиво на него посмотрела. Андрей встал и взял её за плечи.

– Не бойся, детёныш. Не обижу! – он снова приблизился к её лицу. Валя почувствовала, как Андрей с силой сжимает её руки. Его губы коснулись её холодных губ. Помада москвички, вытащенная в последний момент тайно из бабушкиной сумки, за этот долгий вечер скаталась комками и наполовину прилипла к губам Андрея. Валька вдруг очнулась.

– Андрей, прекрати, там же кожа в зубах! – выпалила она и тут же смутилась, испуганно глядя на него. Парень громко рассмеялся.

– Ну, вот, как раз хотел её вытащить. А ты, Вальк, губы так больше не крась! Не идёт тебе.

– Зато целовать такие, как ты, не будут! – Валя высунула язык и расхохоталась.

Андрей смотрел на Валю. Она оказалась совсем ребенком, к тому же очень боязливым. Таких, как Валя, он раньше не встречал. Андрею попадались уверенные в себе девушки, которые никогда не пользовались старыми помадами, но и не радовались обычным полевым цветам. Таких, как Валя, парни не трогали.

– Валюш, кофту дать? Ты замерзла, наверное.

В этот раз Валя сопротивляться не стала и сразу же укуталась, блаженно закрыв глаза. Они сели на лавочку, Андрей ее обнял.

– Так теплее будет. Хочешь, поспи. А я машины покараулю.

Но поспать не удалось. Тут же они услышали рев мотора и помчались к дороге.

Это были Лена с Вовкой. Они не ожидали увидеть парочку в поле. Андрей кратко рассказал о случившемся. Стали вместе думать. Добраться до дома всем четверым можно было только с помощью троса: прицепить мопед с Андреем и Валею к Вовкиному. Троса не было ни у кого. Решили использовать толстый сук какого-нибудь дерева. Парни направились в ближайший перелесок и вернулись с тонким стволом молодой березы. Еле дотащили до дороги.

Стали садиться на мопеды. Лена взяла ствол спереди, сидя на первом мопеде, Валька на втором мопеде с Андреем за рулем схватилась за конец березы. Береза, хоть и молодая, была очень тяжелая.

Тронулись, наконец. Ехали медленно, то и дело останавливались и поправляли «трос».

Караван подъехал к домику тётки Тани в шестом часу утра. Соседские собаки предательски залаяли. Андрей помог Вале слезть с мопеда. От романтического настроения не осталось и следа: у Вальки все руки были в занозах и в одном месте порвана кофта. Кофта Андрея, так что не страшно. Пусть это будет его плата за то, что не сумел довезти Валю до дома.

Андрюха попытался подбодрить, но поймав гневный взгляд и, потупившись, попросил прощения.

Валька отвернулась и зашагала к дому. Дрожжащими руками она открыла замок и юркнула в терраску, разделась и легла. Спать оставалось пару часов.

Валю разбудил запах свежих блинчиков. Она потянулась в кровати и вышла на кухню. 11:45.

Тётя Таня улыбалась. Ласково поприветствовала: «Доброе утро, Валюшка». Ни одного вопроса: где была и с кем. В доме убрано.

– Прости меня, тётъ Тань, – Валя стыдливо подняла глаза на тётю.

– Боже правый, Валечка, да за что?

– За всё прости. Вы ведь запретили, а я...

Тётя Таня обняла племянницу, поцеловала её в макушку, пригладила рукой растрепанные косы Вали.

– Давай я тебя лучше заплету, милая...

Девушка радостно согласилась. Пока Татьяна Ивановна расчесывала ей волосы, Валька села, задрала ноги на стул и принялась завтракать. На столе стояла кринка молока. Валя обеими руками обхватила кувшин и принялась жадно пить. Вкус из детства!

Музыкальная жизнь волжской провинции. Эхо события

Инна Яковлева, г. Ростов-на Дону, музыковед

ПРОФЕССИЯ – КОМПОЗИТОР

Выставка «История Союза композиторов России в фотографиях» была представлена в разных российских городах. Весной экспозиция находилась в Ленинском мемориале в городе Ульяновске (Симбирске).

Известен город не только тем, что в нем родился вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин (Ульянов), среди выдающихся уроженцев Симбирска – Иван Гончаров. В его трех романах на «О» можно увидеть образ традиционного русского губернского города. Здесь бывал великий Александр Сергеевич Пушкин и другие знаменитые писатели, а событием новейшего времени стало то, что в 2015 году Ульяновск был объявлен единственным в России литературным городом ЮНЕСКО. Музыкальная жизнь волжской провинции была и остаётся по сей день довольно насыщенной. Здесь когда-то проходил авторский вечер русского композитора Александра Николаевича Скрябина, а в советский период неоднократно город принимал выездные съезды Союза композиторов СССР.

Начало нынешней весны в Ульяновске – это время проведения Международного музыкального фестиваля «Мир, Эпоха, Имена...», который имеет уже более чем полувековую историю. Большая честь, по мнению организаторов праздника, что выставка «История Союза композиторов России в фотографиях» открылась в рамках проведения 57-го музыкального фестиваля, так как это говорит о том, что расширяются не только географические границы фестиваля, но и тематические. Открытие экспозиции фоторабот прошло достаточно ярко. Безусловной изюминкой стало исполнение трех камерных сочинений композитора и пианиста Антона Никонова. Ульяновская земля может гордиться своим талантливым сыном. Антон – продолжатель традиций русской композиторской школы. В круг его любимых композиторов входят корифеи отечественной музыки – Борис Чайковский, Андрей Петров, Сергей Слонимский и другие. К своим 26 годам молодой автор уже является членом Союза композиторов России и Республики Мордовия. Он награжден серьезными региональными наградами и стипендией Президента России для молодых деятелей культуры. В небольшой концертной программе

Антон Никонов

выставки прозвучали его сочинения: романс «Бежит река» на стихи Евгения Евтушенко (исполнители: лауреат международных конкурсов Алена Гуляева – сопрано, партия фортепиано – автор); романс «Загадка» на стихи Ленера Шаеха в переводе на русский язык Галины Булатовой (исполнители: Алена Гуляева, партия фортепиано – Татьяна Троицкая) и прелюд для фортепиано «Автограф» (исполнил автор). По наблюдению музыковеда Наили Шарифуллиной, в «Автографе» Никонов использует прямую музыкальную монограмму на свои инициалы во вступлении и второй аккордовой теме. Этот прелюд автор неоднократно исполнял в своих концертных программах.

В рамках открытия экспозиции прошла рабочая встреча в Ленинском мемориале с композиторами Антоном Никоновым и Алией Сафиной и музыковедами Юлией Селифоновой, Ириной Кривошеевой и Ириной Каторгиной. Несмотря на то, что в настоящее время в Ульяновске отсутствует региональное отделение Союза композиторов России, Антон Никонов является активным членом союза. Алия Сафина пишет современную национальную татарскую музыку, а ее сочинения исполняют и за пределами Ульяновской области. Музыковеды также ведут активную деятельность: Ирина Кривошеева работает лектором-музыковедом и ведет большую музыкально-просветительскую работу в Ульяновской филармонии. Так, благодаря ее усилиям жители и гости города смогли не только увидеть экспозицию фотографий Виктора Ахломова, но и узнать много интересных фактов о жизни и творчестве композиторов,

Алия Сафина и Антон Никонов

запечатленных на фотоработах. Алия Сафина занимается не только собственным творчеством, но и еще как преподаватель помогает студентам музыкального училища им. Г.И. Шадриной Ульяновского государственного университета найти свой индивидуальный стиль музыкального письма в основах композиции. Настоящей энциклопедией всех событий в творческой и культурной жизни Симбирской земли является Ирина Аполлоновна Каторгина, автор многочисленных статей и монографий, автор циклов лекций, посвященных творчеству композиторов всех времен и эпох. Юлия Селифонова, молодой музыковед и педагог, занимается проблемами современной академической музыки и критики.

Хочется верить, что профессиональная композиторская школа Ульяновска переживает сейчас период рассвета и на благодатной земле талантов мы не раз еще увидим новые проекты Союза композиторов России.

Фото Михаила Четина

ПЯТЬ ВОПРОСОВ КОМПОЗИТОРУ АНТОНУ НИКОНОВУ

1. В каких проектах вы участвуете, что значимого для вас было за последнее время?

– Весной принимал участие в VI фестивале музыки композиторов Мордовии, который традиционно проходит в столице республики – в городе Саранске. Там исполнялись мои вокальные сочинения. А в начале лета прилетело приятное известие из Карелии, там я стал лауреатом II Всероссийского конкурса композиторов Piano & Piano.

2. Ваши творческие планы? С кем сотрудничаете?

– Свои творческие планы я никогда и никому не раскрываю. Считаю, что это сугубо личная сторона любого художника. Трудно что-либо предугадать, а вот спугнуть пустословием очень легко.

Сотрудничаю с певцами и исполнителями-инструменталистами из многих городов России. Преимущественно из Ульяновска, Саранска, Москвы и Казани.

3. Какова музыкальная жизнь в Ульяновске, по вашему мнению?

– Ульяновск – родина талантов в словесности. Музыкальный мир нашего края, в отличие от литературного, к сожалению, не может похвастаться такими громкими именами. Отчего и нет образцов для подражания и продолжения в музыкальном творчестве. Много, конечно, есть исполнителей, достаточно способных и талантливых, но одаренных единицы. Музыкантов-творцов и вовсе можно перечислить по пальцам.

4. Союзу композиторов в Ульяновске быть и развиваться?

– Хочется в это верить! Ульяновск – это город с большими возможностями для саморазвития. Посмотрев на Волгу с нашего Венца, можно вдохновиться на необъятные идеи для творчества. Очевидно, не хватает пока что официальной заинтересованно-

сти. Когда в союзе будет потребность, всё решится само собой. Время всегда всё расставляет на свои места.

5. Что для вас лично, в вашей жизни Музыка?

– Я слышу музыку во всем. В стуке пальцев по клавиатуре компьютера. В непрерывном жужжании люминесцентной лампы. В перелистывании страниц объемной книги. В полифонии гудков автомобилей в час пик рабочего дня. В стуке часов. И во многом-многом другом. Музыка есть во всем, что вокруг нас. Одним словом, музыка – это и есть сама жизнь!

СТРАНА ПОЭЗИЯ

Валерий КУЗНЕЦОВ, член Союза писателей России, доктор исторических наук, автор книги стихов «Лира Орфея»

ЕЩЁ ТЕПЛО. НО СКОРО, СКОРО...

НА САМОЛЁТЕ

Вверху всегда голубое небо,
Вверху не надо ни воды и ни хлеба,
Вверху уже нет ни жалоб, ни слёз,
Вверху не бывает жестоких гроз.

Вверху хорошо, кто расстался с землёю,
Небо даётся ценою такою,
И выбор простой: или небо, иль твердь,
В одной руке жизнь, а в другой руке смерть.

ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

Тянусь рукою к выключателю,
А здесь его давно уж нет.
Ну что ж, давно б пора мечтателю
Усвоить опыт этих лет.

Что жжёт огонь, что море людное
Не переплыть, не повернуть,
Что истины течение скудное
Вот так и будет длить свой путь.

О, как трудны уроки горькие,
Не выучить, пожалуй, их,
Как будто вышел в путь на зорьке и
Вдруг от волнения затих:

Здесь не понять хотя бы малое,
Да что и малым-то назвать?
Вот книга, и я всё читал её
И ничего не смог понять.

ГОРЕ ОТ УМА. АВГУСТ.

Оттенки жёлтого – поля.
Вот сцена, где уходит лето,
Как Чацкий требуя карету,
Чтобы умчаться вдаль пыли.

Ещё зелёная листва,
Ещё тепло, но скоро, скоро
Грядет по воле режиссёра
Здесь измененье естества.

Что загадал, что не сбылось...
Его не призовёшь к ответу,
Ему не скажешь: «Лето, лето!».
И что: обида, жалость, злость?

Что говорить? Поля желты.
Пшеница, рожь, все знают дело.
Взгляни, вон лето полетело,
И вслед за ним... а ты, а ты?

* * *

Не убрана могила, не ухожена,
Трава по пояс, и трава не скошена,
Не льются слезы, в горе не молчат
У этих в дальний мир заросших врат.

В огонь войти, приняв обет молчания...
Ты хочешь пить? Так выпей же страдания.
Но вот дорога, вот лазейка, вот
Возврат в ничто. Ты был там в свой черёд.

Июльский жар, но пить уже не хочется,
И каркает ворона как пророчица.
И не поймёшь: ты прав ли, виноват:
Идя вперёд, по сути, шёл назад.

* * *

Эта вода не та,
Эта вода не там.
Бежит за мной по пятам
Кипящая эта вода.

Эта вода беда,
Ада эта вода.
От неё никуда
Не убежать никогда

Я думал: глоток и вздох,
Я думал, что будет толк.
Пророк оказался плох:
Не сделать больше глоток.

Не стой перед той водой,
Нельзя здесь кричать: «Постой!»
Не так, всё совсем не так:
Из мрака опять во мрак.

* * *

Когда Илье Муромцу плохо,
Он тихо снимает броню,
Без стоны, без лишнего вздоха
Ложится поближе к огню.

Не раны сейчас, не простуда,
И даже не старость, а так.
Явилось же, невесть откуда,
И плохо, а вроде пустяк.

Шуршат где-то рядышком мыши,
И ухает филин в ночи.
Лежит он и словно не слышит,
Вздохнёт он и снова молчит.

Всё сделано, сказано было,
И вроде уж жить ни к чему,
И что ж за беда привалила,
Откуда ж явилась к нему?

А худо, действительно худо,
То жарко, то зябко и – ночь,
И, кажется, что ниоткуда
Никто не придёт, чтоб помочь.

* * *

Все, что потом случилось –
Не стоит и гроша.
Как будто всё приснилось,
Пока спала душа.

Как будто бы в немилость
Попал я, но к кому?
Болезнь как будто, хилость
И сердцу и уму.

И, значит, то лишь важно,
Что было до того,
И, значит, то лишь страшно,
Что не вернуть его.

Крутись, беги, работай,
Рвись в ввысь, себя круша.
Да есть ли здесь хоть что-то,
Что стоит хоть гроша?

ПРИГОРОДНЫЙ ПОЕЗД

Вот так всю жизнь на этом поезде,
Туда-обратно столько лет –
Страницы недочтённой повести,
Однажды купленный билет.

Гляжу в окно – как всё меняется,
Да изменился я и сам.
Девчонка стала вдруг красавицей,
Деревья ближе к небесам.

И ведь другой маршрут не выбрать мне,
Мне только это суждено,
С судьбой здесь не играют в игры, не
Пьют бархатистое вино.

Есть место, что дано, не более,
Гляжу в окно, иль, задремав
И став другим, иду вдоль поля я,
Ещё нисколько ни устав.

ПЕТЕРБУРГ. МАРСОВО ПОЛЕ

Первый снег лёг на Марсово поле,
Наступают уже холода.
Ветер с севера рвётся на волю,
Словно не был он здесь никогда.

Ни стоять, не идти. В этом мире
Просто так не идти, не стоять.
И становится поле всё шире –
Не пройти его, значит, опять.

В небе кружит какая-то птица.
Может, ворон? Вокруг никого.
Снег и ветер. И не возвратиться
Из чужого пространства его.

В новом мире нет слёз и блаженства,
Всё закончилось, шёпот замолк.
Геометрия сна, совершенство:
Слева ночь, справа Павловский полк.

Это вовсе не детская сказка –
Поле Марсово снова в снегу.
Так беги, что б увидеть развязку,
Так давай исчезай на бегу.

* * *

Казалось, с этим не смириться,
А вот уже, глядишь, привык.
Что не нормально в двадцать, тридцать,
Нормально, если ты старик.

Так постепенно, понемногу,
Да так, что и не понял сам,
О том шептать стал «слава богу»,
За что грозил ты небесам.

Ты думал, будет всё так страшно,
Но вот чем ближе, тем ясней,
Не страшно – раз, и два – не важно,
Что было важным средь тех дней.

Мир выглядит стал по-другому,
Но это ты в нём стал другой.
Всё рвался вдаль, теперь же к дому
Идешь привычною тропой.

* * *

Превыше званий и наград,
Что может быть? Ответь, солдат.
– Победа! – Да. Победа.
А если мёртвого спросить,
То не ответит ли он – жить
В лучах тепла и света?

Что естество, что торжество?
Что это значит: «ничего»?
Здесь нечего ответить.
Что выше жизни, то не жизнь,
Так не дрожи, и не держись
За твердь и небо эти.

* * *

Он много написал стихов –
Хороших и плохих,
Стал как курган над ним покров
Из строф и строчек их.

И стал навеки он – поэт,
Не просто человек.
Стихами он укрыт от бед,
На вечность, не на век.

Что суета и клевета?
Запомни: он – поэт!
Тому не предлагай щита,
Кто смертью скрыт от бед.

Ах, если бы ещё ему
При жизни это всё.
И ведь не спросишь – почему
Он крест всё нёс её.

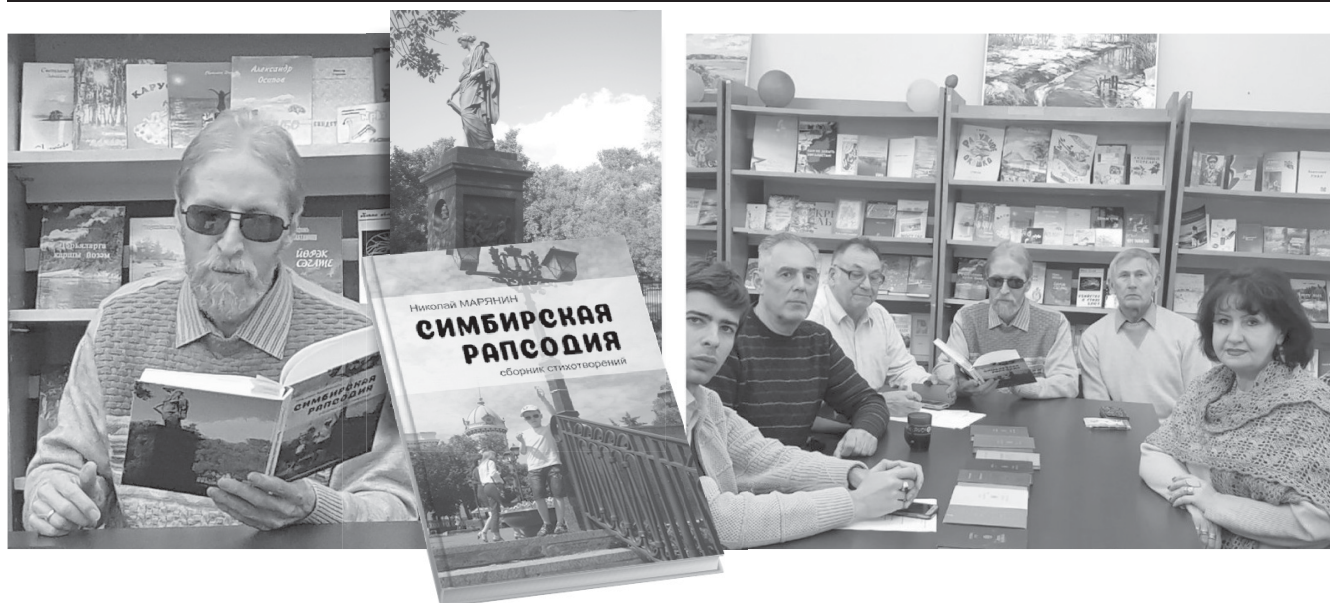
Ну а теперь уж ни к чему
Слова все наши. Он
В стране, где возвели ему
Стихи великий трон.

* * *

Но не меняется пейзаж:
Гуашь, пастель и карандаш,
Сюжеты эти тоже.
Но где же грешники в аду?
Тебе скажу я правду ту –
Они на нас похожи.

Но где же черти, чьи рога
Людей пугали все века?
Да вот они, взгляни же.
Не видно пусть рогов, копыт,
И серой вроде не смердит,
Но это всё они же.

Но где же ангелы тогда?
Да, их не видно, вот беда,
На третьей на планете.
Их бесполезно здесь искать.
Музей открыт? Пора опять
Смотреть полотна эти.

СИМБИРСКАЯ РАПСОДИЯ НИКОЛАЯ МАРЯНИНА

На одной из литературных пятниц, регулярно проходящих во Дворце книги, поэт Николай Марянин представил ульяновским писателям свой новый сборник стихотворений «Симбирская рапсодия». Выпущен он по губернаторской программе книгоиздания, и весь тираж распространён по библиотекам Ульяновской области. Автор включил в поэтический сборник написанные в разные годы стихи о Симбирском-Ульяновском крае.

В первый раздел книги – «Баллада о родном крае» – вошло около 40 стихотворений, ставших песнями и гимнами, которые звучат сегодня на официальных мероприятиях и авторских творческих встречах. Среди них – гимны Ульяновска и Ульяновской области, Марининской гимназии и технического университета, Карсунского района и нескольких сельских поселений области, детских садов «Белоснежка» и «Капелька», областной библиотеки им. С.Т. Аксакова и Карсунской библиотеки им. Н.М. Языкова, Ульяновского отделения Союза пенсионеров России и т.д. Немало песен написано о городах и селениях нашего края: Инзе, Барыше, Сенгилее, Димитровграде, Новоульяновске, Сурском, Карсуне, Павловке, Тереньге, Кузоватове, Базарном Сызгане, Новоспасском, Дмитриево-Помряскине, Больших Ключищах, Новой Майне и др. Музыка к большинству песен и гимнов написал композитор и певец Сергей Лямин, и впервые они были исполнены на творческих встречах в этих населённых пунктах. Записи некоторых из них можно послушать на сайте <https://www.chitalnya.ru/users/nikomar56/>

Раздел «Легенда семи ветров» объединил стихи о нашем крае, которые песнями не стали, но не раз звучали перед аудиторией в авторском исполнении. Стихотворение «Карамзинский сад» в 2016 году было использовано в заданиях Всероссийской школьной олимпиады по литературе и в снятом в Калининграде фильме к 250-летию Карамзина. Сокращённый вариант «Легенды семи ветров» выбит на центральной колонне ульяновского ЦУМа. А сти-

хотворение «Я верю» в карсунских школах учат на уроках литературы...

В третьем разделе книги, «Симбирское скерцо», публикуются юбилейные поэтические посвящения творческим людям региона – известным писателям, журналистам, актёрам, художникам. Вот только несколько имён, которым автор адресует свои оды: Валерий Шейман, Юрий Грунин, Людмила Дуванова, Геннадий Дёмин, Лев Нецветаев, Александр Лайков, Светлана Матлина, Татьяна Эйхман, Геннадий Дёмочкин, Анатолий Марасов, Ольга Шейпак... А раздел «Факел во тьме» объединил стихотворения, посвящённые памяти ушедших ульяновских поэтов: Людмилы Бурлаковой, Елены Токарчук, Анатолия Чеснокова, Валерия Крушко, Владимира Косоурова, Евгения Мельникова, Виталия Масюкова, Василия Коробкова, Григория Медведовского. И ещё автор публикует в книге пьесу в стихах «Шумодырская бодяга», написанную четверть века назад для студенческого театра и карикатурно воспроизводящую атмосферу в нашем городе в середине 1990-х годов.

Новую книгу стихов Николая Марянина можно использовать и как пособие по краеведению, ведь для удобства поиска в конце книги автор привёл алфавитные указатели на 800 упоминаемых в поэтическом сборнике фамилий и географических названий, связанных с нашим краем. Предлагаем читателям несколько стихотворений из книги «Симбирская рапсодия».

ГИМН УЛЬЯНОВСКА

В краю, где великая Волга
свободно течёт вдоль Венца,
Симбирск утвердился надолго
по воле народа-творца!
Наши предки с любовью взрастили
этот светлый и доблестный край...
Ульяновск! Во славу России
твори и в веках процветай!

Раскинулся город, как птица,
в раздолье речных берегов:
гордись, областная столица,
делами своих земляков!
Из заволжской сияющей сини
в засвияжскую даль прирастай...
Ульяновск! Во славу России
твори и в веках процветай!

Напевы твои величавы,
традиции верой сильны,
всегда будь мотором державы
и крыльями славы страны!
Развивайся, смиряя стихии,
звёзды новых побед обретай...
Ульяновск! Во славу России
твори и в веках процветай!

ГИМН УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Симбирский край, земля отцов,
над Волгой алые рассветы...
Мятежный нрав былых веков,
сказанья сёл и городов,
высокий дух великих земляков –
Россией с давних пор воспеты!

Твой образ нам с рожденья дан
в полотнах пластовских просторов:
в них – честь и слава россиян,
Сура, Свяга, Черемшан,
добро сердце и мирный труд волжан,
дары полей и гул моторов!

Горит над Родиной восход,
наш край привольный озаря...
К победам вновь страна зовёт,
и надо нам идти вперёд:
храни себя и процветай, народ, –
творец ульяновского края!

В ОЖИДАНИИ ПРИЛИВА

На Русском море кончился прилив,
и обнажились вдруг земные плиты...
Вдоль Волги – гор чарующий мотив,
плезиозавры, сланцы, аммониты,
потоки гуннов, таинства булгар,
легенды Кул Гали и Ибн Фадлана,
Батыевой орды палящий жар,
былинные руины Тамерлана,
Симбирская гора и волшебство
двух гордых рек, дерзнувших течь навстречу,
засечный град Богдана Хитрово,

и Стенька Разин, вышедший на сечу,
внушительный Суворовский конвой,
в Москву на казнь ведущий Пугачёва,
и Карамзин с историей живой,
и Пушкин, и Языков в мощи слова,
Обломова воспевший Гончаров,
Минаева колючая сатира,
и Керенский на стыке двух миров,
и Ленин, взбудораживший полмира!
Триумф надежд, свержение идей,
баталии вселенского размаха,
где не понять, кто – гений, кто – злодей,
и всё сплелось под шапкой Мономаха,
пошитой из небесного сукна,
светил, планет, созвездий мирозданья,
космического тонкого руна,
семи ветров и вечности дыхания!
И связывая времени пласты,
над Волгой, как неслыханное диво,
из прошлого в грядущее мосты
застыли в ожидании прилива...

ИЗ ЗАВОЛЖЬЯ В ЗАСВИЯЖЬЕ

По-над Волгой – звёзд мерцанье,
вдоль Свяги – огоньки,
и к тебе я на свиданье
еду через две реки...
Из Заволжья в Засвияжье,
через долгих два моста
манят, как вино бродяжье,
твои сладкие уста!

Я – за Волгой всеми днями,
за Свягой где-то – ты:
близко мы, но между нами –
звёзды, реки и мосты...
От Заволжья к Засвияжью,
в пробках мучаясь опять,
еду я с любовной блажью,
чтоб тебя поцеловать!

Снова издали примечу
засвияжскую княжну,
и букетом лилий встречу,
и к губам твоим прильну...
Из Заволжья в Засвияжье
привезу тебе зарю,
и своё желанье княжье
вместе с сердцем подарю!

КИНДЯКОВКА

В России в старину, как добрый знак
для барина, купца или героя,
из кумача умели шить киндяк –
мужской кафтан особого покроя...
В нём можно было запросто пойти
к помещику Киндякову на свадьбу,
и с важным видом, щёголем почти,
вступить в его симбирскую усадьбу.

Киндяковка над Волгою-рекой
зовёт нас в Гончаровскую беседу,
где ищем мы божественный покой,
душе даруя радуги расцветку...

А над обрывом волжские ветра
прекрасные мгновения полощут,
и манит вновь Симбирская гора
магнитом сердца в Винновскую рощу.

Здесь вольный ангел гимны солнцу пел
в часовне, где кресты на птиц похожи,
и юный Карамзин найти хотел
«Златой Венец» в рядах масонской ложи...
И пусть летят мятежные века,
сжигая судьбы в яростном порыве,
всё так же будут в небе облака
молиться на киндяковском обрыве!

СИМБИРСКАЯ РАПСОДИЯ

Симбирская осень, симбирская слякоть,
симбирское небо готово заплакать
симбирскими, не заказными слезами...
И смотрит Симбирск золотыми глазами
святых куполов – на симбирские парки,
симбирские улицы, здания, арки,
глядит с минаретов симбирских мечетей
в воскресшую память симбирских столетий,
где ветры, с Симбирской горой обнимаясь,
целуют Симбирска цветочную завязь;
где в реках симбирских резвятся белуги;
где песни летят по симбирской округе
о свадьбе Симбира с царевной болгарской,
о воле симбирской и твёрдости царской,
явившей Симбирск под пятой опекуной
в надёжной засеке Симбирско-Карсунской...
И мечутся в пляске симбирских мгновений
гигантские тени симбирских видений:
как Стенька сжигал у Симбирска земельку;
как в клетке в Симбирске пытали Емельку;
как лихо с симбирским азартом на пару
симбирский гусар пил и пел под гитару;
как Пушкин, осенним Симбирском любуясь
и с юной симбирской красоткой милуясь,
кружил с нею в танце по зале симбирской;
как больно терзался Симбирск монастырский
в объятьях симбирских пожаров, погромов;
как спал безмятежно симбирский Обломов,
и снился ему, без симбирских изъянов,
симбирский, такой симпатичный, Ульянов...
А в воздухе пахло симбирской грозой:
казалось, умывшись симбирской слезою,
симбирское небо готово заплакать –
и ввергнуть Россию в симбирскую слякоть!

ГЕНИЙ МЕСТА

Мой город между Волгой и Свягой
стоит на перекрестии времён,
и дышат семь ветров хмельною брагой
былых веков и прозрачных имён...

Пульсируют артерии, в которых
струится жизни медленный поток,
а между ними – сонных мыслей порох,
взорвать способный запад и восток.

И ёкнет сердце страстью многоликой,
когда, как восхитительный мираж,
откроется с Венца реки великой
поистине космический пейзаж!

Пьянящие пары духовной пищи
витают над Симбирской горой,
и небо здесь просторнее и чище,
чем совесть, заражённая хандрой.

За веком век, устраивая драки,
затаптывая прежние следы,
здесь стаями бездомные собаки
всё так же рыщут в поисках еды.

И в яростном бушующем просторе,
где бьют о берег грузные валы,
бетоном перехваченное море
заковано мостами в кандалы.

А реки норвят на встречном курсе
вселенское затеять волшебство,
чтоб гений места дерзко бился в пульсе
чувствительного сердца моего.

КАРАМЗИНСКИЙ САД

*К 20-летию одноимённого
литературного журнала*

1
Над Симбирском звезда в золотом ореоле
этой полночью вспыхнула ярче всего,
и история корчилась дико от боли,
в адских муках рождая творца своего...
В государстве Российском открыл он истоки,
и суровой эпохе воздвиг пьедестал,
а в мятежной души бесконечном потоке
дух высокой поэзии дерзко витал!
В мерных звуках его неземного аккорда
партитура веков поднялась из руин,
и на все времена человечество гордо
написало в скрижалях своих:
КАРАМЗИН.

2
В прошлое глядя тоскливо,
с грифелем наперевес,
муза истории Клио
тихо спустилась с небес:
там, где мелодией долгой
годы, как строки, летят,
встала поэмой над Волгой
в строфах чугунных оград!
Чтобы в сезон листопада,
словно начало начал,
гимн Карамзинского сада
в любящем сердце звучал...

3
Как изысканный напиток –
тонкий вкус и райский вид,
Карамзинской музыки свиток
дух поэзии хранит:
здесь – наитие дерзання,
ремесла резной картуш,
перекрёсток мироздания
для свиданья наших душ...
Видно, так решили боги
на заре вселенских смут:
все российские дороги –
в Карамзинский сад ведут!

ВЕНЕЦ И Я

Летит во мгле зарницей окрылённой
Симбирска златоглавая ладья...
Стою над Волгой, в город мой влюблённый,
нас двое на Земле – Венец и я.

Венец и я! Мелодия любви
в душе моей струится серенадой,
и зов семи ветров бурлит в крови,
дыша адриатической прохладой...

Венец и я! Влюблённые сердца,
ночные встречи, томные капризы,
и тают отражения Венца
в загадочной улыбке Моны Лизы.

Раскинул крылья город-вольнодумец,
заветные желания тая,
в мозаике мостов и древних улиц
мы вновь с тобой одни – Венец и я!

РОЖДЕНИЕ СКАЗКИ

*К 60-летию детской библиотеки
имени С.Т. Аксакова в Ульяновске*

Рассвет над Волгой небо наряжал,
и семь ветров блуждали в околотке,
когда Аксаков медленно въезжал
в Симбирск на позолоченной пролётке...
И чудо вдруг случилось в этот миг:
на улице, среди травы и кочек,
таинственно расцвёл, как солнца лик,
неповторимый аленький цветочек!
Из детских баек ключницы своей
писатель ясно помнил эти краски,
и вновь у деревянных флигелей
навеяло сюжет красивой сказки...
Её он внучке Ольге подарил
в восторженном порыве ностальгии,
и блеск изящных мыслей озарил
вселенское сознание России!
А век спустя на месте рандеву,
где Оленькин цветочек распустился,
возник дворец почти по волшебству,
в котором лик Аксакова светился...
Здесь книга стала главным из чудес,
а сказочный бутон библиотеки
раскрылся, чтоб воистину воскрес
огонь познания в каждом человеке.
И сквозь стекла и мрамора пласты
сияет нам, как пушкинская лира,
волшебный свет нетленной красоты
великого аксаковского мира!

ЛАЗОРИКИ-ЛАЗОРЬКИ

Мы с тобой на майской зорьке
ой-да выйдем на холмы,
где лазорики-лазорьки
среди зелёной бахромы...
Над лугами в дымке синей
твой прелестный силуэт:
в небе – солнце над Россией,
на земле – лазорев цвет.

В царство дикого пиона
ты войдёшь, как в райский сад,
ярче нежного бутона
твой лазоревый наряд...
Я в Пионовой долине
ключевой воды напьюсь:
о любви моей отныне
пой, лазоревая Русь!

Ах, лазорики-лазорьки,
чувства пылкого размаз,
мы любовь нашли на взгорке,
на Лазоревых холмах...
Первоцвета лепесточек,
осторожно, не сорви:
здравствуй, аленький цветочек –
талисман моей любви!

БАЛЛАДА О РОДНОМ КРАЕ

Славу России в веках умножая,
эта земля нам с рожденья дана:
воздух просторов Симбирского края
дышит историей Карамзина!
Дорог нам слог летописного слова,
пластовский облик лесов и полей,
голос Языкова и Гончарова,
в небе над Волгой – полёт журавлей...

Снова с высоких откосов Венца
Родина в наши впадает сердца,
словно вливаются в волжский туман
Майна, Свяяга, Сура, Черемшан...
Здесь, в самом сердце России, живёт
добрый, умелый и сильный народ:
славься, твори и в веках процветай,
край наш Симбирский, чарующий край!

Дух этих мест и смирен, и мятежен,
в нём – наших предков душевный порыв:
здесь из-за острова плыли на стрежень
и поднимались на волжский обрыв,
вдаль устремляли свой взор, замирая,
и находили в симбирской глуши
образ аксаковский отчего края –
аленький, нежный цветочек души...

Пой нам во здравие, край изобильный,
хлебом и солью гостей угощай, –
край самолётный и автомобильный,
атомный и земледельческий край...
Сей – и хорошего жди урожая:
мы будем вместе на этом пути,
славу России в веках умножая,
знамя божественных предков нести!

ЮБИЛЕИ

Нина НИКИФОРАКИ, член Союза журналистов России

ЛЮБА, ЛЮБУШКА, ЛЮБАВА

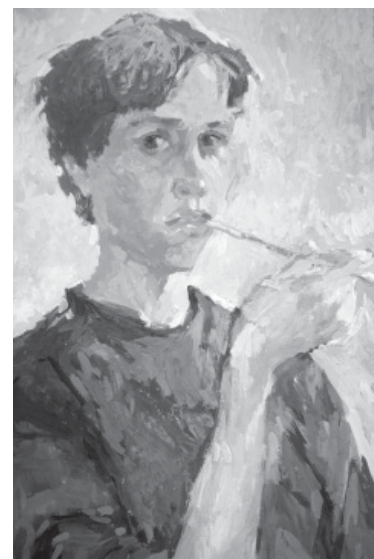
К юбилею
Любови Какичевой

Вместо предисловия

Мои друзья художники – люди самобытные: яркие, талантливые, многогранные и самоотверженные. Видимо, этот дар свыше обязывает не только творить и преуспевать в непостижимом и безграничном искусстве, но и облагораживать жизненное пространство. Причем не только вокруг себя.

Рассуждать об этом феномене миссии художника можно тоже до бесконечности. На деле же благодарному человечеству остаются роскошные залы музеев, картинные галереи – просторные и не очень, величественные памятники. Как известно, по всему миру.

Мои современники-художники оценивать себя и свои работы по большому счету даже не пытаются. Не до того. Жизнь в процессе творчества, в нескончаемом поиске, в муках физической боли сердца и сомнений к отвлеченному самоанализу не склоняет. Зато доля рутинного ремесла непременно приводит к большому успеху. Надо ли в качестве примера перечислять великих деятелей эпохи итальянского Высокого Возрождения?! Титаны Ренессанса – сплошь трудоголики.

*Какичева Любовь Александровна,
Автопортрет, 40x50, гуашь,
1994 г.*

Вернисаж в «Купеческом»

Люба, Любушка, Любава (Любовь Александровна Какичева) – мой абсолютный камертон на необъятных просторах изобразительного искусства. Любой назвала мама. Любушкой ласково называет супруг. Любава – имя от подруг, потому что из сказки.

Искренний, честный человек, не способный лукавить или отстраняться. Уникальное ощущение цветового и светового многоголосья она умеет выражать в своих картинах прямо и доходчиво. А ты в свою очередь находишь слова, чтобы передавать ими чувства от зрительного впечатления.

Как ей это удается?

У таланта, оказывается, огромная составляющая. И наипервейшая – масштаб личности. Он не всегда, что называется, бросается в глаза. Не обязательно нарочито публично демонстрируется. Он проявляется в мелочах, отмечается в поступках, накапливается со временем. Такой человек способен постоянно удивлять, поражать свое окружение, включая самых близких людей – домочадцев.

Любови Александровне Какичевой этим летом исполнилось 50 лет. Свой юбилей она первый раз отметила в солнечной Армении. Отправилась путешествовать вместе с доченькой Агашей. Потом собрала застолье дома – с родными, близкими, подругами. А в эти дни ее юбилейная выставка с милым названием «Игра лучами солнца» открыта в музее «Симбирское купечество» музея-заповедника «Родина В.И. Ленина». Это большая удача. Ведь на вернисаже можно увидеть лучшие произведения автора и даже лично присоединиться к поздравлениям по случаю дня рождения.

Счастливые люди эти художники!

Больше, чем портрет

Люба Какичева, в девичестве Скрябина, родилась в Ульяновске. Росла и воспитывалась в дружной советской семье. Родители, как водится, целый день проводили на работе. Любаша вместе с младшим братом Павликом находили себе занятия дома и на улице. Веселые, находчивые, щедрые ребяташки не скучали и познавали жизнь в окружении сверстников, радуясь каждому денечку.

Школьные премудрости открытой миру девочке давались легко. А учительница рисования Раиса Владимировна Боголюбова даже отправляла работы ученицы на конкурсы. Там юную художницу оценивали по достоинству: с поощрительными грамотами приходили первые награды – краски, цветные карандаши, альбомчики, что было очень кстати.

После шестого класса в одной из газет (тогда их было много, и их читали!) Любе попало объявление о наборе в Детскую художественную школу. Нужно было сдавать вступительные экзамены. Конкурс выдержала успешно и только потом призналась родителям.

Три – четыре раза в неделю ездила на занятия: 45 минут на трамвае – в одну сторону.

Одаренного ребенка оценили и педагоги «художки» (тогда школой руководил известный энтузиаст Ю.П. Павлов) и вскоре перевели сразу в третий класс. Так что художественную школу и общеобразовательную восьмилетку она окончила одновременно.

Хотела сразу поступать в педагогическое учи-

лище. Но класный руководитель Валентина Николаевна Латышева отговорила и порекомендовала продолжить учебу, а потом штурмовать вуз. Совет мудрого человека был принят с благодарностью. Через два года Любава уже с пристрастием изучала справочник для поступающих в институты. Выбор был небольшой. Художественно-графические факультеты имелись в Чебоксарах, Ростове-на-Дону, Курске, Костроме.

Победила красавица Кострома. Туда из Ульяновска летали прямые самолеты, да и корни родителей там просматривались. В 16 лет (1985 год!) девочка Люба самостоятельно полетела во взрослую жизнь. Не забоялась, не растерялась, выдержала все экзамены, включая творческий конкурс, и стала студенткой Костромского государственного педагогического института им. Н.А. Некрасова.

В те годы на худграфе училось много взрослых ребят – отслуживших в армии парней. Один из них – удалой и талантливый Юра Какичев – очаровал и покорил своим вниманием. После второго курса расписались (иначе не могло быть!) и стали жить и учиться вместе. Лекции, пленэры, сдача экзаменов – что может быть лучше для укрепления семейного счастья!

Свою дипломную работу – «Портрет...» – Люба писала со своего мужа. Нужно было представить десятки зарисовок, этюдов с натуры... Все это доводило Юрика до белого каления. На очередном сеансе он «сломался», вернее, изо всех сил грохнул этюдник, едва не разнеся ни в чем не повинную вещь в щепки. И напрочь отказался позировать.

Что интересно, этюдный набросок с этого сеанса больше всех понравился психологу из комиссии государственного экзамена. Были отмечены экспрессия, глубина характера, подлинность эмоций и все в том же духе. А сам вышеназванный живописный портрет-диплом и сейчас хранится в музее института, служит в качестве учебного пособия будущим художникам.

Портрет как жанр всегда интересовал и продолжает интересоваться художницу Любу Какичеву. Первые работы были преимущественно графическими: карандаш – гуашь – бумага. Графика обязательно делается с натуры: глаза в глаза. Наверное, поэтому от портретов не оторваться: эдакое знакомство с личностью человека по внешним чертам, открывающим глубь характера.

Остались великолепные изображения матери (добрейшей Нины Григорьевны), уникальные автопортреты. Для художника рисунок – визитная карточка. По нему оценивается мастерство автора. Особенно профессионалами.

С годами Любовь Александровна плавно и прочно перешла на живописные портреты. У нее сложилась целая система подготовительных приемов. Для каждой работы делается графический картон: он дает тональное и контурное представление. Затем изображение переводится на холст. Начинается колористическое решение – колдовство. На каждом этапе вносятся коррективы к первоначальному замыслу. Зато в готовом произведении «многоступенчатости», «вариативности» подбора цветового ряда вы не заметите. Так идеально и точно наложены краски, распределены блики и тени.

Среди лучших картин этого жанра Любе осо-

бенно близки образы, созданные художниками Константином Коровиным и Валентином Серовым. Репродукция «Девочки с персиками» висела над письменным столом Любы еще в детстве. Она и сейчас одна из любимых.

Писать с натуры, общаться с людьми, пытаться уловить черты характера каждого человека и совместить их с внешним обликом – для Любавы наинтереснейшее занятие. Это и работой мало назвать. Это – целое исследование с прикидом на будущее.

В портретах детей я, например, не раз наблюдала некую «линию взросления». Словно художнице заранее известно, как будет развиваться ребенок, что может заполнить его взгляд и душу. Внешнее сходство наступает в некоей «отложенной точке роста», до которой надо еще дотянуться, подкрепить – морально.

А вот писать заказные портреты для художницы – стресс. Стало модным, например, дарить живописные лики, выполненные по фотографиям, эдаким сюрпризом. Натуру просят воссоздать «заочно», да так «красивошно», чтобы лучше оригинала. Это издевательство над собой современным художникам тоже приходится преодолевать. И тут на помощь приходят великие мужи из прошлого, которых так же изводили заказчики. Извечный конфликт творца и потребителя до сих пор остается неразрешенным. Зато портреты – бесценны...

Больше чем пейзаж

После успешного окончания института художники Люба и Юрий Какичевы вполне могли бы остаться жить и работать в Костроме. Студенты старших курсов активно торговали своими акварелями на пристани города. Кострому в те времена посещали тысячи туристов со всего мира. Иностранцы вместо открыток с большим удовольствием покупали «живые» пейзажи с видами церквей и окрестностей Золотого кольца России. Как горячие пирожки, они расходились десятками. Свой покупатель находил буквально для каждой картиночки, выполненной с душой, старательно и честно. Такой заработок считался профессиональным, приносит хорошие деньги, и можно было бы им жить. Но хотелось творческого роста, серьезных работ, признания Союза художников, больших выставок, персональных показов.

К тому же домой, в Ульяновск, постоянно звала мама. А маме не откажешь – и Люба, уже с мужем, вернулась к родным пенатам.

Писать пейзажи, фиксируя окружающую действительность, порой скучно, даже безрадостно. А вот компоновать этюды с натуры, выстраивать их в замысловатые, только тебе понятные композиционные конструкции – другое дело. Городские пейзажи Любы Какичевой выглядят на удивление реалистично и убедительно. Даже коренному симбирянину «постановочные» передвижки исторических объектов архитектурного ансамбля не покажутся игрой воображения.

Чем затейливее мысль художника, тем картина больше впечатляет и интригует зрителя. Но в первую очередь такая игра захватывает самого мастера, и конечный результат этого процесса непредсказуем.

Если я назову вам работы, выполненные таким

образом, вы не удивитесь, вы просто мне не поверите. И будете биться об заклад, что рядом с памятником Н.М. Карамзину есть фонтан, а из беседки в селе Арское как на ладони видны белые арки восстановленных храмов. Проверять не стоит.

В Ульяновске молодым художникам в середине 90-х было непросто. И не только им одним. Но решили на семейном совете, что все силы отдадут «чистому искусству» – и будь что будет! Мечтатели. Но обоснованные желания – тоже двигатель прогресса.

Жили с продаж картин. Иногда впроголодь. Зато готовились к каждой областной выставке, в прямом смысле слова оттачивали мастерство. Попастись на «Большую Волгу» считалось огромной удачей.

Их увлеченность профессией подкупала окружающих. Появлялись предложения профессиональных вернисажей. Знаменитая выставка «Юра+Любовь» получила широкое освещение в прессе. Появились почитатели и меценаты. Художников заметили и полюбили.

А они, молодые и дерзкие, жаждали новых впечатлений, стремились к новым большим творческим победам. Скромные доходы от «чистого искусства» зря не тратили, а копили на путешествия. В 1994-м, продав пресловутые ваучеры, отправились «дикарями» на Кий-остров (сейчас он закрыт для туристов). В 1996-м с рюкзаками за плечами покоряли Полярный Урал. А еще были Белое море и Соловки... Так появились бесценные этюды и наброски земель невиданных и неизведанных. С них писались (как мечталось!) большие картины, создавались тематические серии. Работы Любы Какичевой показывались на престижных выставках страны, приобретались ценителями изобразительного искусства.

Границы творчества уверенно раздвигаются. Смелый экспериментатор Любовь Какичева с вдохновением берется за жанровые работы. Исторические, тематические и даже бытовые сцены усложнены реалиями пейзажа, многофигурными композициями. Всё живое – фигуры людей, состояние природы, настоящие объекты и детали. И все – сочиненное, собранное из лучших впечатлений, красивейших образов, запоминающихся явлений. Особая составляющая – цветовая гамма. Нежное, еле угадываемое колебание света. И ты живешь вместе с картиной! Как зритель, как человек испытываешь близость «Масленицы» и радость «У бабушки в деревне», путешествуешь «На плоту», знакомишься с «Рыбачками». Эта доступность понимания, внезапность простоты – вершина откровения мастера.

В Ульяновское региональное отделение Союза художников России дорога была открыта. Рекомендации для вступления дали именитые художники: Аркадий Ефимович Егуткин, народный художник России, Борис Васильевич Клевогин, заслуженный художник России, Владимир Федорович Зунузин, почетный академик Российской академии художеств. Не так давно Люба Какичева получила творческую мастерскую в самом центре города, в знаменитом Доме художников на ул. Гончарова. Первым делом организовала ремонт и навела образцовый порядок. Заглянуть к ней в гости – одно удовольствие!

Родом из детства

Любава родилась в год Петуха. И если верить восточному гороскопу (а мы поверим), ей присущи неутомимость, сила духа, радение за правое дело. Эта неуемная энергия спасает от творческой депрессии, в которую любят впадать художники в пору отсутствия вдохновения, и помогает доводить до конца любое начатое дело. Вы не поверите, но у Любы Какичевой нет ни одной незавершенной работы! Бьется до победного! Правда, есть картины, которые ей лично не очень нравятся. Но незаконченных – не бывает никогда!

Эти качества характера особенно ценят, как ни странно, дети. С некоторых пор Любовь Александровна занимается педагогической деятельностью. Сначала преподавала в Ульяновском колледже культуры и искусства, а последние несколько лет служит педагогом Детской художественной школы, которую когда-то окончила сама.

Строгая, но справедливая, требовательная, но умеющая найти подход к каждому ребенку, воле-

вая, но отходчивая и заботливая. Учиться у такой непросто, но результаты сказываются на деле. Дети участвуют в творческих конкурсах разного уровня, выезжают на пленэры, посещают музеи и выставки – словом, развиваются. И тоже хотят стать настоящими художниками.

Каким-то непостижимым образом энергия преобразования передается сквозь официозно-бумажную канитель. Вот свежий пример. В прошлом году в Москве, в зале Стравинского музыкального театра «Геликон-опера» проходила церемония награждения лучших педагогов России (номинация – «Дополнительное образование»). Победителем Общероссийского конкурса «Лучший преподаватель Детской школы искусств (2018 г.)» стала именно Любовь Александровна Какичева.

Поездка в Москву оказалась удачной. Случился первый осенний снежок и запорошил огромный розарий на ВДНХ. Целое поле цветущих роз в снегу – ошеломляющее впечатление для художника. И оно воплотилось в картине. Это сказочное полотно мы видим сегодня на юбилейном вернисаже.

Наша справка:

Любовь Александровна Какичева родилась 30 июня 1969 года в Ульяновске. Окончила Костромской государственный педагогический институт им. Н.А. Некрасова. Выпускница художественно-графического факультета. Живет в Ульяновске с 1991 года, работает преподавателем художественных дисциплин. С 2010 года – член Союза художников России.

Участие в выставках: региональная художественная выставка «Единение» (Нижний Новгород, 2012); Международная ассамблея художников «Пластовская осень» (Ульяновск, 2012); региональная художественная выставка «Большая Волга-XI» (Казань, Пермь, Йошкар-Ола, 2013); художественная выставка Всероссийского выставочного проекта «Россия. «Большая Волга в Ульяновске», 2014.

Награждена почетными грамотами, благодарственными письмами министерства искусства и культуры Ульяновской области. По итогам четвертой межрегиональной академической выставки-конкурса «Красные Ворота/Против течения» отмечена благодарностью Российской академии художеств (сентябрь 2018 г.).

Победитель Общероссийского конкурса «Лучший преподаватель Детской школы искусств»: диплом Министерства культуры Российской Федерации (2018 г.).

Постоянная участница областных выставок Ульяновского регионального отделения Союза художников России.

Фото Владимира Ламзина

5 сентября 2019 года в музее «Симбирское купечество» музея-заповедника «Родина В.И. Ленина» открылась выставка к юбилею Любви Какичевой.

На открытии выступили: председатель Ульяновского отделения Союза художников России Николай Чернов, искусствовед Инна Матюнина, педагоги из Ульяновской детской художественной школы. Любовь Какичева пришла поздравить коллег, друзей, ученики. Выставка «Игра лучами солнца» продлится до 17 ноября 2019 года.

ИГРА ЛУЧАМИ СОЛНЦА
КАРТИНЫ ЛЮБОВИ КАКИЧЕВОЙ

Итальянский дворик, 60x80, х.м., 2016 г.

Мальвы, 40x50, х.м., 2017 г.

Девочка в мальвах. 2017 г. х.м. 55x60

Благая весть. 2000 г. х.м. 70x110

Девочка в саду. х.м. 50x60.

Летний день. 2008 г. х.м. 80x100

Вечерняя песня. 2001г. х.м. 60х60

Деревенский кавалер. 2011 г. х.м. 60х80

Затонувшее судно. 2016 г. х.м. 45x72

Волжский залив. 2007г. х.м. 60x80

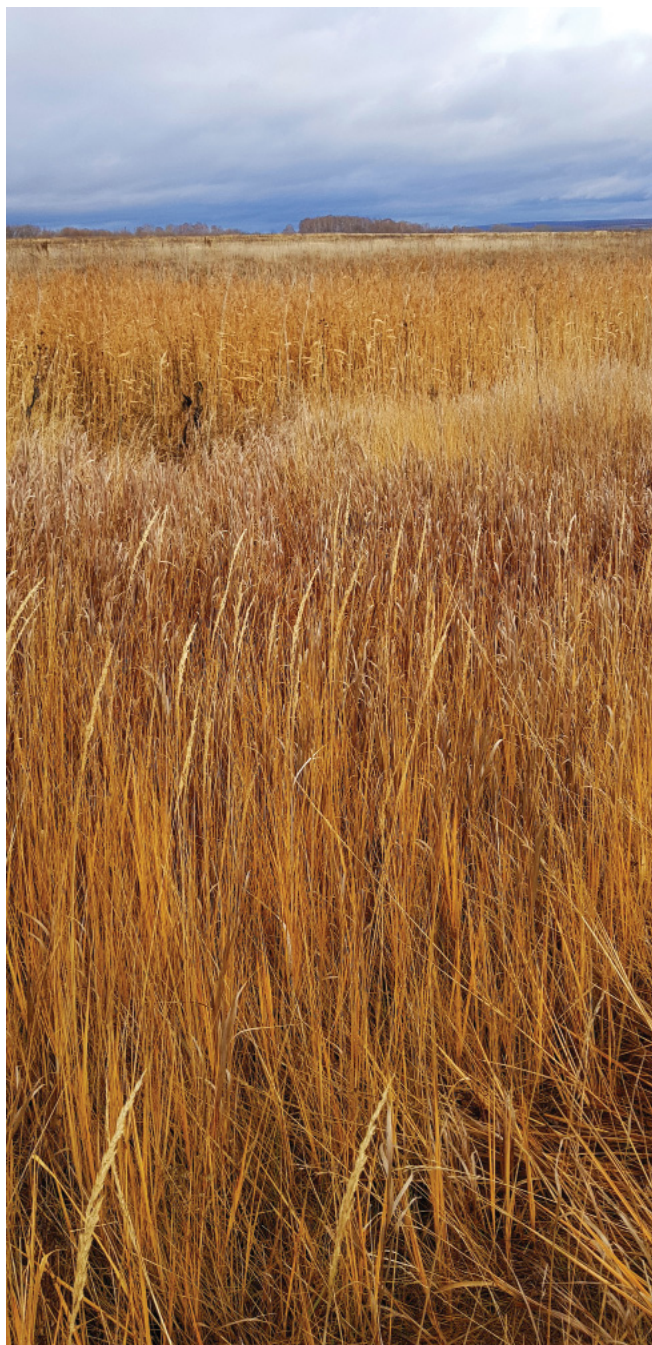
«ТЫ РОССИЯ МОЯ...»**ФОТОГРАФИИ
ИЛЬИ ТАРАНОВА**

*«Волга плавно течёт, чайки бьют по волне,
Рассекая воздушный хрусталь.
Ты Россия моя! – прозвонит в тишине,
Улетая в туманную даль...»*

Илья Таранов

*«Я дарю тебе этот день
В золотистой рамке слов-снов...»
Илья Таранов*

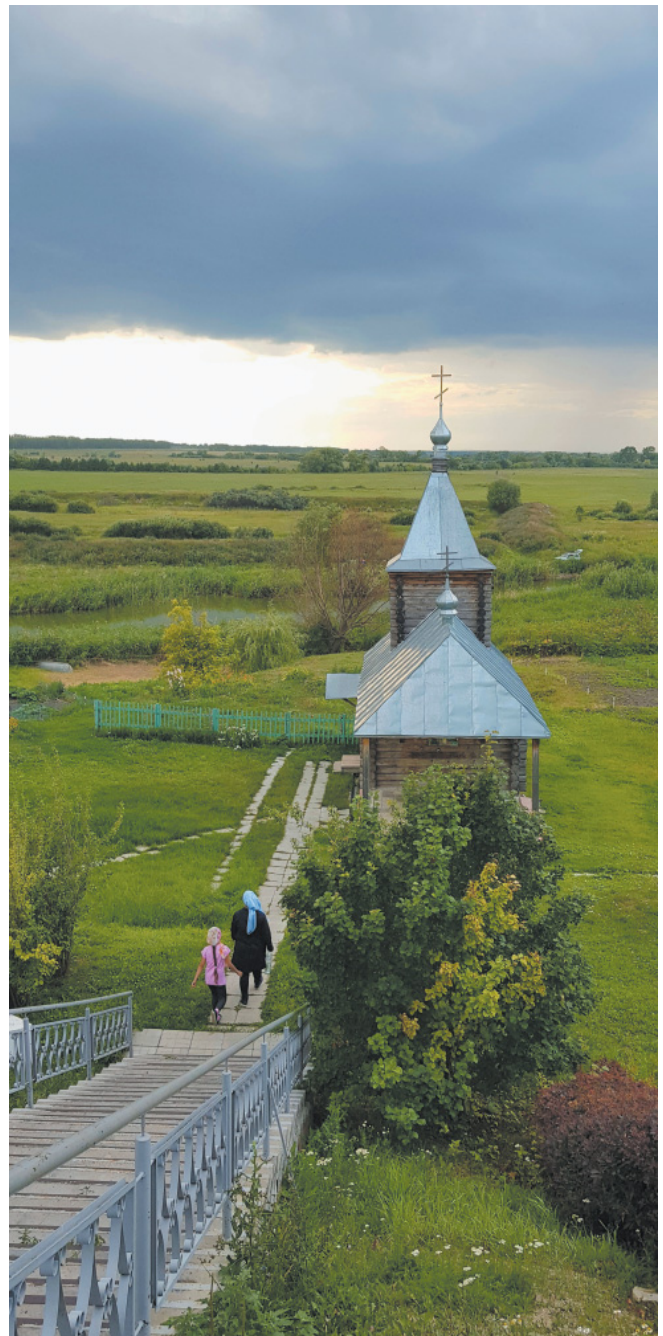

*«Над обрывом берёза, как добрая мать,
Колыбельную песнь завела.
Ты Россия моя – васильковая гладь!
В отражениях рек – купола.*

*Ты Россия моя – лебединая синь!
Для раздолья великий приют.
Вековые просёлки, поля и полынь,
Родники в поднебесье поют...»*

Илья Таранов

Село Арское

К 70-летию Николая Коняева

25 августа исполнилось 70 лет со дня рождения известного русского писателя Николая Коняева, а 16 сентября – годовщина скоропостижного ухода. Покинул этот мир успешный прозаик, талант которого раскрылся во всем блеске и продолжал удивлять и радовать современного читателя.

Произведения Николая Коняева выдержали сотни изданий, а общий тираж книг превысил три миллиона. И это не развлекательная литература, столь модная ныне, а историческая и философская, духовная и просветительская – литература как оружие Света.

«Облеченный в Оружие Света» – так, кстати, называется книга Николая Коняева, посвященная жизни и служению его духовника, выдающегося мыслителя и богослова Иоанна Снычева. Эпитеты, которыми писатель сопровождает жизнеописание митрополита, можно отнести к самому Коняеву: его книги – «оружие света». И ежедневный труд за письменным столом – настоящий духовный подвиг.

Многим ульяновским читателям известен роман Николая Коняева «Неудавшийся побег», за который писатель получил Международную литературную премию им. И.А. Гончарова.

Многие знакомы с его историческими хрониками, посвященными династии Романовых. Необычайно ак-

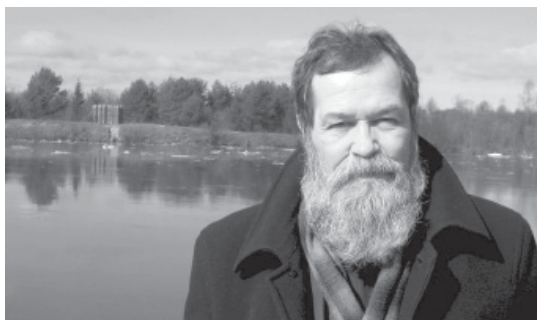
туальны дневники писателя, которые он вел на протяжении всей жизни. Они опубликованы в сборниках «Застигнутые ночью», «Святые и лихие девяностые», «Прощание с тысячелетием». Вся трилогия – правдивая, честная летопись смутного «перестроечного» времени современной России.

Сам писатель особенно дорожил своей историко-философской книгой, которую назвал «Быти или не быти четвертой империи». Он делился с читателями своими выстраданными размышлениями о будущем России.

Книги Коняева о Николае Рубцове выдержали большое количество изданий. Это не просто исследование жизни и творчества поэта, но в первую очередь размышления о роли писателя в современном мире и неизбежности страданий. По мнению Коняева, страдающая и сострадающая творческая личность способна нести Свет Истины, и только такой поэт обречен на бессмертие.

Писатель безмерно любил своих героев, особенно дороги и близки ему по духу были народные типажи. Предлагаем вниманию читателей юмористический рассказ «Асфальтовый мужик». Оружие смеха – это тоже источник Света.

Ольга Шейпак

Николай КОНЯЕВ (25.08.1949 – 16.09.2018) – русский писатель, литературовед. Лауреат литературных премий им. Андрея Платонова, Василия Шукшина, Большой литературной премии Союза писателей России. Возглавлял Православное общество писателей Санкт-Петербурга, которое было создано по благословению владыки Иоанна (Снычева). Лауреат Международной литературной премии им. И.А. Гончарова. В июне 2016 года был гостем Ульяновска, принимал участие в Гончаровском празднике и в торжественной церемонии вручения премии.

АСФАЛЬТОВЫЙ МУЖИК

Рассказ

Негра звали Фикре.

Днем он сидел на лекциях в институте, а по вечерам надевал белую рубашку и шел танцевать в посольство. Фикре и в голову не приходило, что можно жить как-то иначе или по крайней мере не мечтать о такой жизни.

Он был очень доволен собой, и эта жизнь продолжалась до того утра, пока в газете не прочитал он о перевороте в своей стране. Фикре попытался дозвониться в посольство, но там телефон был занят, и, всё более осознавая себя политэмигрантом, Фикре впервые не пошёл на лекции.

Бесцельно блуждая по городу, он забрёл на вокзал и, не думая о том, что делает, сел в электричку.

Стоял сентябрь... По утрам от воды поднимались пронзительные, холодные туманы, расползались среди деревьев и, медленно рассеиваясь, серой дымкой окутывали пустые поля.

И когда Фикре сажился в электричку, и когда мчался в вагоне, рассеянно рассматривая в окне ле-

тящие мимо поля с грудками пустых ящиков, с одинокими тракторами, выбрасывающими в пространство синеватое дыхание, – нет! – ничего не знал он о деревушке Поганкино, которую переименовали давным-давно в Комиссарово... И уж тем более не знал, что с утра возле крайнего дома, смотревшего окнами в облетающий лес, ходила и стучала клюкой горбатая Домна Замородновна. Отворяла окна, топила печи, а потом, притомившись, села на лавочке – вся черная, горбатенькая, упёрлась подбородком в клюку и, кашляя, уставилась на дорогу не постарушечьи острыми глазами.

1.

В баре международного аэропорта Орли, глядя на самолеты, Фикре рассказывал, что в электричке тогда он не задумывался, куда и зачем едет...

– Понимаешь... – говорил он и чуть морщился, шум взлетающих самолетов заглушал его слова. – Просто вдруг стало пусто... Я думаю... – он пощёл-

кал седоватыми пальцами. – Это пустота двигала тогда меня. Вы понимаете? Я правильно говорю это по-русски?

Но он говорил это многие годы спустя, а тогда – задрожала электричка и стихла. Щёлкнули опущенные пантографы, и пассажиры поднялись и, застёгивая плащи, направились к выходу. Фикре тоже встал...

Платформа стояла высоко над местностью, по которой извивалась узкая серебристая река, местами она пропадала, прячась в густых рощицах. Дул пронзительный, холодный ветер. Заросли полуоблетевших кустов окружали платформу, и среди них бежала к реке тропинка.

Прячась от пронизывающего ветра, Фикре пошёл туда, осторожно переставляя ноги среди разлившихся луж, но река оказалась неожиданно далеко, и, когда Фикре подошёл к реке, на небо опять натянуло тучи, начал накрапывать мелкий дождишко.

Этот дождь пролился и над деревенькой Комиссарово, и Домна Замородновна колючими и цепкими глазами начала было отгонять тучи, но не получилось ничего... Она плотнее перевязала на голове чёрный платок и, уставив глаза в землю, побрела по деревенской улице.

У небольшого домика её окликнула другая старушка.

– Чего тебе надобно, Алексеевна? – строго спросила Домна Замородновна.

– Да вить как же, – торопливо затараторила старушка. – Вить, сказывают, вы конец света сегодня устраивать будете...

– Пустое говоришь! – отрезала Домна Замородновна. Она двинулась было дальше, но старушка забежала вперёд и снова преградила путь.

– Ай! – сказала она. – Да разве неправда, что поп-то ваш в город ездил и из городу препаратов для конца света привёз?

Она не договорила, потому что Домна Замородновна решительно отодвинула её с дороги и, не оборачиваясь, пошла дальше.

– Грех, грех это! – крикнула вслед старушонка. – Антихристы вы с вашим батюшкой!

2.

А Фикре тем временем, думая сократить путь, потерял тропинку и шел теперь по жухлой мокрой траве. Снова начались кустарники, порою так тесно прижимающиеся к воде, что приходилось пробираться сквозь заросли. Вскоре вся одежда на Фикре промокла и облипла лесной грязью... Фикре хотел было вернуться на тропинку, но скоро очутился в каком-то овраге и уже отчаялся найти не только тропинку, но и реку, и тогда-то увидел в прогалинах ветвей дома.

Это был поселок, он стоял на берегу реки.

С платформы Фикре, может быть, и видел его, но сейчас не узнал, не вспомнил. Он пошёл по берегу и возле пристани, где женщина, наклонившись, полоскала бельё, остановился.

Разглядывая широкий, туго обтянутый платьем зад женщины, Фикре стал вспоминать какие-нибудь подходящие фразы, но в памяти мелькали только слова из англо-русского разговорника: «У меня украли чемодан! Милиция! Как пройти в отель? Скорее везите меня в отель!» – и эти слова сюда

не подходили. Фикре чуть наморщил лоб, а лицо его стало пепельным от смущения, когда он сказал:

– Добрая женщина! Где здесь дорога на станция?

Женщина медленно разогнулась и, повернувшись к Фикре, оглянула его.

– Ой, голубчик! – певуче сказала она и кистью руки, в которой держала скрученную простыню, поправила сбившиеся волосы. – Да ведь это далеко...

– Да-ле-ко? – переспросил Фикре.

– Ой-ёй-ёй как далеко, – подтвердила женщина. – Это надо по улице до конца домов, там поле будет, бураки на нём сажают. Дак идти по полю до Вороньего леса, а дальше вокруг него до Марьиной заставы, а оттуль тропинкою и до станции.

Фикре мало что понял из этой сбивчивой речи.

– Туда? – он махнул рукою в сторону леса, на который особенно часто смотрела женщина.

– Можно и туда, – подтвердила женщина. – Только там лес, там тебя вороны обсерут.

– Туда? Да? – сказал Фикре, и из темноты его лица ослепительно сверкнули зубы.

– А! – сказала женщина. – Иди куда хочешь...

Она проводила его взглядом, пока не скрылся Фикре за домами, и снова склонилась к воде, но тут из калитки дома, припадая на одну ногу, выбежал коренастый мужичок и окликнул ее:

– Марья! Куды негр-то пошел?

– На станцию, – ответила женщина.

Мужичок почесал в затылке.

– А пошто через лес? – раздумчиво спросил он, – ведь там его вороны обсерут.

– Может, и не обсерут, – сказала женщина и бросила на воду скрученную простыню, причем так ловко, что простыня разом развернулась и запузырилась на быстрине реки.

3.

Между тем уже кончался недолгий осенний день. Сумерки расползались по деревенским улицам, когда сухонькая старушка закончила обход деревенских домов.

– Антихристы-то... – с порога говорила она. – Слышали, чего вздумали?

– Чево? – спрашивали у нее.

– Конец света сегодня манить будут – вот чего!

– Да ну...

– Точно говорю, точно... – горячилась старушонка. – Вначале вить будут, голосить, ево звать, только он-то не придет к ним сам, а пошлёт мужика асфальтового. И уже и хозяин ихний из городу приехал... Ой, бабоньки, сегодня кликать будут конец света... Вона Домнушка и избу ихнюю протопила. Сегодня сдвоятся будут... Точно говорю.

И, когда старушонка уходила, бабы ещё долго не могли взяться за прерванные дела, поворачивались к углу, в котором висели когда-то дедовские иконы, крестились, а иные так лезли даже в сундуки, где на самом дне, под платьями, под расшитыми, уже потемневшими от времени полотенцами, под мануфактурами, неизвестно для чего сберегаемыми, лежали завернутые в тряпицы образки, доставали их, долго смотрели на чистые лики и ругали сектантов.

Но все эти волнения и слухи стороною обходили высокий дом Домны Замородновны. Там, в комнате, устланной домоткаными половиками, у стола,

заставленного вареньями, сидел чуть лысоватый и очень представительный мужчина в дорогом костюме и пил чай, перелистывая какую-то книжку. Временами он неодобрительно хмыкал, однако чтения не прерывал. Книжку эту ему прислали братья из Голландии, написана она была на английском языке и представляла собою анализ развития современного баптизма.

Сама Домна Замородновна сидела напротив городского брата и, как тогда, возле моленной избы, опершись подбородком на клюку, внимательно смотрела на него. Зоркие глаза её различали буквы на обложке книги.

«Ишь ты, – уважительно думала она, – по-греческому небось писано-то, а он и так знает... Нет, далеко до него теплиценскому батюшке, тот и по-церковному плохо разумеет».

Иногда Домна Замородновна поворачивалась к окну, поглядывала на машину брата – как бы не схулиганили чего деревенские! – и тут её не оставляла мысль о преимуществах брата перед теплиценским батюшкой. «И машина-то у тово хуже, – думала Домна Замородновна, – куды ему до нас...».

– Батюшка, – наконец сказала Домна Замородновна.

Гость отвлёкся от книги.

– Сестра! – сказал он. – Не зовите меня так. У нас один Отец, а я вам просто брат...

– Ой-ой, – спохватилась Домна Замородновна, – я так это, так просто замечталась... Вот скажи мне, братец... Чево сегодня опять конца света ждать будем?

Гость поморщился.

– Не так всё, сестра, – вставая, сказал он. – Не так...

И тут с ним случилась одна из самых блестящих лекций, которые он когда-либо читал. Яростно напал он на голландскую книгу, в пух и прах разрушая ее положения. Его филиппики были исполнены грациозности и блеска. Латинские слова так и сыпались с языка, и Домна Замородновна, вся подавшись вперед, жадно ловила их, наслаждаясь их тайной прелестью.

– Вот так, – сказал наконец гость. – Понятно?

– Понятно, понятно, – закивала головой Домна Замородновна. – Значит, будет конец света?

– Ах! – сказал брат и, чтобы переменить разговор, спросил: – Наши-то не собираются ещё?

– Как не собираются, – ответила обрадованная Домна Замородновна. – К брату Филиппу четверо приехали, у сестры Анисьи еще двое остановились. Сестра Александра дочерей троих приведет, брат Фёдор будет...

4.

Сразу за домами Фикре свернул в лес.

Там было уже совсем темно, только вверх, между деревьями, хмуро светило небо. Фикре никогда не был боязливым человеком, смело шагал он по тёмному лесу, но, когда над головою послышалось хлопанье крыльев и раздался вороний крик, ему стало страшно. Всё пространство неба заполнилось черными крыльями. Что-то скользкое упало на щеку, что-то мягкое шлёпало по модному плащу, и тогда Фикре не выдержал и побежал.

Он спотыкался о коренья и падал, раздирая одежду, напролом бежал сквозь сросшийся непро-

ходимый кустарник, а над головой по-прежнему хлопали чёрные крылья, и Фикре поднимался с мокрой земли и снова бежал.

5.

Сухонькая старушонка долго в тот день не заходила в свой дом. Она стояла во дворе возле калитки и смотрела, как движутся к моленной избе желтоватые огоньки. Это с карманными фонариками пробирались туда баптисты.

Старушонке и боязно было, и страсть как любопытно. Постанывая от страха, она двинулась следом за мерцающими в ночи огоньками.

Без фонаря идти было неловко, и старушонка убедилась в этом, когда шлёпнулась посреди лужи. Однако она отважно продолжала свой путь, и не прошло и получаса, как оказалась возле моленной избы.

В щель между ставнями пробивался изнутри жёлтый свет и голоса. В избе пели. Старушонка подкралась к щели и припала глазами к ней.

Странное зрелище представляла собою изба. Степенные мужики и бабы, все в городских дорогах одеждах, сидели на лавках напротив стены, на которой висела картина с изображением поля с крестами, залитого песчаной желтоватой краской, с угрюмым низким небом над ним, с белыми верхушками гор вдальке... У всех мужиков и баб в руках были книжечки, не отрывая от них глаз, все пели.

Эта картина была поразительна ещё и тем, что сухонькая старушонка никогда не видела ранее, чтобы взрослые, и тем более трезвые, люди ни с того ни с сего пели песни.

«Манят, – уверенно подумала она, – асфальтового мужика манят».

Она так увлеклась созерцанием песнопения, что не сразу почувствовала, как тронули её за плечо. Только когда увидела черную, как бы истаивающую на подушечках пальцев руку, она обмерла всем нутром, и ноги у неё подкосились.

«Выманили! – мелькнуло в её голове и: – Свят! Свят!» – Она отшатнулась от Фикре, вид которого воистину был ужасен. В изодранной одежде его запутались сухие ветки и какая-то болотная трава, а курчавые волосы были покрыты вороньим пометом, и ужасающий запах исходил от них.

«Свят! Свят!» – Открещиваясь, отступала от Фикре старушонка, а Фикре, потерявший остатки разума в этой неоглядной русской ночи, наступал на неё:

– Э-э-э, добрая женщина! – с чужим акцентом выговаривал он. – Как пройти э-эе...

– Туда иди, туда, – махнула рукой в сторону моленной избы старушонка. – Там тебя кличут... Иди, иди с Богом.

– Туда? – спросил Фикре, показывая пальцем на избу.

– Туда! – ответила старушонка, и вдруг как-то резво, совсем по-молодому повернулась и во весь дух побежала к деревне.

– Асфальтовый мужик! – кричала она на ночной улице. – Антихрист пришел! Спасайтесь, добрые люди! Весь из смолы сделанный! Спасайтесь, кто успеет!

Вспыхивал в домах по пути её бегства огонь, и желтые квадраты света падали в пустые палисадники. Старушонка бежала к своему дому не огля-

дываясь, но, и вбежав в свой двор, не успокоилась. Кинулась в дом, принялась выбрасывать из сундука на пол тряпки и торопливо увязывать их в узлы.

Скоро, когда деревня окончательно проснулась, старушонка резво пробежала с узлами к старой, давно отданной под овощехранилище церкви. Узлы были тяжелы, они пригибали старушку к земле, но она находила силы еще кричать на всю деревню: «Спасайтесь, граждане, кто может! Асфальтовый мужик явился!».

Тревожно стало во всех избах.

Замычали во дворах коровы, снова бабы кинулись к сундукам, заплакали во всех домах дети, и тщетно участковый милиционер бегал по улицам – никто не мог объяснить причину тревоги, только бабы во всех домах связывали в узлы имущество, наскоро одевали детей и бежали по улицам к церкви.

Побежав так и не замечая никаких иных нарушений общественного порядка, милиционер отправился к себе домой, чтобы сообщить о случившемся в районное управление.

6.

А в молельной избе пели как раз «Есть у птиц небесных гнезда, норы есть, где лисам жить, лишь Христу, кем полны звезды, негде голову сложить...», когда дверь вдруг распахнулась и с ночной сыростью возник на пороге Фикре.

Вид его, как мы уже говорили, был ужасен.

Но в избе к тому же ярко горел свет, и все безобразия появления Фикре перед молящимися людьми произвело еще более сокрушительное впечатление. Зажимая носы, молящиеся отпрянули от Фикре, и порядок в избе явно смешался.

Фикре же, ослеплённый светом, стоял на пороге и уже ничего не помнил, кроме фразы из англо-русского разговорника:

– У меня украли чемодан! Милиция! Скорее в отель! Где мой чемодан? – кричал он.

И даже просвещённый гость Домны Замородновны и тот растерялся в первые мгновения. А уж что говорить о самой Домне? Она забила в угол и тихо забормотала: «Домолилися... Вот и началось...».

Но руководитель общины уже оправился и, видя, что перед ним, хотя и обосранный воронами, но все же обыкновенный негр, спросил у него на довольно чистом английском:

– Вы иностранец? Вы говорите по-английски?

Фикре так обрадовался, слыша наконец-то знакомую речь, что ему показалось на мгновение, будто прямо из страшного вороньего леса он попал в своё посольство.

– Да! Я иностранец... – закричал он и бросился к просвещённому гостю. – Помогите мне! Где я?.. Вы можете мне добраться до нашего посольства?

– Да, – ответил тот, и Домна Замородновна, которая со страхом наблюдала из своего угла за братанием чудовища с её братом, разом вдруг переменялась во мнении к нему.

– Ишь ты! – бормотала она, спеша выбраться из избы. – Ведь и сам, должно быть, антихрист, если с антихристом побратался... И толкует-то по ихнему... Ой, беда...

Она бежала по деревенской улице, позабыв, что оставила в молельной избе клюку, и тревога, которая окутывала деревню, только укрепляла её в со-

вершившейся мысли.

– Накликали, – бормотала она, – накликали на свою головушку, а я-то, полоротая, еще и помогала им... Ой, грех-то!

В своём доме, в отличие от сухонькой старушонки, Домна Замородновна не стала увязывать в узлы вещи, а первым делом принялась выкидывать на улицу шмотки «супостата» – своего гостя. Она свалила их грудой на капот машины, и, отплевываясь и крестясь, снова скрылась в доме. Закрыла двери на все засовы, достала из чулана иконы, сохранившиеся ещё со времен её дружбы с теплиценским батюшкой, обтёрла с них пыль и торжественно повесила в угол. Потом повалилась перед ними на колени и принялась усердно молиться.

Скоро раздался стук, но Домна Замородновна только плевалась в сторону дверей и снова была земные поклоны перед образами.

Только уже под утро, когда успокоилась, она с какой-то необыкновенной благостью, сошедшей к ней, подумала: «А теплиценский-то батюшка, ой, ведь куда клюжей будет!» – и заснула тут же на холодном полу.

7.

К рассвету разошлись тучи, и солнечный свет безудержным потоком затопил поля, просквозил облетевшие рощицы, ярко засверкал в извилах реки.

Конец света не наступил. Баптисты ещё ночью разехали на своих машинах, а те, которые жили в деревне, не выходили на улицу.

Уехал вместе с гостем Домны Замородновны в город и Фикре. И лейтенант милиции тщетно допрашивал население об асфальтовом мужике, но так ничего и не добился.

Через несколько дней в районе издали постановление, что в связи с нарушением общественного порядка райисполком постановляет закрыть молельный дом в деревне Комиссарово.

Впрочем, никто в деревне этому не огорчился.

Домна Замородновна была уже не баптисткой, а яростной приверженкой теплиценского батюшки. Это сблизило её с сухонькой старушонкой, и с той поры они стали лучшими подругами.

Вот и всё, что случилось в деревне Комиссарово, только долго ещё ходили в церковь женщины, чтобы отыскать там потерянные в ту ночь вещи.

Фикре же вернулся в Москву и на следующий день узнал, что после переворота его родственники заняли ещё более важное положение в новом правительстве. Теперь на посольских раутах посол всегда подходил к Фикре, жал ему руку и искательно заглядывал в глаза...

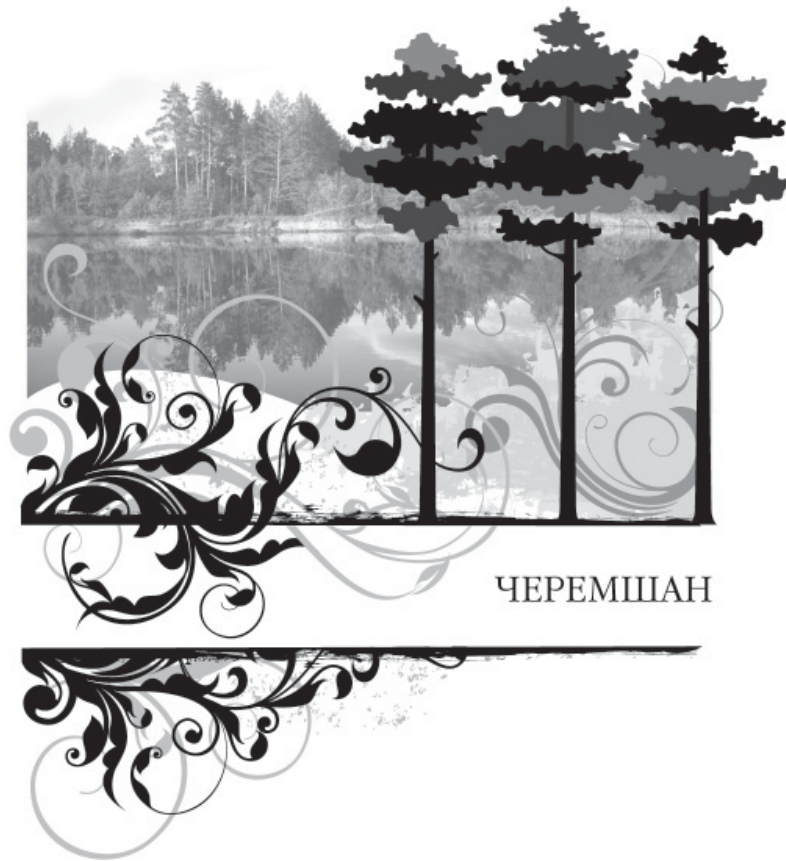
– Вот так... Так всё было... – говорил Фикре в баре международного аэропорта Орли.

Фикре успел уже закончить после московского института еще и Сорбонну и был теперь вполне европейским человеком.

– Да-да, не спорьте, мосье... – говорил он. – Один день я был политэмигрант, но я прожил тогда всю нелегкую судьбу такого человека. Вы не знаете даже, какой невеселый этот судьба!

Его собеседник грустно кивал ему.

Вчера в посольстве ему снова не выдали въездную визу в СССР.

Юрий ШЕРСТНЁВ родился 20 октября 1962 года в селе Старая Майна. Детские и юношеские годы прошли в райцентре Павловка, здесь же в районной газете «Искра» публиковались его первые стихи. До переезда в 2000 году в Димитровград работал художником-оформителем, затем режиссером народного коллектива, молодежного театра эстрады ЦРДК, председателем комитета по работе с молодежью и спорту в администрации Павловского района. Редактор газеты «Вестник профсоюза» на Димитровградском автоагрегатном заводе. Член Союза журналистов и Союза писателей России. Руководил димитровградской писательской организацией «Слово» (2013 – 2018).

Автор дилогии «И только ветер...» (2008), сборника стихов «101-й блюз» (2013), сборника рассказов и стихов «Орденские планки» (2018). Автор-составитель книг «Крылья материнской заботы» (2012), «Нам не забыть Афганистан!» (2014), «Димитровград литературный-2000 – 2015» (2015) и «Графоманов нет!» (2016). Публиковался в журналах и коллективных сборниках, в том числе в «Антологии Ульяновской словесности. Начало XXI века».

За журналистский и творческий вклад в развитие военно-патриотической темы награжден медалью «За заслуги» (2005) и медалью «25 лет со дня окончания боевых действий в Афганистане» (2014) Всероссийской общественной организации «Союз ветеранов войны в Афганистане». Оргкомитетом по проведению Года литературы в России награжден медалью «За особый вклад в книжное дело» (2016).

Юрий ШЕРСТНЁВ, г. Димитровград

ОРДЕНСКИЕ ПЛАНКИ

Часть первая

Было прохладно. Тихое полуденное солнце едва проглядывало сквозь низко бегущие облака. Всё же сентябрь этого года был слишком мокрым и ветреным, чтобы от этого не замерзнуть, сидя на рынке с восьми часов утра до половины третьего дня. Но сидеть было необходимо. По трём причинам. Во-первых, иногда и на Прасковьино барахло находились покупатели, и тогда это давало пусть мизерную, но всё же прибавку к пенсии. Во-вторых, в эти дни она не чувствовала себя такой одинокой, как в другие дни недели – тысячи людей проходили мимо: справа налево, слева направо. Они что-то говорили о своём, непонятном, но в эти мгновения казалось, что говорили они с ней – с восьмидесятипятилетней пенсионеркой Прасковьей Степановной, и она мысленно поддакивала им, а в чём-то даже и спорила. Но спорила редко, так как уважала их – уважала за то, что не говорят ей ничего плохого. Она даже любила их – за красивые, модные одежды, за молодость, за то, что по субботам и воскресеньям приходят на эти свидания с ней. И чем больше их было, тем легче становилось на сердце. А в-третьих, она ждёт. Ждёт, когда придёт он.

Он – мужчина лет пятидесяти, русоволосый, высокий, сероглазый, очень похожий на её сына Женечку – московского старого холостяка и дизайнера Евгения Ивановича Агапова, то ли пропавшего без вести где-то за границей, то ли погибшего в ужасной автоаварии в Украине. Сын как в воду канул как раз в тот год, когда на скользкой трассе где-то под Киевом столкнулись десятки машин, из которых несколько сгорели, и было немало погибших людей.

Может, вовсе и не ехал он тогда по той трассе, но неподалёку от места аварии нашли его обгорелую записную книжку... А через несколько дней на имя Прасковьи пришло письмо от его коллег по работе. В письме и делалось предположение о гибели или пропаже Евгения...

По просьбе Агаповых заведённое в полиции дело о возможном исчезновении их сына с трудом продвигалось даже при участии полицейских других стран. Ответом чаще были слова: «Среди погибших или умерших не значится. Ищем. Работаем...».

И что оставалось простым старикам делать? Да, она старая и дремучая бабка Прасковья, да, о её сыне больше не было никаких вестей-новостей. Но ведь могло с ним произойти что-то, после чего в нашем веке люди пропадают без вести. В газетах вон чего только не пишут на этот счет: и банды чёрных хирургов похищают людей ради драгоценных донорских органов, и маньяки разные держат людей в рабстве по много лет, и какие-то тайные организации проводят эксперименты над человеческим мозгом, а ещё и пришельцы повадились землян воровать... И Женечка может однажды приехать.

Ну не верит её старушечье сердечко в эту беду! А потому Прасковья и ждёт сына. Четыре года уже ждёт. И будет ждать до тех пор, пока не придёт Смерть.

А Смерть уже приходила. Прошлой зимой. Зашла эта старая карга в квартиру Прасковьи утром 30 декабря, посидела у кровати на протёртой мужниной табуретке, а потом ушла. Вместе с мужем Иваном и ушла – без особых болезней проживший почти девяносто лет, последние четыре года он болел сердцем, а ещё пил горькую. И сердце, и выпивка мучили его с того дня, когда в семью Агаповых принесли письмо, где сообщалось о найденном обгоревшем блокноте сына близ места аварии...

Теперь Смерть может прийти и за Прасковьей. Нет, не каждый день, а только тогда, когда та не выходит на рынок и не занимает своё законное местечко в ряду десятков таких же стареньких «барахольщиц»...

– Вон, сколько тут нас таких – одиноких, никому не нужных, почти обезнадёженных, но всё-таки рассчитывающих, что на шумном базаре Смерть их не тронет... Здесь кто чем её отваживает, отпугивает. Я вот, например, отваживаю блеском и яркими красками лежащих на клеёнке кучек всякой дешёвой мелочи, где пуговицы, булавки, варежки, носки, запонки, прищепки, прочая мелкая домашняя утварь и вещи Ванюшки – его галифе с лампасами, почти новая рубашка, погоны подполковника артиллерии...

– Почём полковничьи погоны, матушка? А значочки? – От мыслей о Смерти Прасковью отвлек стоявший перед её клеёнкой высокий, русоволосый, лет пятидесяти!.. Глаза его скрывали мутноватые, фиолетовые стёкла очков в тонкой блестящей оправе. – Почём вот эти – с Лениным? И вот этот – с камушком? Это яшма? Уральская же?

Голос у мужчины был не Женечкин. Или?.. Нет, не Женечкин. У сына-то голос более мягкий, тёплый.

– Матушка-а? Почём значки-и? – мужчина переспросил. – Так почём? Я бы взял.

– А ты выбирай, Женеч... – Прасковья осеклась, испугавшись собственных слов! Но мужчина и глазом не моргнул, только улыбнулся, и она продолжила. – Сколько ни дашь, за всё спасибо. Ни на погоны Ивана Агапова, ни на эти значки никто и не смотрит, с них никакого убытку, так что – бери, за сколько не жалко, Жень...

Это «Жень» было сказано чуть тише, но уже намеренно, с желанием увидеть реакцию незнакомого покупателя. А вдруг сердце верно ей подсказало.

Реакции не было. Покупатель никак не среагировал на эту её попытку.

– А почём орденские планки? – «Женя» присел на корточках и выбрал из груды всяковсичины, как Прасковья называла мелочёвку, которую нельзя было объединить ни в одну кучку вещичек, орденские планки подполковника Ивана Агапова.

– Не знаю почём. Медали-то Ванины ещё в прошлый год по сотне за штуку ушли, а планки никто не взял. В них, говорят покупатели, ничегошеньки ценного.

– Да... Насчет того, что какой-то местный ку-

старь их из плексигласа выточил, краской эмалевой расписал и на жестянку с самодельной булавкой посадил, сомневаться не приходится. Но насчет цены... Медали, говоришь, ушли. По сотке за штуку. Ничегошеньки ценного?.. А давай, матушка, все значки и эти планки за пятьсот.

Нет, за тыщу! А где воевал твой Иван? – Голос мужчины превратился из мягкого в жёсткий, и в нём звучало что-то очень знакомое, такое, отчего Прасковья чуть не бросилась к незнакомцу с объятьями! Но перевела дух, и, продолжая ещё пристальнее всматриваться в его черты почти ослепшими от старости и от уже давно, казалось, выплывших слёз глазами, попыталась связать несколько слов в нормальную фразу:

– И-иван Гала-кти-ионо-нович мой... Да от Сталинграда... до Берлина до... шёл, там и войну закончил. Ныне покойный Ваня-то... А что?

– Верно говоришь – по планкам вижу, была у него медаль за взятие Берлина. Значит, он тоже в Германии был. Жаль, не мне его медали досталось выкупить, я бы их как икону святую берёг. Жаль, матушка. А слышали вы, что дожившие до наших дней фашисты как-то выделили несколько миллионов дойчмарок на то, чтобы скупить в России все медали и ордена, которые давались за взятие Берлина и за нашу Победу?..

– Нет. Не слышали... Откуда нам о том знать... Нам – Агаповым – есть что есть, оно и ладно. Пенсии вроде на жизнь хватат...

Прасковья вновь осеклась на полуслове – около мужчины остановилась женщина не особо приметной наружности, с ним её делали похожей точно такие же мутные фиолетовые очки. Она присела с ним рядом, взяв под локоть, и с явно неместным говорком, сильно акая, сказала:

– Вот где я тя нашла. Так и знала, шта на баранолке тарчишь. Апять ардена прамышляшь? Аль значки? А, Евжень? Ты меня слышишь?.. А я так ничё себе и не прикупила. Вот, прилетели в Самару с деньгами, а патратить их ни там, ни тута нынче не на чё. Ну, бери же, чё приглянулась, и пайдём уже. Холодна сёдня. Женя-а, пай-дём...

– Да уж, это тебе не в неметчине базарничать... – Женя как-то сразу стал чужим и отрешённым. – Матушка, возьми без сдачи, купи себе чего-нибудь, да за Ивана, за Агапова свечку поставь. Прости, мать. – Мужчина буквально силой вмял в морщинистую старушечью ладонь какую-то купюру, подобрал с клеёнки орденские планки, резко встал и пошёл прочь. За ним следом, что-то недовольно бурча

и поёживаясь, поскокала его акающая спутница.

– А значки-то?! Возьмите значочки-то! – Прасковья поднялась было с табуретки, но ноги затекли и не послушались. Вместо шага получилось что-то похожее на смешной подскок, и она упала на клеёнку с пуговицами, охнула и тихо заплакала. – Женя, Женечка, значки-то ты забыл взять... Женечка... Спасибо, Господи... Дождалась таки я...

...Минут через пять, когда рядом сидевшие баранолыщи уже подняли Прасковью с земли, успокоили, напоили тёплым чаем, они никак не могли понять, чему так радуется эта старая заплаканная женщина. Одни говорили, что бабке повезло – подвалил дурак-миллионер, купивший какую-то ветеранскую безделицу за пять тысяч рублей. Другие говорили, что бабуля Прасковья уснула на табуретке, да и упала, а что ей приснилось, никто и не разберёт.

...Вечером Прасковья сидела на кухне своей квартирке и в сотый раз уже перебирала пуговицы и булавки. И значки с Лениным. С Лениным и разговаривала:

– Вот, Ильич, и приходил Женечка. Я же говорила тебе, что не погиб он в той аварии. Просто он не смог прийти раньше. У него просто не было времени. Работа его такая. Да и жена... Ведь он за эти годы женился. А меня он узнал, только вида не подал. Это всё из-за его жены. И не спорь со мной, Ильич. Он и прежде не часто со столицы приезжал, а как женился, и тем более...

...Пролетарский вождь молча смотрел на Прасковью со своих крошечных металлических красных флажков и вымпелочков и соглашался. Давно он не видел старушку такой счастливой.

– Мы с тобой, Ильич, ещё его увидим. Ну, не может он не прийти ещё раз... После сегодняшней встречи не может. Нам бы с тобой только до следующей субботы дожить, а там я опять пойду тебя продавать... Он теперь знает, где мы с тобой работаем.

...В это же самое время высоко над землей, в самолёте, летевшем из Самары в Москву, высокий, сероглазый, русоволосый мужчина лет пятидесяти сжимал в кулаке блестящие орденские планки Ивана Галактионовича Агапова и думал о чём-то, отвернувшись в окно иллюминатора. За бортом «аннушки», далеко внизу медленно уплывала назад россыпь ночных огоньков какого-то маленького приволжского городка. Сидевшая рядом женщина

делала вид, что читает, но книга, в которую уже полчаса как уставились её мутные очки, была забыта на первой странице...

– Получаца, ты... Эту хреновину ты купил за пять тыщ, – чуть слышным голосом, не поворачивая головы, прошипела она.

– Получается, я... – Не отрывая глаз от россыпи огней внизу, тихо повторил он. – За каждой такой вот, как ты говоришь «хреновиной», солдатской крови пролито немерено. И наше с тобой настоящее тихо-мирное житьё-бытьё ей на десятилетия проплачено, если не на века. Но... оставь меня до посадки. Мне нужно подумать. Мне нужно подумать. Мне нужно вспомнить. Мне обязательно нужно всё вспомнить!.. Всё и самому.

Часть вторая

На следующий день около семи утра в дверь квартиры Прасковьи коротко позвонили. Потом постучали. Стук был робкий, тихий. Посмотрев в дверной глазок, старушка увидела на фоне подъездного окна темный силуэт Веры – соседской девочки лет четырнадцати, проживающей в квартире на этой же лестничной площадке. Она что-то прижимала к груди и боязливо осматривалась по сторонам.

Судя по всему, дверь квартиры напротив была не прикрыта: оттуда доносились грубые крики – меж собой ругались её родители. Прасковья щёлкнула засовом, отворила дверь и пригласила девочку войти.

– Входи, Верушка. В подъезде ж холодно, а ты, я вижу, в шлёпках на босу ногу...

Девчушка, шмыгая носом и продолжая оглядываться на шум позади, вошла и сразу же протянула Прасковье махровое цветное полотенчко, которое в этот момент почему-то прятала ото всех, кроме соседки.

– Вот, спасите его, пожалуйста. Ему у нас дома оставаться нельзя.

– Полотенце спасти?..

– Степашку. – Девочка торопливо отвернула уголок полотенца, и из свёртка показалась мордочка маленького серого котёнка. Она продолжила говорить так же торопливо. – Мне его вчера подарили на день рождения, а мама кошек не переваривает. У нее на них или аллергия, или нетерпимость, или ещё что-то. Не знаю, что с ним делать. Не на улицу же выкидывать. Можно, он у вас несколько часов поживёт? После школы я зайду за ним и отнесу прежним хозяевам.

А полотенце ему постелите на кресле или на диване. Степашку я уже покормила, так что...

– Конечно, оставляй. – Старушка бережно приняла живой пушистый свёрток, который, оказывается, всё это время тихонько мурлыкал. – У меня ему места хватит, тем более что аллергия у нас не живет. Да и миска с молочком для него найдётся.

– Спасибо. Извините за неудобства. Я пойду?

– Не волнуйся, Веруш. Иди-иди.

– До свиданья... Опять извините. Но... Я не знаю, как Вас по имени-отчеству...

– Прасковья. Бабушка Прасковья я.

– А меня... Да Вы знаете... Верой... Ой, что это у Вас к рукаву пальто пристало?.. – Девочка отце-

пила повисшую на пальто, в котором Прасковья прошлым днём была на рынке, металлическую блестяшку. – Значок это. Я такой же в нашем школьном музее видела. Какой на нем мальчишка кудрявый изображен! Смешной! А подарите мне?

– Бери-бери. Правда, это не простой мальчишка, это Володя Ульянов-Ленин, а его сегодня, наверное, дети не так уважают, как мы...

– Что Вы! Самое то! Кулл! Круто! Спасибо! Ну, я полетела? Степашка, не скучай, я скоро...

Когда юная соседка ушла, Прасковья ещё какое-то время стояла у открытой двери, прислушиваясь то ли к шумам в квартире соседей, которые стали заметно тише, то ли к мурлыканью Степашки. Оказавшийся ненужным хозяевам соседней квартиры котёнок и очень похожая на него одинокая старая бабка Прасковья неотрывно смотрели друг на друга.

– А чего это мы должны быть одинокими и ненужными никому? – пошлёпав в комнату, старушка шепотком спросила котёнка и потёрлась кончиком своего носа о его крохотный мокрый носик. – Почему так-то? Вот оставляю тебя у себя, нам и хорошо будет. Не переваривают его, видишь ли, некоторые... Так Верушке и скажем – будем, мол, вдвоём жить. А она пусть к тебе в гости приходит. Она ж тебя любит. Ты не против? А, Степан Степаныч?

Котенок завозился в полотенце, желая высвободиться, и тоненько мяукнул.

– Говоришь, согласишься? Ну, осваивайся тогда. И чего это я раньше себе кошечку не завела? Мож, тебя ждала?..

...Степашка осторожно семенил по комнатке, обнюхивая предоставленную в его пользование жилплощадь, вскарабкался по дивану и скоро улёгся в его уголке. А Прасковья умилённо следила за ним и вполголоса приговаривала:

– Теперича мы, Стёпушка, с тобой не ничьи. Теперича ты мой, а я теперича твоя. Значит, у нас всё теперича хо-ро-шо, слышишь, всё хорошо.

* * *

Из аэропорта Евгений и его супруга Татьяна ехали на такси. Она листала купленные после посадки свежие столичные газеты, читала вслух объявления, выбирая касающиеся недвижимости за границей, рассуждая о том, сколько им ещё нужно накопить денег, чтобы «обменять бедное гнездышко на окраине Москвы на нормальную квартиру в центре Берлина или Парижа», чтобы осуществить их «общую мечту». А он...

Он был далеко – где-то очень далеко и во времени, и в пространстве. Он всматривался в яркие волны орденских планок, лежавших в полуоткрытой ладони, и словно видел в них что-то такое, от чего всё глубже уходил в себя, всё больше и больше мрачней. В его памяти хаотично мелькали кадры из жизни, которую он не знал. Или забыл.

Всё, что он знал о себе, рассказала жена, забравшая его из больницы около четырёх лет тому назад. Судя по медицинским документам, он – москвич Евгений Иванович Агапов, которого в карете скорой помощи без сознания тогда доставили в больницу. Из больницы его и забирала жена Татьяна Валентиновна. В медицинской карте и в заведён-

ном по данному случаю делу в милиции значилась следующая информация: его доставили из вагона метро, где он «в полной отключке катался несколько часов». С собой у него не оказалось никаких документов, удостоверяющих личность, но в кармане брюк нашли квитанцию на оплату услуг прачечной, по ней вычислили его имя, потом место работы, адрес жены. Приехавшая женщина и подтвердила, что он является ей законным супругом...

Без сознания он был около месяца. Врачи говорили, что его мозг взял «отпуск» из-за сильного переутомления... Придя в сознание, почти ничего не помнил ни про себя, ни про то, где жил и работал до поступления в больницу. А по рассказу жены выходило, что до «отпуска» он, как и она, был обыкновенным предпринимателем среднего звена, работавшим в сфере строительного бизнеса, что за несколько дней до потери памяти якобы провернул хорошую сделку, заработав приличную по их семейным меркам сумму денег, которую, скорее всего, у него и выкрали. Видимо, именно похитители и усыпили его каким-то сильнодействующим снотворным или вкололи какой-то нейтрализующий тело и память препарат. О его более далёком прошлом жена знала мало – говорила что-то про детский дом где-то в Поволжье, в котором тот якобы воспитывался...

Попытки что-то выведать о прошлом у коллег по бизнесу, которых время от времени по его просьбе находила супруга, толку не давали. Справки из полиции, налоговой службы, из мэрии сухо подтверждали и его Ф.И.О., и прочие паспортные данные, и прежний вид деятельности – предприниматель Агапов Евгений Иванович...

После выписки из больницы он занялся челночным бизнесом, в паре с женой мотаясь по бывшим советским республикам, по Европе, по Турции. На жёнушкино наследство, продав московскую однокомнатную квартиру и добавив заработанные за последние четыре года на перепродаже шмоток деньги, в скором времени им можно было на самом деле покупать домик в пригороде Берлина.

В столице Германии – года три назад – в одном из ломбардов он впервые и наткнулся на россыпи советских боевых наград и прочей военной атрибутики времён Великой Отечественной войны. При взгляде на ордена и медали в его мозгу что-то замкнуло. И впервые после выписки из больницы вместе с острой болью в сознании всплыли картины из жизни, о которой, наверное, он забыл...

Мозг в тот день выдал что-то из его детства: какой-то мужчина в офицерском кителе сидел за столом и, ломая огромными ладонями каравай хлеба, протягивал ему – ещё маленькому мальчонке – краюху... На груди у мужчины сияло несколько медалей, а на плечах крупными звёздами сверкали погоны... А мальчонка тот играл медалями, позвякивая ими, словно тяжёлыми серебряными монетами...

Из ломбарда он тогда вышел, потратив солидную сумму, чтобы купить советские награды, погоны... Для чего? – Позже часто их рассматривал, надеясь, что память снова сработает на включение воспоминаний о прошлом. По той же причине еще пару раз возвращался в тот самый ломбард. Но но-

вых картинок из детства или иного времени его жизни в мозгу не проявлялось. Однако он всё равно ждал очередной вспышки воспоминаний, так как был уверен, что именно блеск орденов и медалей помогает ему настроиться на восстановление забытого. И при любой возможности стал скупать их: неважно где, неважно какие и сколько стоят... И надо же – иногда это действительно срабатывало! И он вспоминал что-то из детства или юности, но это были малозначащие эпизоды: футбол в городском дворе, рыбалка на берегу неизвестной речушки, улицы маленького городка, школьные уроки рисования... Из этих обрывков воспоминаний он словно из пазлов складывал картину своей прошлой жизни... Но слишком многих деталей не доставало до чёткого узнавания хотя бы точного адреса места или имён людей, окружавших его в детстве... Ясно было только, что это где-то в средней части России – об этом говорили поля и перелески на другом берегу реки, берёзовая аллея за школьным окном, двухэтажные одноликие домики в толпе белогривых июньских тополей...

* * *

Восьмиклассница Вера, возвращаясь из школы, зашла к Прасковье не одна. Её сопровождал одноклассник Пашка – худенький добродушный ботаник невысокого роста. Он увязался за ней не только потому, что Вера ему второй год как нравилась, но и потому, что был он из тех учеников их школы, которые ответственно работали над пополнением школьного музея. Увидев у одноклассницы значок с Лениным, он поинтересовался, откуда тот и нет ли у бабушки Прасковьи ещё каких-то «примет старины глубокой», чтобы попросить их для музейных экспозиций. Внутри себя он был очень рад представившейся возможности побыть с нравившейся ему девочкой на несколько часов больше, чем обычно удавалось во время уроков, так как до этого она никак не реагировала на его знаки внимания.

У Прасковьи они оказались, минуя Верину квартиру, поэтому их школьные сумки лежали у двери. Девушка, узнавшая о желании старушки оставить котёнка себе, была очень рада услышанному и, привязав к нитке свёрнутую бантиком бумажку, беззаботно поигрывала с ним, сидя на диване. Пашка, напротив, делово, как только ему это удавалось изображать, расспрашивал старушку о бесценных для их школьного музея «сокровищах».

Последний раз так много гостей дома у Прасковьи было лишь в день похорон мужа Ивана, поэтому она с огромным удовольствием выкладывала на стол перед юными следопытами всё, что у неё в «сокровищнице» было: и семейные реликвии, и варенья. Она расспрашивала их про музей, про школьную жизнь, а те в свою очередь с любопытством листали фотоальбомы, где на снимках была совсем другая жизнь, другие по скоростям и настроениям времена в истории их городка.

Открыв страницы толстого с деревянными обложками альбома, Пашка увидел молодого, лет двадцати лейтенантика... Ему показалось, что они с ним чем-то похожи – одного почти роста, такие же светлые глаза и такая же вздернутая к небу чел-

ка. У солдата на гимнастерке справа красовалась медаль «За отвагу».

– Это мой Ванечка. Военная это фотография. Как раз перед тем, как в партию ему вступать, и медальку вручили, и снимок для фронтовой газеты сделали. Герой он у меня был! В артиллерийской разведке служил. Один раз с задания изо всего отделения ему одному удалось живым вернуться, но языка ценного он в штаб доставил.

Рассказывал, что на том и медаль заработал. А вот он уже после войны. – Прасковья быстро нашла нужную страницу с небольшим сереньким снимком. – Смотрите сколько у него уже медалей! – Со страницы альбома на Веру и Пашку смотрел бравый офицер Иван Агапов. На коленях у него сидел белобрысый и голубоглазый мальчуган. – Это наш сынок Женечка. Один он у нас родился. Больше не успели. Вани нет уже девять месяцев, но Женечка скоро приехать должен...

И Прасковья рассказала гостям всё, что случилось недавно на рынке, всё, что думала о возможных причинах исчезновения сына.

– За значки и погоны он тоже заплатил, но взять забыл. Заспешил куда-то. Вот приедет, я ему их и отдам. Скоро уже приедет...

– Бабушка Прасковья, а может, он по какой-то причине скрывается ото всех? – выдвинул детективную версию Пашка. – Может быть, он стал свидетелем какого-нибудь громкого политического преступления или тоже, как его отец, шпиона какого-то выследил, и ФСБ запрятала его где-нибудь за границей по программе защиты свидетелей. А, может быть, он вас тоже украдкой от ФСБ ищет... Надо бы проверить... Вера, у тебя Интернет подключен? Давай поищем сегодня. А вот эту фотку мы временно изымаем, чтобы... – Воображение паренька тут же разыгралось, он представил, как они сидят плечом к плечу в комнате у Веры, как на её ноутбуке листают страницы сайтов и поисковых систем, как находят сына Прасковьи, как шлют ему электронное письмо и отсканированную фотографию его с отцом-офицером, и обнимаются от радости, когда получают краткое ответное послание, в котором: «Спасибо вам, Павел и Вера! Я и есть тот самый Евгений Агапов. Матери моей привет передавайте...».

– Давай. Хорошая идея. – Вера легко согласилась. Она тоже загорелась идеей помочь бабушке Прасковье. – Только сначала я должна сделать все уроки, иначе меня предки к ноуту не подпустят. Так что приходи часа через два-три. Короче, я тебе по сотику звякну, как можно будет. Пошли. Надо всё делать чётко и быстро...

Прасковья ничего не понимала в таких терминах как «сайты» и «поисковые системы», «ноуты» и «сотики», но, провожая ребят, тоже радовалась и радости этой не скрывала.

– Смотри, Степан Степаныч, сколько у нас тобой друзей и помощников! Эти Женечку быстро отыщут. Так что нам с тобой пора готовиться к встрече. Завтра генеральную уборку в квартире учиним, а ближе к субботе надо будет и пироги, любимые Женечкой, испечь...

Надо признаться, что Евгений Агапов в попытках восстановить своё прошлое не довольствовался одними лишь обрывками воспоминаний и рассказами жены и коллег. Картинки из прошлого, «показанные» орденами и прочими воинскими реликвиями немалой уже коллекции, подвигли его на секретную операцию. Где-то полгода тому назад он втайне от жены предпринял ряд действий по идентификации собственной личности – наведаясь в больницу, в загс, в жэк – не узнал ничего нового... Пообщался с давним коллегой по прошлому бизнесу – предложил выпить за встречу, а доведя того до кондиции сверхболтливости, стал осторожно выведывать про себя прежнего, про свой бизнес тогдашний, про жену Татьяну. Словно невзначай всплакнул о том, что не помнит, где родился, где его детский дом тогда находился. А захмелевший приятель возьми да и выложи: «Чего ж проще-то. Ты ж мне про свой самый красивый в мире родной городок столько раз заливал. Все хвалился – в вашем лесе, в Мелекесе – все девчонки стюардессы. Даже я эту твою присказку выучил! А вот про детский дом ты только после провала в памяти и вспомнил...

Мелекес, как после выяснилось, – это старинное название города Димитровграда в Ульяновской области. Он расположен на трассе между Ульяновском и Самарой среди сосновых лесов на берегу реки Черемшан, впадающей в Волгу. Детский дом там имелся, но, как сообщил по телефону его директор, воспитанников с фамилией Агапов в нём за все годы не бывало.

Вёл Евгений и свою разведывательную операцию в сети Интернет. Там и нашел себя... в списке возможных жертв крупной автоаварии, по дате примерно совпадавшей с его провалом в памяти. Удивился – не по Татьянинному всё выходило. После чего втайне от неё завёл в различных социальных сетях Интернета персональные странички и стал периодически разбрасывать объявления в поисках одноклассников, «братьев и сестёр» по детдому, возможных родственников и однофамильцев. За два последних месяца среди откликнувшихся на них было несколько десятков людей, знавших различных Евгениев Агаповых. Нашлись и полные тезки – и Евгении, и Ивановичи, и Агаповы. Были и такие, у которых с ним совпадали даже год и день рождения! Но из Мелекеса-Димитровграда никто не откликнулся. Потому он и решил (под предлогом разработки поступившего ему бизнес-предложения) на прошлой неделе слетать в Самару, а оттуда заехать и на Димитровградскую коврово-суконную фабрику, где просчитать контракт по покупке оптовой партии ковров с портретом президента России...

Незадолго до поездки через знакомого программиста накопал в Интернете адреса и телефонные списки всех мелекесских Агаповых, среди которых его особо заинтересовал старый телефонный справочник, в котором в строке напротив И.Г. Агапова значился номер и адрес, показавшиеся ему очень знакомыми.

От аэропорта в Курумоче, что под Самарой, до Димитровграда около ста двадцати километров, и на такси они доехали быстро, за полтора часа.

Жена в последнее время сопровождала его во всех поездках, вот и в этот раз увязалась следом... Загрузив её процедурой разработки контракта на фабрике, он понёсся по адресу, который нашел в старом телефонном справочнике.

Где-то через двадцать минут «полёта» в такси по улицам желтого в сером хмурого сентябрьского городка Евгений, как ему показалось, сразу узнал, точнее говоря, вспомнил и двор, и тополя у деревянной двухэтажки, которые были в видениях и картинках воспоминаний...

Сидевшие у подъезда дома бабки сказали, что барахольщицы Степановны нет дома, что она традиционно на субботнем рынке. Туда предприниматель отправился уже в привычном эскорте жены...

На рынке с Татьяной они разделились. Она по своим делам – на шопинг, он – барахолку искать. Сначала выспросил у тамошних торговцев, где найти барахольщицу Прасковью, потом несколько минут смотрел на неё издали. Не узнавал! Ну не вспоминалось ему её лицо! Никак! Подошёл ближе и чуть не признался старенькой маленькой женщине, чуть не бросился на колени, почувствовав что-то родное в старушечьих морщинах и глазах. Но остерегся, засомневался...

Тут подошла злая от холода и неудачного шопинга жена, и он спешно рассчитался за орденские планки, найденные на клеёнке перед Прасковьей, и помчался ловить такси. Позже, уже в самолете, он до рези в глазах всматривался в орденские планки, лежавшие на ладони, всё чётче вспоминая то самое первое видение – мужчину в форме с погонами, колодки медалей на его кителе – они были как раз такие, как на этих планках.

* * *

Вера и Пашка были в шоке! Прижавшись друг к другу и онемев от увиденного на экране ноутбука, они без устали листали страницу за страницей. Ведь, как только они кликнули в поисковике Евгения Ивановича Агапова, комп выдал около полумиллиона ссылок на страницы, где были совпадения с запросом. Пришлось уточнить запрашиваемую информацию, добавив слово «разыскивается». Круг поиска резко сузился, и где-то уже через четверть часа они познакомились с московским предпринимателем Агаповым, разыскивающим своих друзей, родных... в том числе и в их родном Димитровграде...

На фотографии он был похож на офицера Ивана Галактионовича Агапова из фотоальбома соседки Прасковьи. В статусе его страницы было написано, что после болезни он потерял память. А это многое объясняло.

– Моя версия про тайны разведки и защиту свидетелей не сработала... – прошептал Пашка. – Жаль, его сотовый или хотя бы «электронка» не указаны – предлагает «писать в личном сообщении». Он бы уже выбрал – шифроваться, как бизнесмену, или родных искать. Придется просто писать на «мыло» – благо, хоть эти данные указаны, и ждать, когда ответит.

– Судя по тому, что у него на стене для сообщений куча спама болтается, он в Инете бывает редко, – резюмировала Вера. – Но тут есть несколько

посланий от разных Агаповых. Вот, прочти это. И это. А этот, кстати, его тезка, сочувствует нашему и предлагает бесплатную помощь знакомого экстрасенса... при провалах в памяти. Во как! Так-то вот. Будем ждать. Прасковье сразу всё скажем или подготовим её? Ну, психологически?

– Так она сама говорила, что видела его в прошлую субботу на рынке, что скоро приехать должен...

– Откуда он на базаре взялся? Почему сразу не рассекретился? Что-то здесь нечисто. А если он суперкиллер и от закона скрывается? Всякое может быть. И вообще, нам подстраховаться не помешает. Всё ж очень старенькая она уже – от такой долгожданной радости и помереть в два счета может... Давай хотя бы пару дней потерпим. Глядишь, и ответ из Москвы получим. Всё больше гарантии, что мы не ошиблись.

– Ладно. После школы в пятницу зайдём. И скажем.

...Выходя в подъезд, едва распрощавшись с одноклассницей, Пашка оторопел. На него из приоткрытой соседней двери, из полумрака квартиры молча и пытливо смотрела бабка Прасковья. Она словно давно уже стояла здесь и дожидалась его, чтобы спросить, есть ли новости о её сыне. На руках у неё дремал Степашка.

– Нашли? – голос Прасковьи был еле слышным, как из-под земли.

– Агаповых в сетях много. Очень много. Может, и ваш сын среди них есть. – Парнишка старался ни отказать, ни чересчур обнадёжить. – Мы писем много разослали. Будем ждать ответа...

– Ищите. Скорее ищите, – Прасковья продолжала говорить так же тихо, как и до этого. – Я подожду.

– Дня два как минимум потребуется. – Пашка отвёл глаза, ему было неловко от вынужденного вранья. Он поспешил по лестнице вниз, отвечая на ходу. – До пятницы информации больше будет, и она будет точнее. До свидания!

– До свидания. Скорее ищите... – Прасковье было куда спешить. Несколько минут назад к ней снова приходила старуха Смерть. Из зеркала смотрела на неё и звала за собой. Она сегодня была очень похожа на Прасковью. Но, увидев у зеркала мяукающего и чем-то встревоженного котенка, Смерть улыбнулась беззубым чёрным ртом и растаяла.

– Ты, Степашка, получается, спас свою Степановну. Напугал ты мою гостью незваную да неминуемую. Спасибочки тебе. Идём же спать. – Прасковья еще раз посмотрела за дверь, прислушалась к тишине подъезда и закрыла дверь. – Только бы насовсем не уснуть. Ты, если что, буди меня, буди-буди...

* * *

Четыре дня, что уже находился в Москве Евгений, промчались со скоростью ветра. Горы дел и десятки нужных и не очень встреч основательно отвлекли его от секретной спецоперации по поискам своего прошлого. Лишь поздно вечером, сидя на кухне и закачивая в себя привычные пол-литра кефира перед сном, он доставал из барсетки орденские планки Ивана Агапова и изучал каждую их щербинку, каждую полоску краски...

– Иван Агапов мог быть моим отцом. Но мог и не быть, – он мысленно спорил сам с собой, – и я выдаю желаемое за действительное. Ну, привиделось что-то моей больной башке... Ну, не хочется мне совсем без корней жить, вот и отыскиваю для себя подходящих одиноких стариков, выживших из ума и готовых типа усыновить любого москвича, тем более предпринимателя. Ненавижу себя... Угрозило же в тот год так упахаться, чтобы и ограбленным быть, и память потерять.

Когда он на несколько минут включил компьютер и зашёл в Интернет, то стал бойко листать почту, игнорируя спам. Писали со всех концов страны: другие, чужие ему Агаповы и их одноклассники, просто сочувствующие, просто любопытствующие... Толку от этой переписки было мало. Ему хотелось получить хоть «пустой конверт», но из Димитровграда-Мелекесса.

В этот раз сообщений было больше, чем всегда, но большинство их с таким же разочарованием, как и всегда, были отправлены в корзину. Пара уведомлений о письмах были написаны заглавными буквами, и одно из них вдруг «закричало»: «ИЩЕМ ЕВГЕНИЯ ИВАНОВИЧА АГАПОВА». Отправителями были «Вера – Самая Красивая в Инете Восьмиклассница» и «Павел Каменный Гребень – Штайнгребер Димитровградский».

– Неужели? – Мурашки пробежали по его телу. – Димитровградский кто-то меня ищет. Первое письмо из Димитровграда за всё время! Посмотрим, какого Агапова надо «Самой Красивой» и «Каменному»...

...Он, наверное, уже в десятый раз перечитывал это короткое сообщение, и волосы шевелились на его макушке, и сон исчез напрочь, и кофе потерял всякий вкус, и водка не растормаживала взбесившийся, казалось, мозг. На прикрепленной к файлу письма фотографии он увидел того самого офицера с тем самым мальчишкой Женечкой на коленях, которых память и выдала самыми первыми из возрожденных воспоминаний... Под утро решил плюнуть на все дела и снова исчезнуть из столицы, от жены, от дел... Дорогу в родительский дом он уже знал!

Не смыкая глаз, он лежал на кровати, пилил зрачками потолок, умолял часы идти хоть чуть-чуть быстрее. Жена, мило сопя, спала рядом, а он лежал и едва ли не рыдал, вспоминая строчку из письма Веры и Пашки: «Прасковья Степановна Агапова проживает совсем одна на улице Гвардейской...». Адрес совпадал с тем, по которому он в прошлую субботу уже навещался, откуда и поехал на базарную барахолку...

Рано утром, когда Татьяна ещё доглядывала свой пятый или двадцать пятый сон, он написал ответное электронное послание в Димитровград. Набрал на компьютере и письмо для супруги. Хотел было так и оставить его на экране монитора, но потом распечатал и положил на кухонный стол. Проверил, с собой ли у него документы и пластиковые карточки, взял зарядник для сотового телефона и неслышно вышел из квартиры.

На кухонном столе возле недопитой чашки смешанного с водкой кофе осталось его письмо. В

нем были строки: «Я все вспомнил. Я не детдомовский. Я сын Ивана и Прасковьи Агаповых. Родом из Димитровграда-Мелекесса. Я туда возвращаюсь. Зачем ты так со мной, Танюха? Из-за денег? Из-за квартиры в Берлине? Из-за чего? Это очень жестоко – воспользоваться чьей-то болезнью, чтобы отнять его прошлое, отнять и его самого у родителей-стариков... Эх, Танюха... Извини, если я не прав, но мне кажется, что и мою потерю памяти тоже ты устроила. Если вернусь в Москву, то мы на эту тему ещё поговорим. Не мешай мне жить хотя бы неделю и не доставай меня дома, дай побыть на родине без твоего эскорта, так похожего на конвой».

* * *

В пятницу вечером Вера и Пашка снова сидели и чаёвничали за столом у Прасковьи. Они в который уже раз рассказывали, как бродили по Интернету в поисках её сына, как на их письмо вчера утром пришло короткое сообщение: «Скоро буду. Маме привет! Евгений Агапов». Прасковья, как святая Божия Матерь, грела на руках котёнка Степашку, улыбалась им, поддакивала и ждала, ждала, ждала, и слушала сердце. А оно стучало тихо и ровно – тук-тук, тук-тук...

– Тук-тук-тук. – В дверь постучали, потом ещё раз. – Тук-тук-тук...

Вера побежала открывать...

– Бабушка Прасковья, это к Вам. Это...

– Привет, ма... Вот и я. Как два дня меня не было. Приехал вот вернуть папины орденские планки. – В дверь квартиры вошёл высокий, русоволосый, лет пятидесяти мужчина с огромным букетом поздних белых астр.

– Женечка приехал! – Старая седая женщина с котёнком в руках рванулась навстречу сыну, волосы её растрепались, по щекам потекли слёзы. – А мы со Степашкой только тебя и ждали. Не зря надеялись... А Ванечка вот не дождался. Помер Ванечка той зимой...

– Да Вы мне на рынке в субботу говорили о нём. Это ж я был. Только без букета. – Евгений с трудом перестал «выкать». – Вы... Ты... ты же меня там узнала?

– Не помню, что я там говорила... Да и неважно. Ты же приехал... А это и главное. – Прасковья была чуть не на две головы ниже сына. Всё ещё сжимавшими котёнка руками она упёрлась в грудь сыну и смотрела на него снизу вверх.

А он вдруг встал перед ней на колени и зарыдал. Когда же успокоился, вдруг спросил:

– Мам, а ты мне хлеб домашний испечешь? Я по нему так соскучился...

– Да я же его, Жень, сто лет не пекла. Что, если не получится? – Прасковья словно извинялась. – А вот пирог тебе сегодня же испеку. Твой любимый – с черноплодной рябиной. Забыл ты, поди, его вкус? Вставай, идём к столу. Вера, Паша, возьмите букет, поставьте его в вазу да доливайте чайник, будем праздновать...

Где-то через час, когда и чайник снова опустел, и астры отогрелись, Вера с Пашкой оставили Агаповых ворковать наедине и вышли к подъезду. Пашка и Вера были счастливы – тем, что причастны к сча-

стью старой Прасковьи и её сына.

– Ты не поверишь, мне сейчас орать от радости хочется, – парнишка еле сдерживал переполнявшие его эмоции.

– Так давай заорём, – Вера поддержала его неожиданно легко.

– А что орать будем?

– А ничего, – девушка резко передумала. – Не надо их покой нарушать. Сбегутся соседи, начнутся распросы. Кто приехал? Где пропал?..

– Ты знаешь, а мне Прасковья кое-что подарила. Для школьного музея. Вещь! – Пашка порылся в заднем кармане джинсов и достал погоны Ивана Агапова. – Обалдеть! Те самые! За то, что мы ей помогли.

– Ну, не знаю. Я бы такой дорогой подарок не приняла. И вообще. Жалко, что эта детективная история уже закончилась. Хотя... Тебе не показалось, что этот Евгений не очень похож на её сына Женечку, студенческие и армейские фотографии которого мы видели в их семейном альбоме?

– Да брось ты! Похож! Он самый. И вообще, надо срочно в Интернете организовать рассылку с перепостами, что Агапов Евгений Иванович не погиб тогда в аварии, что там была ошибочная информация. Короче: поиски, мол, прекращаем, не нужно нам больше никаких других Агаповых, а то, чего хорошего, если ещё кто-то точно такой же объявится, и к старушке на пироги завалится?

– А разве это плохо? Не было четыре года и одного сына, а тут сразу два?..

– Ага. И оба Женечки...

Парень с девушкой рассмеялись и медленно двинулись по тротуару от дома. Вечерело. Становилось холодно, а они этого не замечали. Просто шли и болтали о чём-то не таком сложном, как только-только завершившаяся с их участием добрая история.

* * *

Около полуночи Прасковья встала с дивана, осторожно освободив колени от лежавшей на них головы сына и подложив ему для удобства круглую думку. Тот крепко спал. Рядом с ним лежал свернувшийся клубком котёнок. Она же заснуть не могла, боялась проснуться утром и не увидеть его. А вдруг всё это жестокий старушечий сон? И никакого счастья на излёте её жизни нет? А ещё дожимало это непонятное урчание, которое вот уже почти час с небольшими перерывами доносится из его сумки,

оставленной у зеркала в прихожей, – оно такое назойливое. Что бы это могло быть?

Старушка, стараясь двигаться как можно тише, прошла в прихожую. Открыла барсетку сына. Достала сотовый телефон, который и был источником странного урчания, будучи переключенным в режим вибросигнала. На зеленоватом его экранчике мигала фотография той женщины, что сопровождала сына в прошлую субботу. Под фотографией была надпись «Танюха».

– Нет, Танюха, не сейчас. Пусть поспит мой Женечка. Пусть во сне всё-всё вспомнит. – Она вернула телефон на прежнее место – в сумку, аккуратно замотала её теплым платком, положила на стоящую рядом табуретку, а сверху ещё и укрыла своим пальто. Урчание стало почти неслышным. Так-то лучше. Утро вечера мудренее.

Прасковья задержалась у зеркала. Она вспомнила, как недавно общалась в нём со Смертью. Сейчас из зазеркалья на неё смотрела счастливая Степановна.

Неслышно старушка прошла мимо спящих на диване Евгения и Степашки к своей кровати, сняла с неё одеяло и укрыла сына. Затем так же тихо прошла в кухню: надо было помыть посуду, затеять для пирога с черноплодкой тесто и поставить опару для хлеба. Она всё же решила попробовать его испечь.

– Голова-то, может, и не помнит, а руки подскажут, сколько дрожжец, сколько муки взять, когда в духовку ставить, когда вынимать... – Она чуть слышно шелестела губами, будто заговор или молитву читала, то и дело приговаривая:

– Вот и слава Богу, вот и слава...

* * *

Когда Евгений проснулся, было утро, часы показывали без четверти девять. В зале, где он спал, на столе лежали и румянистый пирог с черноплодной рябиной, и ещё тёплый, золотистый каравай душистого хлеба. Рядом с ними он увидел вырванный из старой школьной тетрадки листок с написанными красным карандашиком словами: «Я ушла на работу, на рынок. Буду к обеду. Мама».

– Уже на работе. Неустанная ты моя... – Евгений Иванович Агапов достал из нагрудного кармана рубашки отцовские орденские планки, положил поверх прасковьиной записки и добавил. – Спасибо, родные, вот мы с вами и дома.

Фото автора

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

21 сентября – день памяти поэта, переводчика,
философа Зинаиды Миркиной (10.01.1926 – 21.09.2018)

Она ушла год назад, но у всех знавших и любивших её есть ощущение,
что Зинаида Миркина здесь, рядом, с нами. Стоит открыть книгу ее стихов...

Эмиль СОКОЛЬСКИЙ, литературный критик. Родился и живет в Ростове-на-Дону. Окончил геолого-географический факультет Ростовского государственного университета. Автор публикаций об исторических местах России, литературоведческих очерков и рассказов. Печатался в журналах «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Аврора», «Музыкальная жизнь», «Театральная жизнь», «Встреча», «Московский журнал», «Наша улица», «Подъём», «Слово», «Дон» и других. Редактор краеведческого альманаха «Донской временник» (Ростов-на-Дону).

НЕУХОДЯЩИЙ СВЕТ ЗИНАИДЫ МИРКИНОЙ

Эти стихи воздействуют на меня мгновенно. В чем выражается воздействие?

С первых же строк на душу нисходит тишина; а последние уже читаются в совершенном внутреннем покое; другое, третье стихотворение – и радость освобождения от всяческого сора, который, хочешь не хочешь, заносит в нас житейская суета, бьет через край – радость спокойная, пол-

нокровная, просветленная. Такое состояние точно передала сама Зинаида Миркина:

И наконец-то все замолкло.
Как будто то, что вкривь да вкось
Блуждало где-то долго-долго,
Внезапно в сердце собралось.
И стало сердце вновь единым,
Как над деревьями закат.
И все нашлось в его глубинах,
Как будто не было утрат.

Ее поэзия – поэзия обретений, но – «как будто не было утрат». Большое несчастье постигло поэта уже в ранней молодости. Перед защитой диплома на филологическом факультете МГУ Миркину разбил паралич; пять лет она провела в неподвижности. Крепкий дух и сила воли победили болезнь. Обрела Миркина гармоничный и светлый мир. Мир, который вошел в стихи, который стал стихами. «Без боли не дойти до Бога, / Без боли – запертая грудь», написала она спустя много лет.

Воспринимать жизнь как чудо может только человек ясного духовного зрения и душевной чистоты, не замкнувшийся на себе, на своих желаниях и страстях, напротив: открытый миру, чувствующий себя родственным каждой травинке, каждой душе, каждой звезде, частью мира, частью Вселенной. Человек, принимающий жизнь как целое – «объясв весь мир без разделения», – и прекрасное, и безобразное. Готовый противостоять уродливому, разрушительному, опираясь на свои духовные силы, которые, не устаёт подчеркивать поэт, неисчерпаемы: нужно только «доглядеть страшную, граничащую с кошмарами очевидность до стройности и великой гармонии невидимого очам внутреннего мира» (из эссе о Рильке «Невидимый собор»; кстати, переводы Миркиной из австрийского классика относят к высшим достижениям отечественной переводческой школы). Дух всемогущ, при постоянной уязвимости физической; дух – вечен, земное, физическое – смертно. Потому и главное, что необходимо уметь – «нащупать дно среди бездны плача, / В крошечной тьме увидеть свет»; идти к свету – и ничего не бояться, смотреть только на свет:

О, только лишь не оглянись
На боль, на гибнущую жизнь,
На то, что, воздух нам дробя,
Нас тянет вниз. Не на себя
Гляди, а лишь туда, где Бог
Творящий пламень свой зажег.
В пылающую эту высь
Иди сквозь ад. Не оглянись!

«Видеть», «идти на свет» – основная мысль поэзии Зинаиды Миркиной. А видеть мир можно только, если не заслоняешь его собой, понять мир можно только, если не окунаешься в его круговерть, – но смотришь со стороны, не стараясь навязывать свои условия, тем более переделывать. Если воспринимаешь мир в его всецелости, если не мечтаешь отделить от целого удобный кусочек, желая только одного – исполнения собственных желаний. Если стремишься ощутить красоту в себе, воссоединиться с миром, чтобы вместе с поэтом сказать: «Я каждый день рождаюсь вновь»: ведь любовь не стареет, «для Духа нету «от» и «до», а смерть – «Она придет

тогда лишь, / Когда уже не станет сил / Рождаться».

Все стихотворения Зинаиды Миркиной – разговор с Богом, ее присутствие в Боге, растворение в любви к Творцу:

Все бедствия исчезнут в одночасье,
И отойдет, потонет вся тревога.
Все, все неважно – было бы согласие
Души и Бога.
Согласье мироздания с миродержцем,
Согласье бега с осью неизменной,
Согласье каждой мысли с ритмом сердца,
Согласье сердца с ритмами Вселенной.

«Какого я племени? Веры которой?» – спрашивает себя Миркина; этот вопрос сам собой возникает и у меня. Бог, природа, тишина – вот чем полны ее стихи, и эта тема варьируется бесконечно. Православная ли она? Католичка? Буддистка? Да и важны ли «племя» и «вера»? Может быть, она «единомышленник» Николая Клюева, который настаивал на сближении религий («Об Индии в русской светелке, / Где все разноверья и толки, / Поет, как струна, карандаш», и прочее в таком духе)? «Я родом из этих бескрайних просторов, / Из этих бездонных небес», отвечает сама себе Миркина.

Да, стихам Миркиной не нужны ни вероучения, ни храм, ни даже молитва. Важнее всего для нее – цитирую поэта – «благоговейное отношение к жизни, внимание к тишине, в которой жизнь творится, истинное внимание к живому, к сердцу человека и самой земли». Это и есть ее религия; и, по Миркиной, если мы находимся в храме, единение с Богом заставляет нас забыть о стенах, нас обступающих:

Когда не замечаем сами
Себя в огромном гулком храме,
Как зачарованные дети, –
Нам Бог становится заметен.

«Где же мы? – подводит поэт итог своим стихотворным «наблюдениям», «уведя» нас из церкви. – Мы в Боге».

И все-таки какая же вера без молитвы? Почитаемый Миркиной арабо-американский писатель, поэт, философ и художник XX века Джебран Халиль Джебран о молитве высказался замечательно: «Когда вы молитесь, то возноситеесь ввысь, чтобы встретиться в воздухе с теми, кто молится в этот час, и с кем, кроме как в молитве, вы, может быть, никогда не встретитесь. Так что пусть ваше посещение этого невидимого храма приносит вам лишь экстаз и ощущение сладостного общения». Джебран говорит о «невидимом храме», и этот «невидимый храм», пожалуй, Зинаиде Миркиной очень понятен, органичен для ее внутреннего мира. Душа и сердце, природа и тишина – вот невидимый, нерукотворный храм. Здесь с Миркиной перекликается тот же Клюев, которого родимые ели «клятвой великой связали – / Любить Тишину-Богомать», перекликается и поэт Николай Панченко, понимающий, сколь нелегкая задача «В молчании творить молитву, / В молитве – образ тишины», когда «молитва, как молчанье, / И молчанье, как моленье»...

Молитва – это тишина.
Молитва – это ясность взгляда.
Молитва – это ни одна
Мысль больше не нарушит лада, –

пишет Миркина, и слова Джебрана – «Что есть молитва, как не расширение вас самих в живущий эфир!» – словно бы дополняет: «Молитва – это тайный лад / С собою и со всей вселенной». Тайный лад, то есть – «тихий», сокровенный, – и простой, естественный, как дыхание. Миркина однажды рассказывала: не раз приводилось ей видеть в Третьяковке церковных людей; стоя перед иконой, они читали Евангелие или Псалтирь, на икону не глядя; перекрестившись, поклонившись, уходили. Вместо того, чтобы, подобно другим верующим в церквях, обращаться к иконе как к Богу и учить других, как правильно стоять, молиться и какие молитвы читать... Миркина выбрала для себя «тайный лад», погружение духа в безмолвие, когда «весь мир в твоей груди» и твой «внутренний простор / Распахнут, как моря».

Вспомнилось, обратился я к настоятелю церкви в Заостровье, что под Архангельском: батюшка, есть такой поэт – Зинаида Миркина; по ее религиозным стихам не поймешь, какой она веры; важно ли вам это знание? И отец Иоанн, человек литературно грамотный, ответил: главное другое – сколько в них поэзии!

Сколько поэзии в стихах Зинаиды Миркиной? Вопрос важный и... деликатный. «Не то чтобы стихи – скорее молитвы», – приходилось мне слышать. – «Монотонна...», «одно и то же...», «напрямую выражает мысль...», «в большом количестве читать трудно...»

Странно... А ведь меня ни разу не посетило сомнение в том, что стихи Миркиной – поэзия. У нее нет системы сложных образов, как у Ольги Седаковой, она не пользуется сверхдлинной строфой, как Олеся Николаева, избегает цветаевской порывистости, что заметно у Марии Аввакумовой, не увлекается верлибром, где строки могут быть сколь угодно растянуты, что в последнее время характерно для Константина Кравцова; язык прост, мысль и вправду предельно ясна. Стихи – будто и ни для кого. Они – для птиц, для травы, для деревьев, для моря, для неба... И рождаются так же, как пение птиц, шелест деревьев, шорох волн. Однако важнее то, что у стиха Миркиной, строго организованного ритмически, безукоризненная чистота тона; стих вполне соответствует тому глубинному чувству, которым поэт живет, которое для поэта – воздух, единственный способ, единственное условие существования. Тихо и протяжно поют гласные, приглушенно, еле слышно звучат мелодии Миркиной. Нет, даже не ее мелодии, – звучит сама природа: словно бы едва заметный вздох ветра сменяется покоем таким всепоглощающим, что сердце замирает в удивленном восторге. Стихотворение заканчивается, едва начавшись, – а тишина остается, хочется ее длить и длить: вот-вот нарушит, надолго прервет, поглотит мелочное житейское, окружающее со всех сторон... В тишине стихов Миркиной, тишине, которая не наступает, но растет, набирает высоту, нарастает, в продлении молчания (когда понимаешь, что ничего важнее, святее безмолвия быть не может), – сила их воздействия. Стихам Миркиной противопоставлены многословие (обычный объем стихотворений – восемь-шестнадцать строк), интеллектуальная нагруженность, филологическая усложненность,

даже иносказания и метафоры (что, казалось бы, не может не отражаться на творчестве губительно). «На вершинах поэзии не бывает метафор», сказал Александр Межиров, а я бы его перефразировал: «На высотах Духа иносказания и метафоры не нужны». Миркина избегает «художественности», «литературности», оставляя нас наедине с языком, со звуками, с лесным покоем, с земным и небесным простором, оберегая от социальной суеты, от тяжелой усталости большого города, от механической спешки, от напряженного шума. Ее поэзия уводит нас от поэзии иной, которая ныне в чести, – вот уж, действительно, весьма однообразной при всем своем «многообразии»: ироничной, центонной, изобретательной, питающейся конкурсами, эстрадными соревнованиями, премиями. Миркина всегда остается сама собой и творит свои негромкие мотивы простейшими средствами, перемежая перекрестную рифму с парной, а ведь только благодаря таким средствам и можно ощутить собственную безграничность, найти вход из внешнего внутрь себя самого и там, в глубине, опору, которая и есть внутреннее духовное могущество. Пожалуй, стихи Миркиной все-таки можно уподобить молитвам – в том смысле, что чтение молитв – не работа воображения, а пребывание, соединение человека с Творцом. Воображение, культура вторичны. Зинаида Миркина, таким образом, обращена к первоисточнику.

В верлибре такой тишины сумел достигнуть, по-моему, только Геннадий Айги. Но тишина Миркиной иная – она до дна очищает душу и переполняет благодатью. Можно еще вспомнить Ларису Миллер: ее стихи интонационно напоминают Миркину. Однако в «тишине» Миллер скрыт какой-то гул, какое-то подспудное напряжение, какое-то тревожное предчувствие; стихи ее все же держатся на грани земного и небесного, и находиться на этой грани подчас мучительно, поскольку «земное» остро напоминает о том, что мы на этом свете гости... Впрочем, «небесное» у Миркиной опирается на «земное», она стремится к такому «росту тишины» в себе, «Чтоб тишина была живой, / Как лес с шуршащею листвою»; слушая «плеск и журчание» хвой, она стремится

Заразиться от леса покоем,
Высотой от древней сосны,
Беспредельною ширью морскою
От кипящей, гремячей волны...
Устремленностью в небо – от птицы,
Свежим духом – от вешней струи.
Боже, что ж не могли заразиться
Всем Тобою создання Твои?

Конечно, «Тишина – не отсутствие шума, / Тишина – состоянье души», и стихи Миркиной углубляют эту мысль Инны Лиснянской: тишину необходимо слышать, и только слыша тишину, можно общаться с ней и творить ее поэтическим словом. «Очистить мир до тишины» – такую задачу видел перед собой Айги. «Омовение тишиной» назвала наполнение своей души бездонным покоем Зинаида Миркина. Айги создавал молчание, Миркина превращала в стихи, преображала, утверждала как высшую, нерушимую радость, – радость, которой полнится душа даже в самое грустное время года:

Такая немощь! Где-то за порогом
 Чуть плещет ветер. Ветки шелестят...
 Смиренье – это единенье с Богом,
 Смиренье – это бесконечный лад.
 Осенний дождик, скуповатый, редкий, –
 Но как под ним деревья хороши!
 Сплетенье желтой, бурой, красной ветки...
 Согласие пространства и души...
 Ну вот и все. И ничего не требуй.
 Не нарушай святую тишину.
 Земля прильнула к стынущему небу,
 Душа моя – к осеннему окну.

Перед такой радостью отступает даже смерть.
 «Жизнь после смерти – это жизнь, / Но только не в себе, а в Боге», – преодолевая скорбь, светло говорит Миркина об ушедших, тех, кому нужно «гораздо больше тишины,.. гораздо более – простора, гораздо более небес».

Музыка для Зинаиды Миркиной – «путь души, идущий прямо через бездну», «раскрытие божеских объятий»; стихи – оправдание жизни, «господень вестник на земле», «тоска по раю, по собственной душе», «пропуск в вечность».

Стих – просто удостоверение,
 Что остановлено мгновенье,
 И что божественный поток
 Минуя сердце не протек,
 А напитал его до края.

В этих строках – убежденность в том, что не «художественное творчество» должно быть главным для поэта. «Когда поэму любят больше, чем душу, искусство превращается в то самое чистилище, из которого никто не хочет в рай. Не хочет к чистому свету, не хочет к точке соединения красоты и добра... Не искусство грешно. Грешно опьянение в искусстве, кружение души вместо продвижения

– внутрь и ввысь!» (из исследования о Цветаевой «Огонь и пепел»).

А что касается «похожести», «монотонности», то Зинаиду Миркину нельзя читать как «отдельные стихотворения», в нее нужно погружаться, вместе с ней совершать «омовение тишиной», духовно, душевно и сердечно просветляясь:

Пишу я мало или много
 Стихов – заботиться не мне.
 Мне б – только вглубь нырнуть, до Бога,
 А там – что жемчуга на дне.

Свою «нехитрую песнь» поэт называет «непрерывностью бытия». Тишина Зинаиды Миркиной «расплетает» дурные мысли, «распутывает все узлы», стоит лишь вслушаться в ее стихи. Безмолвие получает имя, оно – условие того, чтобы мысли пребывали в согласии с ритмом сердца, а сердце – с ритмами Вселенной. Только так длится и длится жизнь как чудо:

Тот самый час, когда последний свет
 Почти отсутствуя, еще разлит повсюду,
 Как вещей шепот. Тьма и есть и нет,
 И сердце молит о продлении чуда.

И чудо в самом деле продлено.
 Белеет полночь северного лета.
 Моей души открытое окно
 Наполнено неуходящим светом.

Зинаида Миркина не престаёт дарить нам чудо. Настраивать струны нашей расстроенной души. «Верность любви, которая есть наша суть», «верность внутреннему смыслу вопреки внешней бессмыслице» – это и есть ее стихи.

(журнал «Зинзивер», №4, 2011)

Зинаида МИРКИНА

***

У вас дела, а я бездельница.
 Я ни при чем, ничья, никто.
 Смотрю, как лист, сверкая, стелется
 На жёлто-красное плато.
 Гляжу, недвижная, безмолвная,
 В огня бездымного костры,
 И из души, огнём наполненной,
 Родятся новые миры.

***

Есть в роще тающей осенней
 Неугасимый Божий след,
 Немая красота смиренья –
 Сквозь смерть сияющий просвет.
 Густая тишина; ни звука.
 Но напролёт через меня,
 Сквозь всю мою земную муку –
 Прокол небесного огня.

***

Мои стихи... Они в меня нисходят,
 Как снег с небес. Когда душа чиста,
 Её заполнит тонкий плеск мелодий,
 Оттенки неба, линии куста.
 Она сама земли застывшей тише.
 Она пустынна. Вход в нее открыт.
 Она звучит лишь потому, что слышит.
 Она нема. Мир сквозь неё звучит.

***

А за окошком – золотая осень,
 Сияние господнего огня.
 Вот Тот, кого о милостыни просим,
 Свою любовь обрушил на меня.

Да, прямо в растворившуюся душу,
 Лишенную уже последних сил,
 Свою любовь бездонную обрушил
 И ничего взамен не попросил.

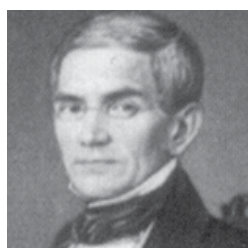

ЮБИЛЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

ОКТАБРЬ 2019

2 октября – 50-летний юбилей отмечает поэтесса Олеся Анатольевна Козина (р. 2.10.1969, г. Ульяновск). Дочь писателя А.Н. Марасова. Окончила Санкт-Петербургский государственный университет. С 2014 года работает на кафедре философии Ульяновского государственного университета. Автор романа «Пур» (2011), поэтических сборников «Выбор» (2000), «Формы. Выбранное» (2000), «Аз емь» (2003), «Стихи» (2004), «Sola» (2012), «Come prima» (2013), «Агасфер» (2017) и др. Член Союза писателей России (2018).

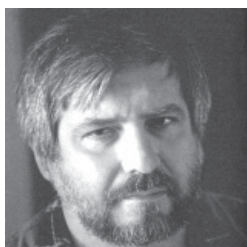
3 октября – 215 лет назад родился поэт и переводчик Дмитрий Петрович Ознобишин (крещён 3.10.1804, с. Троицкое Карсунского у. Симбирской губ., ныне Инзенского р-на Ульяновской обл. – 14.08.1877, г. Кисловодск Ставропольской губ.; похоронен там же, по другим сведениям, перезахоронен в с. Китовка Карсунского у.). Учился в Петербурге и Москве. После 1828 года жил в Симбирской губернии. Автор стихотворений «Трубадур» (1820), «Старец» (1821), «Рассвет» (1831), «Волга в ноябре» (1833), «Рыбаки» (1835) и др.

4 октября – 85 лет со дня рождения библиофила, писателя-публициста Николая Ильича Яценко (4.10.1934, пос. Уяр, ныне город Красноярского края – 25.06.2013, г. Ульяновск). Окончил Ульяновский политехнический институт (1967). Работал в Ульяновской школе высшей лётной подготовки (1968 – 1994). Автор книг «Уроки общения» (1988), «Вечно живой Сент-Экзюпери» (1990), «Озарённые радугой» (1993), «Мой Сент-Экзюпери» (1995), «Учитель мудрости» (1999), «Экзюперисты» (2012). Заслуженный работник культуры РФ.

5 октября – 410 лет назад родился немецкий писатель Пауль Флеминг (5.10.1609, г. Хартенштейн – 2.04.1640, г. Гамбург). Крупнейший лирик немецкого барокко. Писал оды, послания, стихи «на случай». В 1633 – 1639 гг. с А. Олеарием посетил Россию и Персию в составе Голштинского посольства. Проплывал мимо Симбирской горы в 1636 и 1638 годах, написал в этих местах сонет о впадении Камы в Волгу. Три сонета, посвящённые Москве, перевёл поэт А.П. Сумароков, опубликовавший их в «Ежемесячных сочинениях» (1755).

6 октября – 60-летний юбилей отмечает писатель Сергей Станиславович Юрьев (6.10.1959, г. Уржум Кировской обл.). С 1962 года живёт в Ульяновске. Окончил исторический факультет Рязанского пединститута (1990). Работал в ульяновских СМИ, стихи публиковал в местных газетах, журналах «Карамзинский сад», «Симбирскъ». Автор романов «Нашествие с севера» (2001), «Хрустальная колыбель» (2001), «Жемчуг Богов» (2003), «Вечность сумерек, вечность скитаний» (2007), «Нить неизбежности» (2015), «Игры падших» (2017) и др.

7 октября – 30 лет исполняется поэту Вячеславу Андреевичу Савину (р. 7.10.1989, г. Мытищи Московской обл.). С 1995 года живёт в Ульяновске. Окончил филологический факультет УлГПУ им. И.Н. Ульянова. Работает в Областной библиотеке для детей и юношества им. С.Т. Аксакова. Стихи публиковал в журналах «Знамя», «Октябрь» (Москва), «Волга» (Саратов), «Карамзинский сад», «Симбирскъ» (Ульяновск) и др. изданиях. Участник Форумов молодых писателей России разных лет.

11 октября – 125 лет со дня рождения писателя Бориса Андреевича Пильняка (11.10.1894, г. Можайск Московской губ. – 21.04.1938, г. Москва). Жил в Саратовской губ., учился в Нижнем Новгороде, бывал проездом в Симбирской губернии. В сентябре 1919 года посещал Мелекесс. Автор книги прозы «С последним парходом» (1918), романов «Голый год» (1922), «Машины и волки» (1925), «Волга впадает в Каспийское море» (1930), «О'кей!» (1931), «Соляной амбар» (1937) и др. Был председателем Всероссийского союза писателей.

11 октября – 105 лет назад родился писатель Андрей Иванович Царёв (11.10.1914, с. Верхняя Маза Сызранского у. Симбирской губ., ныне Радищевского р-на Ульяновской обл. – 9.08.1989, г. Ульяновск). Работал учителем, журналистом, редактором Ульяновского отделения Приволжского книжного издательства. Автор книг стихов «Радуга» (1955), «Качели» (1962), «Дождик на колёсах» (1966), повести «Неслух» (1963), поэмы «Высокое достоинство» (1981), очерка «Возмужание» (1988) и др. Член Союза писателей СССР (1962).

11 октября – 75 лет со дня рождения писателя и переводчика Вячеслава Георгиевича Железнякова (р. 11.10.1944, с. Новое Томышёво Новоспасского р-на Ульяновской обл.). В 1958 году очерк «Повышенное давление» получил первую премию в литературном конкурсе газеты «Ульяновская правда». Окончил МГУ им. М.В. Ломоносова (1969). Автор рассказов «Ордер с невестой» (1984), «Встреча с братом» (1984), «Земляки» (1986), «Семейный альбом» (1986) и др. Член Союза профессиональных литераторов России. Живёт в Сызрани.

13 октября – 85 лет исполняется писателю и публицисту Растему Нургаяновичу Заппарову (р. 13.10.1934, д. Касаево Красноборского р-на ТАССР, ныне Агрызского р-на РТ). В 1953 – 1954 гг. работал мастером и технологом Ульяновского автозавода, был секретарём заводского комитета ВЛКСМ. Окончил Ижевский механический институт (1963). Автор повестей «Сыщики», «Человек на ладони», «Эхо войны», «Жаркие дни Афгана», «О чём шумят берёзы», «Прерванный полёт» и др. Член Союза писателей России. Живёт в Ижевске.

14 октября – 60-летний юбилей отмечает поэт Владимир Васильевич Сахарцев (р. 14.10.1959, пос. Майна Майнского р-на Ульяновской обл.). После окончания института работал журналистом в районной газете «Ленинец». Жил в городе Старица Тверской области.

Написал тексты более 50 песен. Автор поэтических сборников «Звон в ночи» (1992), «Смех да и только!» (2007), «Именины сердца» (2008), «Где купаются голуби...» (2009), «По ломаной кривой» (2011), «Зал ожидания» (2013) и др. Член Союза журналистов России.

15 октября – 205 лет назад родился поэт и прозаик Михаил Юрьевич Лермонтов (15.10.1814, г. Москва – 27.07.1841, г. Пятигорск). В поэме «Сашка» и прозаическом отрывке «Я хочу рассказать вам...» с подробностями описал Симбирск, что дало основание

краеведам считать, что поэт мог посетить город в 1829 или 1832 годах. Автор романа «Герой нашего времени» (1840), стихотворений «Парус» (1832), «Бородино» (1837) и др. В 1842 году прах перевезён в фамильный склеп с. Тарханы Пензенской губ., где поэт провёл детские годы.

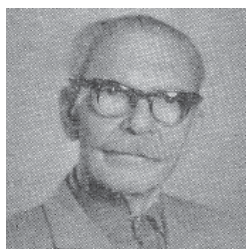
17 октября – 275 лет со дня рождения государственного деятеля, литератора Сергея Кузьмича Вязмитинова (17.10.1744, ? – 27.10.1819, г. С-Петербург). В 1794 – 1795 гг. симбирский и уфимский генерал-губернатор. В Симбирске взял под покровительство семейство сосланного сюда приятеля и сослуживца И.П. Тургенева.

Первый в России министр военно-сухопутных сил (1802 – 1808). Автор либретто оперы «Новое семейство» (1781). С 1790-х гг. был близок с Г.Р. Державиным. Интерес к литературным занятиям сохранил до конца жизни.

17 октября – 90 лет назад родился чувашский актёр и драматург Геннадий Терентьевич Терентьев (17.10.1929, д. Старое Буяново Урмарского, ныне Янтиковского р-на Чувашии – 13.04.2006, г. Чебоксары). Заведовал литературной частью Чувашского драмтеатра, не раз

бывал на гастролях в Ульяновске. Автор пьес «Нонкина любовь» (1963), «Сыновья» (1972), «Белым-белая черёмуха» (1980), «Шехри на том свете» (1983), «Милая, если бы ты знала» (1984) и др. Член Союза писателей СССР (1972). Народный артист Чувашской АССР (1976).

19 октября – 120 лет назад родился поэт Иван Ефимович Ковалевский (19.10.1899, с. Бочечки, ныне Конотопского р-на Сумской обл. Украины – 11.06.1994, г. Ростов-на-Дону). Участвовал в Гражданской войне в рядах 24-й Самаро-Симбирской железной дивизии,

в том числе на территории Симбирской губернии. Жил в Ростове-на-Дону. Член Союза писателей СССР (1962). Автор книг стихов «Мои герои» (1938), «Рождение песни» (1959), «Взятое с бою» (1965), «Я снова в дороге» (1969), «Родниковый свет» (1984), «Радость взгляда» (1989) и др.

22 октября – 135 лет со дня рождения поэта Николая Алексеевича Ключева (22.10.1884, д. Коштуги Олонецкой губ. – 23-25.10.1937, г. Томск). Бывал в Симбирской губернии по пути в Самарскую губернию: «Там я жил, почитай, два года царём Давидом большого Зо-

лотого Корабля...». Дружил с литератором Н.Н. Нилли (Ильиным), был членом Симбирского отделения Союза крестьянских писателей. Автор сборников «Сосен перезвон» (1912), «Братские песни» (1912), «Мирские думы» (1916), «Песнослов» (1919), «Ленин» (1924) и др.

22 октября – 80 лет назад родился татарский писатель Иркем Давлеливич Хайретдинов (р. 22.10.1939, д. Кушкувак Дрожжановского р-на ТАССР, ныне РТ). Окончил Ульяновский политехнический институт. Работал редактором радио

на заводе «Искра», корреспондентом ульяновских газет «Симбирский курьер», «Эмет». Несколько лет возглавлял национально-культурное общество «Мэ-дэният» («Культура»). Один из составителей книги «Симбирские вёсны». Автор сборников прозы «Рассказ лесника», «Ненасытный», «Праздник ёлки».

22 октября – 70 лет со дня рождения писателя Владимира Павловича Паркина (22.10.1949, г. Ульяновск). Окончил Туркменский государственный университет (1980), работал в газетах Ашхабада. С 1985 года живёт в Москве. Автор романа «Конкиста по-русски», повести «Тайна старого минарета»,

сборников «Колодец», «Скафарингус», «Старая записная книжка» и др. За книгу «Меч и крест ротмистра Кудашева» награждён медалью им. А.С. Грибоедова. Член Московской организации Союза писателей России (2007).

23 октября – 230 лет назад родился декабрист и публицист Николай Иванович Тургенев (23.10.1789, с. Тургенево Симбирского у. Симбирской губ. – 10.11.1871, г. Париж). До семи лет воспитывался в семье. Приезжал в Симбирскую губернию в 1818 и 1820 гг., перевёл своих

крестьян на оброк, открыл им больницу. В 1821 году вместе с Н.М. Муравьевым организовал «Северное общество» декабристов. С 1824 года жил в Германии, Швейцарии, Италии, Англии и Франции. Писал стихи, опубликовал трёхтомный труд «Россия и русские» (1847).

26 октября – 25-летний юбилей отмечает поэт Александр Александрович Дашко (р. 26.10.1994, г. Ульяновск). Работал в ульяновских газетах «Комсомольская правда» и «Народная газета». Занимается реализацией культурных проектов в Ульяновской областной научной библиотеке им. В.И. Ленина. Автор поэтического сборника «Болевой порог» (2015). Председатель Совета молодых литераторов Ульяновской области. Лауреат областной поэтической премии им. Н.Н. Благова (2017). Член Союза писателей России (2018).

блестящий поэт Александр Александрович Дашко (р. 26.10.1994, г. Ульяновск). Работал в ульяновских газетах «Комсомольская правда» и «Народная газета». Занимается реализацией культурных проектов в Ульяновской областной научной библиотеке им. В.И. Ленина. Автор поэтического сборника «Болевой порог» (2015). Председатель Совета молодых литераторов Ульяновской области. Лауреат областной поэтической премии им. Н.Н. Благова (2017). Член Союза писателей России (2018).

27 октября – 100 лет со дня рождения писательницы Елены Моисеевны Ржевской (27.10.1919, г. Гомель – 25.04.2017, г. Москва). Жена поэта П.Д. Когана. Проплывала мимо Ульяновска в 1937 году, а также в 1942-м во время войны, по пути на курсы переводчиков

в г. Ставрополь-на-Волге (ныне Тольятти). Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (1948). Член Союза писателей СССР (1962). Автор книг прозы «Весна в шинели» (1961), «От дома до фронта» (1967), «Была война» (1979), «Ближние подступы» (1985) и др.

28 октября – 40 лет исполняется писателю Михаилу Альбертовичу Камалееву (р. 28.10.1979, г. Ульяновск). Переезжал с семьёй на Урал и Украину, окончил университет и аспирантуру в Ульяновске. Жил в Москве, был участником Форума молодых писателей в

Липках. Работает в Ульяновске руководителем некоммерческой организации «Центр образовательных и культурных проектов «Клевер». Автор романа «Ни капли невинности. Хроника стремительной молодости» (2004), повестей «17 оргазмов весны», «Маша Онегина» (2007).

30 октября – 185 лет назад родился этнограф, краевед и публицист Михаил Васильевич Арнольдов (30.10.1834, Симбирская губ. – после 1875, ?). Окончил Казанский университет. В 1858 – 1862 гг. преподавал русскую словесность в мужской Симбирской гимназии. С 1863 года был секретарём губернского статистического комитета. Публиковался в газете «Симбирские губернские ведомости». Автор работ «Из путевых заметок по Симбирской губернии», «Осада Симбирска Стенькой Разиным», «Ярмарки и базары в Симбирской губернии» и др.

30 октября – 120 лет со дня рождения писательницы Надежды Яковлевны Мандельштам (30.10.1899, г. Саратов – 29.12.1980, г. Москва). Жена поэта О.Э. Мандельштама. Во время войны жила в Средней Азии. В 1949 году переехала из Ташкента в Ульяновск; работала

преподавателем английского языка в педагогическом институте, была уволена в феврале 1953-го в рамках кампании по борьбе с космополитизмом. Автор книг «Воспоминания» (1970), «Вторая книга» (1972), «Книга третья» (1978), «Об Ахматовой» (2007) и др.

31 октября – 190 лет назад родился духовный писатель Иоанн Кронштадтский (Иван Ильич Сергеев) (31.10.1829, с. Сура Пинежского у. Архангельской губ. – 2.01.1909, г. Кронштадт). Был в Симбирске 4-5 июля 1894 года во время путешествия по Волге: провёл

богослужение в Троицком соборе, посетил Спасский и Покровский монастыри, дома городского головы А.Д. Сачкова и кафедрального протоиерея. Автор сочинений «Моя жизнь во Христе» (1894), «Христианская философия» (1902), «Путь к Богу» (1905) и др.

Октябрь – 155 лет со дня рождения духовного писателя Дмитрия Алексеевича Добросмыслова (? .10.1864, Симбирская губ. – 28.02.1917, г. С-Петербург). Родился в семье священника. Окончил Казанскую духовную академию. Служил в Самарской духовной семинарии, в канцелярии Святейшего синода. Автор трудов «Философия Н.И. Пирогова по его «Дневнику» (1893), «Мнения отцов и учителей церкви о ветхозаветном обрядовом законе Моисея» (1893), «О церковно-каноническом законе против браков в родстве» (1900) и др.

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ ОКТЯБРЯ

Олеся КОЗИНА (р. 1969)

* * *

Я верю в то, что выход есть из тупика.
Я знаю то, что участь веры нелегка.
Я слышу вздохи зла, возлюбленного мной.
Я вижу, как я буду биться с тишиной.
Следы в душе от уст голодного греха.
Душа не сетует, душа, увы, тиха.
Она скрывает не смятение тоски,
Она таит отраву дьявольской реки.
И мне уже не важно, где я буду жить.
Мне – по земле ходить, иль небо переплыть.
Иль оказаться рядом с Господом самим
И видеть мир незащищённым и нагим.
И я украду миг у времени волны.
И он объял меня игрою глубины.
Прибита к выбору безвольная рука.
Я верю в то, что выход есть из тупика...

* * *

Осень – мимо, мимо, мимо.
Красок быстрая картина.
Мимо жалоб, сжатых в круг,
Мимо крови, мимо рук,
Мимо дрожи, мимо глаз,
Мимо грязи и заразы,
Мимо страсти, мимо снов,
Мимо хамов и чинов,
Мимо глоток, мимо жал
Ветер осень провожал.
Звуки звонче, чем тоска,
И стальнее волоска
Ветер бережно донёс
Прямо в душу, между слёз...

* * *

Я небу киваю из тесной квартиры.
Хочу из болезни попасть на простор.
Знобящая осень. В блестящих мундирах
Стволы. И из ветра – угасший минор.
Сознанию душно. Часы не догонишь.
Все вещи, как кошки: хотят молока.
Усталость, ты слышишь? Уронишь, уронишь
Меня на свободу. Помучай пока.
Болею. Как будто с собой я – в раздоре
И вдруг утонула в свою глубину,
Где болей миры – как кричащее море.
Себя не услышу – и камнем ко дну...

Дмитрий ОЗНОБИШИН (1804 – 1877)

ВОЛГА

(в ноябре)

Волга шумно, грозно льётся,
Об утёс гремя волной;
То под льдиной тихо бьётся,
То идёт со льдиной в бой;

Призывает летни грозы,
Страшно воеет, берег рвёт;
То, струясь, жемчужит слёзы
И глядит в лазурный свод.

Бойтесь слёз, не бойтесь воя!
Волга тихая хитра,
В ней волна кипит от зноя
В яркой пене серебра.

Заманит лучом Востока,
Ясным небом завлечёт,
И далёко, и глубоко
Унесёт вас в хляби вод!

Пусть же бьётся в буйном споре,
Об утёс звенит крутой.
Ей не долго на просторе
Стлаться вольною струей.

Дунут с Севера морозы,
Вихрь метели зашумит,
И русалки хитрой слёзы
Хлад зимы оледенит.

ПОДРАЖАТЕЛИ

Из лука пущена стрела
Пронзила своды эмпирея
И, самолюбьем пламенея,
Упрёком встретила орла:
«Смотри, как я взвилась высоко,
Быстрее тебя я вверх лечу
И выше, только захочу,
Так что с земли не взвидит око!»
«Как мне судьба твоя жалка! –
Сказал орёл. – Чужие крылья,
Чужая мчит тебя рука
Под светозарны облака,
А вниз влечёт своё бессилье».

Пауль ФЛЕМИНГ (1609 – 1640)

СОНЕТ О КАМЕ

(перевёл А.М. Ловягин)

Царицы дикие пустынных пермских вод,
Плывите, нимфы, к нам, не замедляясь боле...
У волжских берегов ваш взор, на дикой воле,
Голштиньи первенца и гордость обретёт:

Корабль наш здесь стоит. По всей Руси идёт
Лишь разговор о нём и нашей славной доле.
Голштинцам удалось безвестное дотоле,
Что в вечности скрижаль их имя занесёт.

Пусть бурных вод своих нам Кам-отец нальёт
Ковшами полными, чтоб сосен наших ход
Замедлить не могли ни суши здесь, ни мели,

А Волга впереди пусть нам готовит путь,
Чтоб от опасностей могли мы отдохнуть
И смерть и грабежи нам угрожать не смели.

МОСКВЕ

(перевёл А.П. Сумароков)

Град, русских городов владычица прехвальна
Великолепием, богатством, широтой!
Я башен злато зрю, но злато предо мной
Дешевле, нежелъ то, чем мысль моя печальна.

Мной зришься ты ещё
в своём прекрасней цвете;
В тебе оставил я что мне милей всего,
Кто мне любезнее и сердца моего,
В тебе осталася прекраснейшая в свете.

Избранные места России главных чад,
Достойно я хвалю тебя, великий град,
Тебе примера нет в премногом сем народе!

Но хвален больше ты ещё причиной сей,
Что ты жилище, град, возлюбленной моей,
В которой всё то есть, что лучшее в природе.

Сергей ЮРЬЕВ (р. 1959)

* * *

Душа, окованная сталью,
Стремится вдаль,
Но вновь сестра твоей печали –
Моя печаль.
Всё, что ушло и не вернётся,
Имеет вес.
Броня души опять столкнётся
С бронёй небес.
Пройдя сквозь вязкий бархат ночи,
Сквозь ситец дня,
Ты обретёшь всё то, что хочешь,
Но не меня.
Зовёт из тьмы первоначальной
Святой Грааль.
Душа, окованная сталью,
Стремится вдаль.

* * *

Когда я был растением, я знал
Своё родство с созвездиями неба,
Какая была была, какая небыль
Меня ждала во мгле иных начал.
Я знал пути ращения корней,
Когда тянул свой стебель в поднебесье,
Я знал огромный мир, и бессловесность
Была любой словесности мудрей.
Читая фазы Лунного Серпа,
Я знал, куда мне новый путь размечен,
И я ушёл куда-то в бесконечность,
Когда через меня легла тропа.

К***

За тысячу лет до ближайшего чуда,
За тысячу снов до ближайшей звезды,
За тридцать шагов до ближайшей беды
Мы женщин целуем и моем посуду,

И где только не оставляем следы.
Мы сами себе сочиняем заботы
О тех, кому вряд ли мы будем нужны,
И видим тяжёлые долгие сны
В бездонную ночь с четверга на субботу,
Проспав календарный приход тишины.
Сживаемся вечно с какой-нибудь ролью,
С мальчишеской страстью на старости лет...
Настольные книги лежат на столе,
Застольные речи звучат при застолье,
И люди привычно живут на земле...

Вячеслав САВИН (р. 1989)

* * *

Моя любовь остепенилась
халат напялила и тапки
друзья попадали в немилость
на безразличье в целом падки

Иных уж нет – и те далеке
в руке нога лихой кобылки
теснит мечтательные речи
пружина ржавая ухмылки

Окно запенено нелепо
и только форточка открыта
по целлофановое небо
дождём рождественским умыта

Всё хорошо да что-то гложет
зудит маячит нерестится
рычит натужно корчит рожи
никак не может разродиться

* * *

сколько листьев не уляжется в ведре
столько вёдер не прозябнет на дворе
а иначе не проехать не пройти
обернуться достучаться – прекрати
это правда – безусловный перестук
неумолчный непорочный вон из рук
будь то яблоко янтарное на спас
будь то время покидающее нас
у распаханной дороги гужевой
набухают зёрна крови дождевой
крупны зёрна бесконечен их помол
и в падении подобранный подол

* * *

Я колокол – мальчонка для битья.
Слепая завязь.

Песчаник осыпается, касаясь
холодного питья.

Безостый голос на воду листки
роняет, неразделен.

И стебель уязвим не по-людски,
и наг и зелен.

Андрей ЦАРЁВ (1914 – 1989)

БЕССМЕРТИЕ

Рассвет над Ивановкой розов,
Как детские светлые сны...
Из бронзы отлитый Матросов
Средь чуткой стоит тишины.
Заре он подставил веснушки
И лёгкий пушок над губой...
Таким он в бою за Чернушки
Закрыв амбразуру собой.
Он здесь, у порога родного,
Застыл на бессменном посту...
Вот солнце июньское снова
Ласкает его на лету.
Вот стайка мальчишек вихрастых
Бежит к нему с росных лугов,
И звонкое-звонкое:
– Здравствуй!..
И тут же охапка цветов
На камень подножный ложится.
Гвоздики что угли горят...
Россия. Мальчишечьи лица.
Шагнувший в бессмертье солдат.

* * *

Не гнетусь судьбой такую
И тому негромко рад,
Что я жил своей строкою,
Не совался в первый ряд.
В первый ряд – охочих много,
Больно очередь длинна,
Дорога туда дорога –
Жизнь бывает ей цена.
Кто-то рвётся, чуть не плачет –
Не пускают... Ну и пусть.
Нет уж, как-нибудь иначе
Жизнью я распоряджусь.
Признаём другие мерки
И другие чтим права:
Лишь бы души не померкли,
Не повыцвели слова.
Не гнетусь судьбой такую,
Хоть не то чтоб и горжусь...
И глядишь – своей строкою
И другому пригожусь.

Владимир САХАРЦЕВ (р. 1959)

С ПОКЛОНОМ К ОСЕНИ

Знакомы краски... Не сочту за труд
Искать пейзаж неблизкою дорогой,
Чтоб в акварелях выписать нестрога
Плач журавлей и обмелевший пруд,

Печаль лугов, вечерний полумрак.
Берёзы в вальсе, а за косогором –
Который год сползающий к заборам
От лебеды не спасшийся овраг.

Раз августу уйти предрешено,
С поклоном выйдут к Осени-царевне
И этот лес, и милая деревня,
Встречавшая привычной тишиной.

В глазах домов – вселенская тоска.
От декораций выцветших фасадов
Мрачнее вид заброшенного сада,
Церквушка непарадною близка.

Ещё не время зимних холодов,
Озноб реки – серебряною рябью.
Запропастилось где-то лето бабье –
Не встретишь на Покров его следов.

...В гармонию штрихи не собираю,
В оттенках сокровенное увижу.
Пусть солнце опускается всё ниже
И пёс, зевая, лезет в конуру.

И чётче – силуэты тополей,
Внезапно растерявших позолоту.
И неуютно после обмолота
Сиротскому безмолвию полей.

ОТБИРАЯ СИНЕВУ

Раздев леса, посеребрив траву,
Ещё одна глава осенней прозы
Закончилась под первые морозы,
У неба отбирая синеву.

Без стука двери настезь отворив,
Запасливая, с белыми холстами,
По всей Руси – с прорехами местами –
Уже зима метелями сорит,

Дорогу выстилая январю.
А тот возьмёт в подельники не грозы...
Вновь по стеклу – холодных красок розы.
И снежный плен – земному алтарю.

И наметёт сугробы у ворот,
Успеет стужа перепутать карты...
...Ещё не время для объятий марта,
А мы хотим в его солнцеворот!

Михаил ЛЕРМОНТОВ (1814 – 1841)

САШКА

(отрывок из поэмы)

56

Иван Ильич имел в Симбирске дом
На самой на горе, против собора.
При мне давно никто уж не жил в нём,
И он дряхлел, заброшен без надзора,
Как инвалид, с георгиевским крестом.
Но некогда, с кудрявыми главами,
Вдоль стен колонны выселись рядами.
Прозрачною решёткой окружён,
Как клетка, между них висел балкон,
И над дверьми стеклянными в порядке
Виднелися гардин прозрачных складки.

57

Внутри всё было пышно; на столах
Пестрели разноцветные клеёнки,
И люстры отражались в зеркалах,
Как звёзды в луже; моськи и болонки
Встречали шумно каждого в дверях,
Одна другой несноснее, а дале
Зелёный попугай, порхая в зале,
Кричал бесстыдно: «Кто пришёл?.. Дурак!»
А гость с улыбкой думал: «Как не так!»
И, ласково хозяйкой принимаем,
Через пять минут мирился с попугаем.

58

Из окон был прекрасный вид кругом:
Налево, то есть к западу, рядами
Блестали кровли, трубы и потом
Меж ними церковь с круглыми главами,
И кое-где в тени – отрада днём –
Уютный сад, обсаженный рябиной,
С беседкою, цветами и малиной,
Как детская игрушка, если вам
Угодно, или как меж знатных дам
Румяная крестьянка – дочь природы,
Испуганная блеском гордой моды.

59

Под глинистой утёсистой горой,
Унизированной лачужками, направо,
Катилась широкой пеленой
Родная Волга, ровно, величаво...
У пристани двойною чередой
Плоты и барки, как табун, теснились,
И флюгера на длинных мачтах бились,
Жужжа на ветре, и скрипел канат
Натянутый; и серой мглой объят,
Виднелся дальний берег, и белели
Вкруг острова края песчаной мели.

Ефим КОВАЛЕВСКИЙ (1899 – 1994)

* * *

Я руки ломаю, я плакать готов,
Захваченный силою чёрной.
Ты часто мне снишься, родной мой Ростов,
Разрушенный, но непокорный.

Я вижу: на улицах трупы детей,
Заполнены тюрьмы друзьями,
И стаи двуногих фашистских зверей
Глумятся над сёстрами и матерями...

БАТЬКО ДОН

С поля тянет тёплым духом хлеба.
Скорый стал. Я вышел на перрон.
Полный кубок голубого неба
Мне подносит старый батько Дон.

Батьке я ни в чём не прекословлю.
И хоть в зелье вовсе не влюблён,
Пью до дна за Родины здоровье,
За твоё здоровье, батько Дон!

МОЛОДОЙ ЛИТЕЙЩИК

Обласкан Отчизны любовью,
Согретый людской добротой,
С безмежных полей Приазовья
В литейный пришёл он весной.

Свежи в аттестате отметки –
Прощай, ученический год!
На главный рубеж пятилетки
Наш юный литейщик встаёт.

Глядит в смотровое оконце –
Ударная плавка идёт.
Пусть мастер прикажет – и солнце
Для Родины он отольёт.

Николай КЛЮЕВ (1884 – 1937)

* * *

Я молился бы лику заката,
Тёмной роще, туману, ручьям,
Да тяжёлая дверь каземата
Не пускает к родимым полям –

Наглядеться на бора опушку,
Листопадом, смолой подышать,
Постучаться в лесную избушку,
Где за пряжею старится мать...

Не она ли за пряслом решётки
Ветровую свирелью поёт...
Вечер нишет янтарные чётки,
Красит золотом треснувший свод.

1912

ИЗ ЦИКЛА «ЛЕНИН»

Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрых
Он ищет в «Поморских ответах».

Мужицкая ныне земля,
И церковь – не наймит казённый,
Народный испод шевелия,
Несётся глагол краснозвонный.

Нам красная молвь по уму:
В ней пламя, цветенье сафьяна, –
То Чёрной Неволи басму
Попрала стопа Иоанна.

Борис, златоордный мурза,
Трезвонит Иваном Великим,
А Лениным – вихрь и гроза
Причислены к ангельским ликам.

Есть в Смольном потёмки трущоб
И привкус хвои с костяникой,
Там нищий колодовый гроб
С останками Руси великой.

«Куда схоронить мертвеца», –
Толкует удалых ватага.
Позёмкой пылит с Коневца,
И плещется взморье-баклага.

Спросить бы у тучки, у звёзд,
У зорь, что румянят ракиты...
Зловещ и пустынен погост,
Где царские бармы зарыты.

Их ворон-судьба стережёт
В глухих преисподних могилах...
О чём же тоскует народ
В напевах татарско-унылых?

Николай ТУРГЕНЕВ (1789 – 1871)

* * *

Приди, о Истина,
и поселись меж нами,
Приди, искорени
вгнездившийся порок,
Соделай, чтоб враги
нам сделались друзьями
И чтоб невинного
не гнал уж боле рок.
Соделай, чтобы ложь,
вражда и суеверство
Попраны были в прах,
истреблены навек
И чтоб начало зол,
несродно смертным зверство,
Чтоб Фанатизм погиб –
и счастлив человек!

1918

1807

КАМИН

Во время скучное печали и несчастья,
Когда всё пасмурно и на дворе ненастье;
Когда мой чижичек повесив нос сидит,
И всё вокруг меня, всё сентябрём глядит;
Когда, набравши дров, камин свой затопляю
И синий огонёк мехами раздуваю, –
Тогда с унынием сажусь против него,
Забывши целый свет и друга своего,
Беседую один с моим воображеньем.
И, видя ход вещей и времени стремленье,
Несчастье всех людей, ничтожность жизни их,
Которая кратка, как самый скорый миг, –
Теряюсь в мыслях весь, себя сам забываю;
Но вдруг смущённый взор в камин я обращаю
И вижу – угольки потухли уже там.
Вот участь всех людей, награда суетам:
Жар в угле пропадёт – и уголь потухает;
Так, после славы всей, и смертный умирает!

1807

Александр ДАШКО (р. 1994)

* * *

Будто капля акварели скверной,
засыхает лужа во дворе.
Мы с тобой не встретимся, наверно,
в невозможно тёплом сентябре.

Бабье лето пролетит как праздник,
только я не ветреный поэт.
Я как робкий сонный первоклассник
уроню помявшийся букет.

И уйду по раскалённым листьям,
словно йог по колющим гвоздям.
Потому что боль меня очистит,
потому что в счастье жить нельзя.

А наутро бородатый дворник,
лишь перцовкой горло промочив,
раскидает листья по задворкам
и забудет осени мотив.

* * *

Вновь смеркается. Кто-то уходит,
не прощаясь, руки не подав.
Вроде мы и не ссорились. Вроде
я не пьян и не хмур. Наплевав,
что в ноябрьских сумерках тоже
много спрятано мелких обид,
лица, морды, гримасы и рожи
в них уходят. И путь их лежит
от ларьков, где ни слова о хлебе,
до скрипучей подъездной двери.
А на чёрном, прокуренном небе
кто-то выключил все фонари.

* * *

Слишком быстро всё тает
у меня на виду.
Путь к убогому раю
я по лужам пройду.

Кто облил соком утра
голубые дома,
поступил очень мудро.
И простилась зима.

И идёт то ли дождик,
то ли слёзы текут.
Я вдыхаю до дрожи
запах этих минут.

Я вдыхаю. И тает
на груди липкий снег.
До убогого рая
не добраться вовек.

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ ОКТЯБРЯ

Борис ПИЛЬНЯК (1894 – 1938)

СМЕРТИ (отрывок из рассказа)

Старик уже давно не может спать ночами, чтобы бодрствовать днём. Уже лет двадцать прошло, как про него верно можно сказать, что он почти все двадцать четыре часа суток спит, точно так же, как верно будет и то, что эти же сутки он бодрствует, – он всегда дремлет, лёжа с полузакрытыми своими выцветшими глазами на большом облупившемся диване, обтянутом свиной кожей английской выделки и постланной медвежьей шкурой. Закинув правую руку за голову, он лежит дни и ночи. И если, и ночью, и днём, окликнуть его:

– Ипполит Ипполитович! – Он всегда через пол-минуты откликнется:

– Так?!

У него мыслей нет. Всё, что есть кругом и было раньше в его жизни, ему безразлично, всё изжито. Всё изжито и думать ему не о чем. У него нет и ощущений, ибо все органы восприятия оступели.

Ночью шумят мыши. В пустынном зале, что лежит рядом, бегают и гулко шлёпаются, падая с кресел и столов, крысы...

Старик не слышит.

Утром в семь часов приходит Василиса, Васёна, баба лет тридцати семи, крепкая, здоровая, румяная, напоминающая июльский день своей цветистостью и ядрёным здоровьем.

Она говорит покойно:

– Доброго утра вам, Ипполит Ипполитович.

И Ипполит Ипполитович отвечает голосом спетой граммофонной пластинки баса:

– Так?!

Васёна деловито моет его губкой, кормит манной кашей. Старик сидит на диване сторбившись, положив руки на колени. Ест медленно с ложечки. Молчат. Глаза старика смотрят куда-то внутрь, невидяще. В окно идёт золотое, бодрое солнце, блестит в белых волосах старика.

– Сынок ваш приехал, Илья Ипполитович, – говорит Васёна.

– Так?! Меня приехал перед смертью посмотреть, – говорит старик.

Васёна деловито откликается:

– Что же?! Ваши годочки не такие, чтобы...

И старик, и Васёна спокойны.

Молчат.

Старик откидывается к спинке дивана и дремлет.

– Ипполит Ипполитович, вам надоть идти гулять.

– Так?!

Воздух «бабьего лета» синь и крепок... Где-то далеко наверху кричат журавли. Старик в чесучовой фуражке, надвинутой глубоко на лоб, в чёрном длинном пальто, сторбившись, опираясь на бамбуковую трость с изображениями змей и поддерживаемый здоровой Васёной, ходит по кровавым листьям виноградника около белой террасы, залитой холодным солнцем.

Иногда старик замирает на несколько часов. Из него уходит окончательно, так кажется, жизнь. Он лежит землисто-бледным, с помертвевшими губами, с глазами открытыми и стеклянными, почти не дыша. Тогда гонят за врачом, и врач вспрыскивает камфару и делает искусственное дыхание, даёт дышать кислородом. Старик оживает, медленно, бессмысленно поводя глазами.

Врач сосредоточенно и важно говорит:

– Если бы ещё одна минута, была бы смерть.

Когда старик отходит окончательно, Васёна ему повествует:

– Так уж боялись, так уж боялись... Совсем, думали, умерли уж... Да, ведь, и то, – годочки ваши не такие, чтобы...

Ипполит Ипполитович слушает безразлично и молча и лишь иногда, вдруг, нелепо, сожмуриваясь, щуря глаза и растягивая губы, смеётся.

– Хгы! – хгы! – смеётся он и хитро добавляет:

– Умру, говоришь? хгы! – хгы!

Растем ЗАПАРОВ (р. 1934)

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА (отрывок из книги)

На пункте опознания пришили Юре Малых руку, вывернули обратно и привязали ногу, загри-мировали лицо, переодели в новое форменное об-мундирование и вновь запаляли в цинковый гроб. Пришлось попросить, чтобы окошечко в нём заму-тили, потому что всё лицо было изуродовано. Поч-ти двое суток ушло на все эти мероприятия.

Военный комендант в аэропорту обрадовал:

– Скоро должен идти борт на Ижевск с двумя посадками. Лётчики согласны взять с собой груз 200. Покупайте билеты на себя и на груз.

Надо всё же вернуться в госпиталь и попро-щаться с Зентерековым, тем более что и денег на билеты хватало только на одного человека и на про-воз гроба.

Зентереков лежал в госпитальной палате, весь перевязанный.

– Ну, Саша, давай выздоравливай и скорее воз-вращайся домой, в Ижевск.

Но Александр, видно, всё уже продумал и встре-пенулся:

– Нет, нет, я здесь не останусь. Я с тобой полечу.

– Как полетишь? Тебя же не выпишут отсюда.

Но уже через десять минут Саша Зентереков, объяснив врачу, что за ним прибыли, выписался и стоял со своим вещмешком.

Майор с пункта приёма погибших, которому Матвеев рассказал, что надо везти с собой ещё и раненого, а денег на билет для него нет, не раздумыв-ая, вытащил из своего кармана деньги:

– На, возьми, и забудь про это. Ты везёшь своего погибшего друга, тебе сегодня эти деньги нужнее.

Он хорошо знал местные воинские порядки. Обычно, когда накапливалось до десятка перевозим-ых грузов 200, войска выделяли «Тюльпан» – само-лёт, на котором их всех доставляли в Москву. Ждать его можно было и неделю, и больше. Раньше такой борт летал ежедневно, сейчас раз в три-четыре дня ходит со своим скорбным грузом.

Приехали в аэропорт. Военный комендант дал

записку о том, что сопровождающих двое. Олегу нужно было организовать заезд на территорию аэ-ропорта и погрузку гроба. Он отправил Зентереко-ва покупать два билета и оплатить за проезд гроба. Саша, запыхавшись, прибежал и трясёт билетами.

– Купил?

– Купил...

Пошли на посадку через турникет. Дежурная повела их к руководителю полётов.

– Парни, ваш самолет уже заруливает на взлёт-ную полосу...

Тут уж совсем потемнело в глазах. Столько мук в пункте опознания перетерпеть, гроб стоит на сто-янке самолёта, а сам самолёт уже выруливает без них. Матвеев вытащил из кобуры пистолет Стечки-на и, вода его перед носом диспетчера, выговорил со сжатыми зубами:

– Отец, мне терять уже нечего. Я потерял своего друга. Я его целую неделю не могу довезти до Ижев-ска. Остановливай борт, иначе я тебя пришью...

Дед, божий одуванчик, дрожащими руками по-нажимал все возможные кнопки на пульте и крик-нул в микрофон:

– Борт 086, вы забыли пассажиров, немедленно останьтесь и вернуться на стоянку.

Пилоты, видимо поняв, в чём дело, разверну-лись и встали на стоянку. На подъёмной платформе одиноко стоит огромный деревянный ящик, в кото-рый забит цинковый гроб. Куда можно поместить в ТУ-134 от здоровенный ящик? Багажное отделение у него маленькое, большой ящик туда не войдёт. Лётчики не возражают везти гроб в салоне, но по-просили согласовать это с пассажирами. Матвеев, весь красный и вспотевший, влетел в салон:

– Товарищи пассажиры! Я сопровождаю своего боевого товарища, погибшего в Чечне. В грузовом отсеке места для гроба нет. Не будете ли вы возра-жать, если цинковый гроб мы поднимем в салон?

Все пассажиры притихли, но кто-то произнёс:

– Конечно, надо согласиться.

Владимир ПАРКИН (р. 1949)

СКАФАРИНГУС (отрывок из рассказа)

Шаб-Арам посетило высокое начальство. Груп-па офицеров, в рангах от замначальника войск округа до представителя Народного комиссариата Внутренних дел Союза ССР, привезла с собой ма-ленького сухого человека в пенсне и со старомод-ной седой бородкой эспаньолкой. Он представился учёным-ихтиологом.

Полковник-грузин с наградным знаком НКВД на кителе не представлялся. Прибывшие сразу прошли в умывальное помещение к ванне, в кото-рой плавали лопаносы. Полковник обнял учёного за плечо.

– Это скафарингусы?

– Да, скафарингусы, скафарингусы!

– Ты уверен?

– Да.

– Ты знаешь, что с нами со всеми будет, если ты ошибаешься?

– Да.

– И с твоей семьёй?

– Да.

– Теперь место твоего боевого дежурства у этой ванны. Рыба должна быть живой и здоровой столь-ко времени, сколько будет нужно! Не дай бог, если хоть одна сохнет!

Офицеры ушли, ихтиолог остался. По его ука-

заниям в ванне устроили аэрацию – продувку воды воздухом. Теперь дневальный потел, время от времени накачивая насосом автомобильный баллон. Воздух под давлением из баллона по шлангу подавался в воду и через самодельный распылитель мелкими пузырьками поднимался к поверхности.

С наступлением ночи ванна с лопаносами, распылителем и несколькими бочками пянджской воды была доставлена на военный аэродром. Этот груз уходил в сопровождении шести вооруженных ППП пограничников. Начальником группы был назначен я, молодой лейтенант Ершов. Полковник-грузин похлопал меня по плечу:

– Фамилия у тебя, лейтенант, рыбная! Значит, всё хорошо будет!

Нам было приказано оставить на комендатуре часы, карманные компасы (если у кого имелись), личные письма, блокноты, ручки и карандаши. Удовостоверения личности, солдатские книжки, табельное оружие были проверены самым тщательным образом. Старый начальник комендатуры пожал мне руку. Я успел спросить: «Куда?». Комендант только пожал плечами и покачал головой.

Двухмоторный «Дуглас» взмыл в ночное небо. Не скажу, как долго летели до места назначения. На двух промежуточных посадках нам не разрешали выходить из самолёта, не разрешали смотреть в иллюминаторы, которые были плотно задёрнуты шторками. Бойцы попеременно накачивали баллон аэрации воздухом. Ванна была затянута чистой простынёй из опасения, что вода при болтанке рас-

плескается, рыбы выскочат из ванны. В конце концов этот утомительный перелёт закончился. Салон был открыт, но аэродрома мы не увидели. По деревянному крытому трапу, как по галерее, мы прошли прямо во вместительный кузов незнакомого нам большегрузного автомобиля, в него же с большим трудом на руках внесли нашу ванну с рыбами. Крытый брезентом кузов был наглухо задраен. Мы двинулись в дальнейший путь. Через час машина въехала в большой двор. Борт открыли. Ночь. Ворота на запер, у ворот часовой. Погон не разглядеть. Машину разгрузили, ванну внесли в дом.

Полковник-грузин торопливо приводит себя в порядок. Ихтиолог осматривает своих подопечных. Ванна не течёт, аэратор работает. Рыбки плавают по дну!

Открывается дверь, входит незнакомый генерал-майор. Наш полковник успеваеет скомандовать: «Встать, смирно!». Вслед за первым входит второй генерал. Я уже не вижу, сколько звёзд на его погонах. Я вижу золотое пенсне и пронзительный взгляд чёрных глаз из-под стёкол.

Мысль, как молния: «Лаврентий Павлович!».

Берия улыбается, здороваеет со всеми за руку, обнимает учёного за плечо и ласково спрашивает:

- Довезли?
- Довезли!
- Живые?
- Живые!
- Скафарингусы?
- Скафарингусы!

Елена РЖЕВСКАЯ (1919 – 2017)

ЗА ПЛЕЧАМИ XX ВЕК (отрывок из книги)

Возвращался он через Куйбышев, отыскал Ньюру – уж не знаю, что это была за встреча – он снял с себя старое кожаное пальто, сохранившееся в казённой кладовой, а больше отдать было нечего. Достал из мешка изношенный лагерный ватник. В нём поехал дальше. Поезд увозил его к любимой. Его новая жизнь не вбирала беззаветного Ньюрино-го чувства.

Тогда, в последнее наше воскресенье под Куйбышевом, были похороны. Умер сторож дачного посёлка.

Телега с гробом выехала из яблоневого сада на пыльный большак. Кричали женщины. Б. Н., в чистой белой рубашке апаш, хмурый, ссутулившийся, шёл за гробом. Солнце как раз стояло в зените и калило его опущенную бритую голову.

Он был дружен со сторожем – сажали деревья, лелеяли сад.

Поминок, кажется, тогда не устраивалось. Внуки сторожа, девочка и мальчик, – это они обычно подкарауливали Б. Н., в тот вечер были у нас. Б. Н. поил их молоком, он держал на коленях девочку. И мне вдруг с физической осязаемостью так явственно сделалось – это ведь я вот так сидела у него на коленях, такой же маленькой, что одной лишь па-

мьятью и не припомнить.

Отправляя в обратный путь, Б. Н. пожелал доставить нам удовольствие, усадил на теплоход...

Теплоход набирал скорость, город на высоком берегу уходил всё дальше. Скрылся. Ещё серели его береговые окраины.

Могла ли я себе представить, что через несколько лет, в январе 42-го года, этим же руслом Волги, скованной льдом, заваленной снегом, я в команде военных переводчиков, окончивших курсы в Ставрополе, то пешком, то в розвальнях проделаю стокилометровый путь, чтобы явиться за назначением в действующую армию, в эвакуированный сюда Генштаб.

...Тогда крутила позёмка на Волге, заволакивало берега. Мы замерзали, но были в хмельном угаре – ведь вырвались из застойного быта курсов, движемся к фронту.

Эх, тачанка-ростовчанка...

Вдруг из вьюги – пёс, сидит пружинисто на снегу, оскал опутан седым инеем. Человек с лопатой увидел нас, перестал загребать снег. Чёрная, в седых ключьях борода, нестарое, умное лицо. Взгляд такой нецепкий... тихий... Защемило сердце... Окрик: «Проходите!» – очнулась – дуло винтовки из-за пле-

ча полушубка. Расчищают трассу... Где-то тут вышки, колючая проволока.

Несколько шагов – и вьюга сомкнётся за нами... Где-то сейчас Б. Н.? Каково ему? Мучительные, засасывающие в тоску мысли. Но ненадолго – снова захватывает весёлая одурь новобранства.

...Пулемётная тачанка,

Все четыре колеса...

Б. Н. поместил нас в комфортабельную каюту первого класса. Стало темно. Мы зажгли свет, было необыкновенно уютно. За бортом в иллюминатор плескалась Волга. Дрожь движения, зыбкое покачивание. Что-то двинулось впласть. Кажется, душа.

Я уложила братишку спать. Погасила свет, оставив ночник. На ощупь пробиравшись к двери и в полумраке увидела в зеркале себя.

Больше ни разу нигде не посетило меня это несравненное чувство счастья, или ещё более – пред-

вкушения его, от мгновения внезапного обольщения собой.

Я вышла на свет, на люди. Сидела заворожённо в ярко освещённом, нарядном салоне, не ведая, что через пять лет именно здесь, на одном из приколоченных к полу обеденных столов, буду спать под висящим тут портретом Карла Либкнехта, чьим именем назван теплоход. И будет почти темно в салоне и душно, а в стёкла будут биться лёгкие ранние снежинки, и протяжный гудок будет смутным трубным гласом судьбы. Переполненный теплоход – трюм из-под сельдей набит парнями-курсантами, – этот самый теплоход «Карл Либкнехт» будет плыть и плыть в обратном, чем сейчас, направлении, вниз по Волге, пока не причалит в городок под Куйбышевом, где на военных курсах переводчиков нас станут готовить для десантных войск.

Михаил КАМАЛЕЕВ (р. 1979)

НИ КАПЛИ НЕВИННОСТИ (отрывок из романа)

Первое, о чём я вспомнил, заняв-таки своё место в фирменном поезде «Москва – Ульяновск»: забыл дома очки. Это значит, что почитать, конечно, удастся, но недолго. Через час заболят глаза, придётся лезть на свою верхнюю полку и пытаться спать, стараясь не вслушиваться в пошлые разговоры соседей. «Ой, а вы слышали, у Васи-то опять сифилис. Говорила я ему – не ездь в Анстурдам. Нет, засранец, попёрся. Говорит, мол, мать, там трава самая дешёвая. Господи, у нас этой травой уже весь шифоньер провонял. Не знаю, куда девать. Даже кошку пробовала кормить. Не жрёт, зараза!»

Надеюсь, Ваня всё-таки купил билет, и я не поеду один.

С Ванькой мы столкнулись случайно, на «Комсомольской». Я, сдав все свои вещи в камеру хранения, спешил доделать кое-какие дела, а он, наоборот, шёл на Казанский, хотел купить билет. Потянуло, понимаешь, на родину. До этого дня мы не виделись года три. Примерно раз в полгода обменивались е-мэйлами, и не более того.

Мы учились в одной школе, он на два года младше. Можно даже с натяжкой сказать, что мы дружили. Впрочем, так оно и было. Ваня из тех, кого даже такие циники, как я, называют «умницами». Я искренне уважаю его и считаю своим другом.

Не скажу, что мы кинулись друг другу в объятия, но, пройдя всего пару метров после того, как увидел его, я обернулся. Он стоял и улыбаясь смотрел на меня. Мы пару минут поболтали, я оставил свой телефон и попросил позвонить, если он всё же сможет взять билет.

Ваня не позвонил, и теперь я сидел в вагоне, тупо глядя на перрон, и рисовал себе мрачные картины одинокого путешествия за тысячу километров от Москвы в компании тупых торгашей-алкоголиков. Картина не радовала.

Поезд тронулся, проводница проверила биле-

ты, собрала мзду за постель и удалилась охранять котёл с кипятком. Я достал плеер, включил Oasis и с головой окунулся в «Орфографию» Быкова.

Кто-то тронул меня за плечо. Я надменно поднял глаза. Ванька! Он всё-таки едет в этом долбанном поезде! Йес! Я не одинок!

Нам повезло: у меня было верхнее боковое место, а нижнее пока никто не занял. Поэтому мы спокойно разместились напротив друг друга, и я оперативно извлёк из сумки свои скромные пивные запасы. До самой Рязани болтали о всяком, вспоминали школу, общих знакомых, учителей, пару раз прерываясь на поход в вагон-ресторан за очередной «последней».

Вагон-ресторан в нашем фирменном поезде – это особая история с бесконечным продолжением. Вечно нетрезвые официанты, вечно пугающие заказы, вечное отсутствие сдачи, вечно занятые столики и бесконечные запасы холодного пива, которое, правда, приходится ждать целую вечность!

Стоянка в Рязани – 20 минут. Можно многое успеть, было бы желание. Нетерпеливых, страждущих и просто желающих всегда накапливается довольно много. Сигареты, семечки, минеральная вода, сушёная рыба, орешки, грибы, картошка варёная, фисташки, картошка жареная, фрукты, мороженое и пиво, пиво, пиво, пиво... У меня есть глубочайшее убеждение, что вездесущих бабушек с корзиночками, снующих туда-сюда по перрону, скрыто поддерживает компания «Балтика».

– Бабуль, пиво есть?

– Конечно, сынок, конечно. Вот, «Балтика», «троечка».

– А другое какое-нибудь?

– Конечно, внучек, есть. Вот, «семёрочка».

– Так. А ещё какое есть?

– Ну вот «девятка»...

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ (1899 – 1980)

ВОСПОМИНАНИЯ *(отрывок из книги)*

Все мои информаторы были люди доброжелательные. Лишь однажды я подверглась настоящему издевательствам. Дело происходило в Ульяновске, в самом начале пятидесятых годов, ещё при жизни Сталина. По вечерам ко мне повадился ходить член кафедры литературы, он же заместитель директора, некто Тюфяков, инвалид войны, весь увешанный орденами за работу в войсковых политотделах, любитель почитать военные романы, где описывается расстрел труса или дезертира перед строем. Всю свою жизнь Тюфяков отдал «делу перестройки вузов», и потому не успел получить ни степеней, ни дипломов, ни высшего образования. Это был вечный комсомолец двадцатых годов и «незаменимый работник». С тех пор, как «его сняли с учёбы» и дали ему ответственное поручение, его задача состояла в слежке за чистотой идеологии в вузах, о малейших отклонениях от которой он сообщал куда следует. Его переводили из вуза в вуз, главным образом чтобы следить за директорами, которых подозревали в либерализме. Именно для этого он и прибыл в Ульяновск на странную и почётную роль «заместителя», от которой нельзя избавиться, хотя у него нет формальных прав работать в высшем учебном заведении.

Таких вечных комсомольцев у нас было два – Тюфяков и другой, Глухов, эту фамилию следовало бы сохранить для потомства – внуков и дочерей, преподающих где-то историю и литературу. Этот успел получить орден за раскулачивание и кандидатское звание за диссертацию о Спинозе. Он действовал открыто и вызывал к себе в кабинет студентов, чтобы обучить их, о ком и какую разоблачительную речь произнести на собрании, а Тюфяков трудился втихаря. Оба занимались разгромом вузов с начала двадцатых годов.

«Работу» со мной Тюфяков вёл добровольно, сверх нагрузки, ради отдыха и забавы. Она доставляла ему почти эстетическое удовольствие. Каждый день он придумывал новую историю – Мандельштам расстрелян; Мандельштам был в Свердловске, и Тюфяков навещал его в лагере из гуманных побуждений; Мандельштам пристрелен при попытке к бегству; Мандельштам отбывает новый срок в режимном лагере за уголовное преступление; Мандельштама забили насмерть уголовники за то, что он украл кусок хлеба; Мандельштам освобожден и живёт на севере с новой женой; Мандельштам совсем недавно повесился, испугавшись письма Жданова, только сейчас дошедшего до лагерей... О каждой из этих версий он сообщал торжественно: только что справлялся и получил через прокуратуру такие сведения...

Мне приходилось выслушивать его, потому что стукачей прогнать нельзя. Кончался наш разговор литературными размышлениями Тюфякова: «Лучший песенник у нас Долматовский... Я ценю в поэзии чеканную форму... Без метафоры, как хотите, поэзии нет и не будет... Стиль – это явление не только формальное, но и идеологическое – вспомните слова Энгельса... С ними нельзя не согласиться... А не дошли ли до вас из лагеря стихи Мандельштама? Он там много писал»... Сухонькое тело Тюфякова пружинилось. Под военными, сталинского покроя усами мелькала улыбка. Ему раздобыли в Кремлёвской больнице настоящий корень женьшеня, и он предостерегал всех против искусственных препаратов: «Никакого сравнения»...

До меня часто доходили слухи о лагерных стихах Мандельштама, но всегда это оказывалось вольной или невольной мистификацией. Зато недавно мне показали любопытный список, собранный по лагерным «альбомам». Это достаточно искажённые записи ненапечатанных стихов, где нет ни одного с явным политическим звучанием, вроде «Квартиры». Основной источник – это циркулировавшие в тридцатых годах списки, но записывались стихи по памяти, и отсюда множество искажений. Некоторые стихи попали в старых, отвергнутых вариантах, например «К немецкой речи». А кое-что, несомненно, надиктовано самим Мандельштамом, потому что ни в какие списки не попадало.

Иоанн КРОНШТАДТСКИЙ (1829 – 1909)

О СЛЕЗАХ (отрывок из дневника)

О благотворнейший ток слёз! После тебя прекращается самая мучительнейшая, отчаянная болезнь сердца, причинённая грехом, выходит из сердца лукавый и убегает далеко. Даруй же мне, Господи, всегда горькие слёзы после каждого греха!

«Бог», сказано, «искушаше Авраама». Слышишь? Так Он искушает и всякого, старающегося жить добродетельно, чтобы поставить его в надлежачем виде пред лицом Его Самого и чрез то очистить его, как золото, от всякой удобосгораемой, нечистой примеси.

Как важна, многознаменательна в порядке нравственной жизни нашего сердца, чистота или нечистота его, его страстное или спокойное, бесстрастное состояние! Когда оно не чисто, подвержено страсти, тогда – увь! – не ждите от человека, у которого такое сердце, никаких хороших поступков: он сам не свой, а если бесстрастно, спокойно – тогда всё у него идёт плавно. Сердце обыкновенно и ум увлекает за собою: этот, обыкновенно, большею частью вторит сердцу. Потому часто бывает, что если на сердце у человека тяжело, если оно совсем не расположено к какому-либо делу, хоть бы очень нужно было делать его, – в это время отказывается служить и ум: он затмевается, а оттого иногда и самые уста невольно заграждаются. И потому необходимо всячески хранить своё сердце в мире, в бесстрастии.

Заглядывай чаще в своё сердце, спускайся в глубь его: приведи в ясность сознания всё, что в нём есть худого, и излечи во вздохах сожаления или в горьких слезах раскаяния всякое зло, скрывающееся в глубине сердечной.

Ах! Как многие остаются беспечными в отношении к своему сердцу: не хотят заглядывать в него и рассматривать тщательно, что в нём накопилось худого. Очень много теряют такие люди для своего спасения!

Братия! Был я на могиле, только что вырытой для покойника, и видел на поверхности вырытого могильного песка много голов человеческих, совершенно обнажённых от мяса, – с одними костями и

отверстиями бывших чувств. Тут торчали челюсти с зубами; видна была тёмная глубина глазная, отверстия от ноздрей и ушей; черепа эти были попираемы людьми. Я повернул ногою один череп и подумал: ведь это наши черепа; ведь и мой череп будет, может быть скоро, таким же, и моя гордость, моё величание скоро будут, как говорит Иов, подобны пепелу. – Ах! Люди суетные! Придите, посмотрите на эти черепа и подумайте, что с вами будет, – и отбросьте в своей жизни то, что составляет только пищу тления.

При находе страстей обыкновенно идёт сначала или, по крайней мере, большею частью бывает (у людей, которые не первому натиску неприятеля уступают победу) борьба помыслов страстных, возмутительных, мнимо справедливых с помыслами добрыми, противоположными, христианскими. Надобно стоять в этой борьбе твёрдо, мужественно и не уступать врагу победы. Помыслы добрые должны восторжествовать над противоположными им, хотя бы это стоило человеку и жертвований, по видимому таких, коих, по его расчету плотскому, не следовало делать. Жертвования эти обыкновенно бывают больше плотские, чувственные: в гневе – уступка каких-нибудь своих прав; в распутстве – отказ чувственности; в скупости – отказ себе в деньгах, которого бы не следовало делать по расчёту плотскому, и проч. Но та беда, что обыкновенно мало или вовсе не противятся приступам страстей, и оттого они, взявши силу над людьми, тиранят их (об Исае). – Довольство всем и всеми и спокойствие душевное – вот что должно быть постоянно предметом твоих забот и стараний, вот что делает человека счастливым в жизни; вот состояние, в котором ты должен быть всегда, постоянно.

Отчего Спаситель удивился вере сотника? – Оттого, что эта вера была достоянием чистого, доброго, простого сердца сотника и была редкостью между тогдашними людьми. Хотя вера есть дар Божий, но этот дар даётся только людям с сердцем, способным вместить такой дар.

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед*

